
НОЙ
ՆՈՅ
1993 · 4

НОЙ

АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ ВЕСТНИК

МОСКВА
1993

Этот номер армяно-еврейского вестника издан на средства производственного кооператива **"РАДУГА"**, *основанного* ***Седой ГАСПАРЯН и ее сыновьями Андраником, Гаспаром, Мануком ШАМИРОВЫМИ***

Юрий
АРУСТАМОВ (Нетания)

ДВА НАРОДА

Вениамину Городецкому

Анекдотами, притчами меткими
Мы сроднились давно меж собой,
И деревья с библейскими ветками
Распростерлись над нашей судьбой.

И опять мы, извечные странники,
Продолжаем свой путь по Земле.
Два народа... Изгои? Избранники!
Горстка соли на скудном столе.

ПОНЯТЬ БОЛЬ ДРУГ ДРУГА И ПРОСТИТЬ ПРОЛИТУЮ КРОВЬ

Беседа азербайджанца и армянина

Рафаэль ГУСЕЙНОВ. Вардван, я рад приветствовать вас в полномочном представительстве Азербайджанской Республики, в некотором роде - на азербайджанской земле. Очень рад, что вы согласились обсудить со мной самую сложную и больную для нас обоих тему - «Карабахский конфликт», как говорят в Москве, «конфликт между Азербайджаном и Нагорным Карабахом», как считают в Ереване, «конфликт между Азербайджаном и Арменией», как убеждены в Баку. Но как ни называй его, этот конфликт - трагедия более чем 500 тысяч азербайджанцев и армян, изгнанных из родных мест, это тысячи погибших и искалеченных. О «карабахском узле» написано и сказано уже много. Но я надеюсь, что совместными усилиями мы сможем сказать вашим читателям что-то новое.

Вардван ВАРЖАПЕТЯН. Благодарю вас за приглашение. Я рад, что нахожусь здесь. С другой стороны, поскольку наша беседа будет опубликована в армяно-еврейском вестнике «Ной», позвольте представить вас читателям. Рафаэль, скажите несколько слов о себе.

ГУСЕЙНОВ. Мне 42 года. Родился в Баку, но корни мои по материнской линии - в Ленкорани, а по отцу я родом из Карабаха. Мой отец из старинного красивого селения Малыбейли, сейчас разрушенного, не знаю даже, остались ли могилы бабушки и деда... Я журналист, редактировал «Молодежь Азербайджана» в Баку, был редактором отдела «Комсомольской правды», членом редколлегии. Закончил исторический факультет Бакинского университета и

аспирантуру Сорбонны. Кандидат исторических наук, автор нескольких книг. Моя жена - специалист по арабской литературе. У нас двое детей.Сейчас работаю в Москве заместителем Полномочного Представителя Азербайджанской Республики.

ВАРЖАПЕТЯН. Мне 51 год. Моя жена - фармацевт. Наш единственный сын - студент.

В первом номере нашего вестника была напечатана моя беседа с Марксом Тартаковским - «Возвращение Ноя»; у этого заглавия был подзаголовок «Беседа еврея и армянина о самом главном для евреев и армян», но его сократили, оставив первые три слова. Сегодняшнюю беседу я также воспринимаю как разговор о самом главном - для азербайджанцев и армян. Самое кровоточащее, самое страшное, самое запутанное сейчас - война в Карабахе. А самое важное - мир в Карабахе. Поэтому наша встреча естественна, ибо беседа - самый простой и надежный способ обменяться мыслями, даже упреками и обидами.

ГУСЕЙНОВ. Я, конечно, согласен с вами, хотя у меня иногда возникает чувство безнадежности. Сколько уже сказано, столько говорится, столько всяких встреч проведено, а война продолжается, и даже до какого-то взаимопонимания еще далеко. Недавно мы оба присутствовали на конференции «Карабахский синдром в российской политике» и видели, как трудно дается понимание, способность просто выслушать другую сторону. А вы, Вардван? Вы верите, что мы придем к какому-то обнадеживающему итогу, что наши голоса будут услышаны?

ВАРЖАПЕТЯН. Обещаю, что читатели «Ноя» услышат нас наверняка. Хотя это совсем не означает, что они согласятся с вами или со мной.

Относительно же эффективности всякого рода встреч, диалогов, переговоров и т.п. хочу сказать следующее... Мне кажется, что любые конфликты типа карабахского проходят какой-то естественный цикл, аналогичный циклам ссор между людьми или, если хотите, припадков. Вначале накопившееся раздражение, какие-то глубинные подспудные силы, влекущие к конфликту, стремительно выходят наружу. Повод может быть самый пустяковый, совершенно неадекватный размерам последующего конфликта. И на этом этапе голос разума доходит до враждующих с трудом или вообще не доходит. Но через некоторое время энергия конфликта выходит наружу и исчерпывается. Наступает усталость, а с нею - готовность прислушаться к разумным аргументам.

Думаю, что с карабахским конфликтом дело обстоит именно так. В 1988 г., наверное, был только один способ погасить конфликт - подавить его силой, жестокими мерами центра. Но это не было бы решением - конфликт просто перешел бы в «подполье», «подсознание» и ждал бы своего часа, чтобы извергнуться при малейшем ослаблении давления. Совсем иное дело - сейчас.

Сколько всяких встреч было организовано в 1988 г.! Везиров и Арутюнян постоянно встречались. Но никто им не верил. И на обоих давили

силы, стремившиеся вырваться наружу, на поверхность. В конце концов эти силы смели Арутюняна и Везирова, смели власть компартий, смели (вместе с другими подобными силами в других республиках) сам Союз ССР. Фактически началась настоящая война двух независимых государств, война страшная и опустошительная. Постоянные встречи Везирова и Арутюняна ничего не давали. А теперь психологический климат совсем иной. Встреча Эльчибея и Тер-Петросяна дала бы сейчас очень много.

Конфликт разворачивается по какой-то своей глубинной логике, имеющей небольшое отношение к внешним событиям, но когда его внутренняя энергия иссякает, он и кончиться может внезапно. Усилие, которое ни к чему бы не привело в 1988-м, может привести к важнейшим результатам в 1993-м. Голос, который никто не услышал вчера, сегодня может быть услышан всеми. Я не преувеличиваю значение нашей беседы, но все же звучит она сейчас совсем иначе, чем такие же беседы армян и азербайджанцев несколько лет назад. Сейчас каждое новое усилие к достижению взаимопонимания становится все более эффективным, ибо с каждым месяцем растет усталость, меняется психологический фон таких усилий.

ГУСЕЙНОВ. Действительно, чем дольше идет война, тем больше возникает стремление к миру. Но я думаю, здесь дело не только в психологии, дело еще в более прозаических причинах - экономических. Армения, в силу своего географического положения, находится в менее выгодной ситуации, чем Азербайджан. Мы богаче, нас больше, но и нас война разорила. Подсчитано, что стоимость, оснащение и эксплуатация одного самолета СУ-27 составит миллиард рублей! Пока что обе стороны воюют оружием советской армии, но оно скоро кончится, и его придется покупать. Война, таким образом, становится все «дороже», а денежные ресурсы не растут. Армяне очень надеятся на помощь диаспоры.

Однако год назад в Париже и Женеве мне доводилось общаться с довольно крупными представителями армянской диаспоры. Несмотря на их непримиримую позицию по отношению к Азербайджану, из этих встреч я вынес один урок: все разговоры о большой и богатой диаспоре, готовой бесконечно кормить и вооружать Армению, не соответствуют действительности. Несомненно, будет иметь место политическая, моральная, гуманитарная помощь. Однако в экономику Армении, да и всего региона никто не вложит ни цента, пока идет война. Поэтому мы приходим к неизбежному выводу, что договориться должны два народа. Зднсь не помогут никакие посредники. России выгодно потушить полыхающий вблизи ее границ пожар, но она в первую очередь и при любых обстоятельствах будет исходить из своих интересов.

ВАРЖАПЕТЯН. Рафаэль, давайте немного разберем динамику карабахского конфликта. Его исходный пункт - решение облсовета НКАО о выходе из Азербайджанской ССР, оно и стало зажженной спичкой, с которой начался пожар. Но ведь за этим решением стояли глубокие и обоснованные (надеюсь, вы не станете этого отрицать) причины армян Карабаха для недовольства, для стремления обезопасить свое положение.

ГУСЕЙНОВ. Вардван, я понимаю, что мои слова будут восприняты вашими армянскими читателями с недоверием, как азербайджанская пропаганда, но поверьте мне, что я говорю совершенно искренне. Я глубоко убежден, что карабахские армяне в Азербайджане отнюдь не были самым угнетенным народом СССР, который больше не мог находиться в составе Азербайджана, терпя муки и унижения. Давайте возьмем и полистаем вместе первый том Азербайджанской энциклопедии... Что мы там видим? Абалян Александр - герой Социалистического Труда, виноградарь из Гадрутского района; Авакимян Кетан - тоже Герой и виноградарь, родилась в Степанакерте; Авакян Багдасар - один из «26 бакинских комиссаров», уроженец Гадрутского района; Авакян Грант - Герой Советского Союза, родился в Баку... Три крупнейших военачальника армянской национальности родились и выросли на азербайджанской земле: маршалы Баграмян и Бабаджанян, адмирал Исаков...Можно назвать сотни армян, известных всему Азербайджану - ученых, врачей, артистов, писателей, музыкантов. В политической, партийной иерархии армяне также занимали прочное место. Конечно, для их продвижения был «потолок», первым секретарем ЦК армянин стать не мог. Но определенные места всегда занимали армяне, - например, в Совете министров Азербайджана. Были райкомы, где первым секретарем всегда был армянин, а были, где армянин избирался (обязательно) вторым. В Карабахе, это факт, в райкомах и вообще среди начальства процент армян был значительно выше, чем их процент в населении; так было даже в Шушинском районе, где армяне составляли меньшинство.

Мне представляется важным сказать и о том, что армяне как народ деловой и практичный были успешно интегрированы не только во все сферы жизни, но и в теневую экономику Азербайджана. Мне кажется, что новые условия позволили бы армянам в Азербайджане успешно выполнять ту роль, которую они выполняют традиционно в Турции, Иране. Я имею в виду роль торгового посреднического звена между Европой и Азией.

218 тысяч армян проживало в Баку на первое января 1988 года. Это был второй в мире город после Еревана по количеству армянского населения. В Азербайджане к началу конфликта проживало более 500 тысяч армян, и это также было самым крупным после Армении местом компактного проживания армян.

О личных, бытовых отношениях. Конечно, всякое бывало. Жгла память о 1905-м, о 1918-м... Но ведь люди не только помнили о зверствах армянских отрядов (или азербайджанских), - помнили и о том, как в какое-то село ворвались дашнаки, а армяне прятали азербайджанцев.

Конечно, какие-то причины для недовольства у армян могли быть, как, впрочем, у любого национального меньшинства. Но никто не доказал, и доказать это невозможно, что положение армян в Азербайджане было хуже, чем положение множества других национальных меньшинств в других республиках СССР.

Карабахские армяне поднялись не из-за невыносимого положения. Их «подняли» армянские националисты в Армении и еще больше - в диаспоре. И думали они не о них, а о «Великой Армении», о мести за резню пятнадцатого

года, к которой азербайджанцы вообще никакого отношения не имеют, о вечном армяно-тюркском и христиано-мусульманском противостоянии, о возможности добиться власти на националистической волне, о чем угодно, только не о карабахских армянах.

ВАРЖАПЕТЯН. А вы считаете, можно было прекратить конфликт четыре года назад?

ГУСЕЙНОВ. Теоретически да, можно. После постановления о развитии НКАО, когда построили ретранслятор, передающий в НКАО передачи армянского ТВ, удовлетворили другие реальные претензии карабахских армян, выделили довольно большие средства на развитие НКАО и когда азербайджанцы оказались в шоке после Сумгаита (ибо Сумгаит стал шоком и для азербайджанцев, которые очень тяжело переживали то, что случилось, хотя армяне этому не верят), конфликт мог быть потушен. Но для этого было необходимо два условия. Во-первых, ясная и недвусмысленная позиция Москвы. А ее не было. Позиция Горбачева все время создавала у армян впечатление, что надо просто еще поднажать - и Карабах будет сперва вырван из Азербайджана (создание «Комитета Вольского» именно так и воспринималось - как первый шаг к прекращению суверенитета Азербайджана над Карабахом), а затем присоединен к Армении. Во-вторых, необходима была добрая воля хотя бы части армянских лидеров. Но ее тоже не было. Наоборот, было сделано все возможное, чтобы вновь разжечь конфликт.

ВАРЖАПЕТЯН. А вам не кажется, что разжигание конфликта в какой-то мере создавало и условия для его затухания? Конфликт полностью «раскрылся»... Везирову, Муталибову, Арутюняну никто не верил - в них видели ставленников Москвы, и они были скованы наступающей на них оппозицией, боялись «народного гнева». Тер-Петросян и Эльчибей в другом положении. Оба они изведали советские тюрьмы, и их никто не может упрекнуть в прислужничестве перед Москвой. Кроме того, Москва также вызывала недоверие, и все ее инициативы воспринимались как попытки «сохранить империю». Теперь же к распутыванию «карабахского узла» подключились такие силы, как СБСЕ, которые вызывают совсем иные чувства.

ГУСЕЙНОВ. Я думаю, вы отчасти правы. Отчасти - потому что конфликт все-таки «раскрылся» не до конца. На наш взгляд, Армения сделала ряд политических ходов, которые, возможно, кажутся тонкой дипломатической игрой, но на самом деле создают ловушку, в которую сама Армения и угодила. Вначале Армения объявила о присоединении Карабаха. Потом, когда СССР распался и границы между республиками стали государственными границами, Армении надо было найти какой-то способ, при котором она не выглядела бы явным агрессором, претендующим на чужую территорию. Тогда была создана «Нагорно-Карабахская Республика», при этом решение Верховного Совета Армении от 1 декабря 1989 г. «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха» отменено не было. Ситуация возникла тупиковая, ведь воюет все-

таки Армения. В Карабахе осталось всего тысяч тридцать местных жителей, остальные бежали, не вынеся тягот войны.

Не могу не сказать еще об одном. В конце декабря прошлого года боевиками из Армении был убит в Ханкенди (бывший Степанакерт) Л.Караханян, сотрудник местных органов безопасности, коренной карабахец. Ранее этот человек работал в областном управлении КГБ и никогда не скрывал своей позиции противника братоубийственной войны. Это убийство - очередное в серии аналогичных. В прошлом году после встречи с А.Муталибовым был хладнокровно расстрелян на улице Ханкенди В.Григорян за попытку навести какое-то подобие порядка в местном аэропорту, а значит «за предательство», взорвана (!) в собственном доме мать двоих детей А.Ишханян, на глазах собственной жены убили А.Мкртчяна, одного из уважаемых лидеров местной армянской общины. Все эти убийства связывает одно - погибшие были местными, карабахскими, в то время как убийцы - пришлыми, не местными армянами.

Бросается в глаза и другое обстоятельство. Практически все ключевые позиции в Ханкенди - как административные, так и военные - или в руках пришлых, не являющихся местными жителями, или у тех, кто в юные годы переселился в Армению, а сегодня вернулся, но уже в другой роли.Но Армения упрямо создает иллюзию, что воюют карабахские армяне, а, значит, переговоры Азербайджан должен вести с ними. На это, конечно, Азербайджан не пойдет. А переговоры с Арменией ни к чему не ведут; заключается очередное соглашение, которое тут же нарушается, а Армения заявляет, что она не может отвечать за карабахцев. Но в таких условиях перемирие может сорвать любой дашнакский отряд в Карабахе, любая группа «добровольцев» и наемников, которым мир не нужен. Сама «Нагорно-Карабахская Республика» без армянского экспедиционного корпуса не смогла бы провоевать и неделю. Но она ничего не боится, ибо Армения все равно будет поставлять ей солдат и оружие. В итоге получается, что Армения сама себя перехитрила, сама себе связала руки, позволила хвосту командовать кошкой.

ВАРЖАПЕТЯН. Но Армения действительно не может сидеть сложа руки и смотреть, как изгоняют армян из Карабаха! Ведь дело обстоит именно так. Когда летом было азербайджанское наступление, на занятых участках ни одного армянина не осталось - депортировали их азербайджанцы или они сами бежали, а удержать их никто не стремился, но дело-то обстояло именно так.

Я ни на минуту не оправдываю изгнание азербайджанцев из Армении, но если в ответ азербайджанцы будут изгонять армян из Карабаха, война продлится еще долго - до последнего армянина на карабахской земле. И для любого армянина подобная перспектива немыслима, поэтому, хотя вы, возможно, и правы, говоря, что Армения сама себя перехитрила, переговоры могут вестись лишь между двумя суверенными государствами - Азербайджаном и Арменией, но самым важным в этих переговорах все же должна быть судьба армян Карабаха, гарантия их безопасности и прав.

ГУСЕЙНОВ. Отношение азербайджанцев к карабахской проблеме меняет-

ся. Вначале вообще не было никакого стремления выселить, изгнать армян. И Сумгаит, и даже события в Баку, связанные с погромом армян, были организованы небольшим меньшинством, прежде всего люмпенизированными беженцами из Армении. Затем в Азербайджане утвердилась идея - раз в Армении не осталось азербайджанцев, в Азербайджане нет места для армян, пускай убираются, а если хотят остаться, то пусть дадут вернуться изгнанным азербайджанцам, и будут иметь все те права, которые будут иметь азербайджанцы. Массовые убийства сотен азербайджанцев в Ходжалы укрепили это мнение. На какое-то время эта идея стала всеобщей; согласитесь, что определенная логика и справедливость в ней есть. Но сейчас, мне кажется, отношение иное: сейчас азербайджанское общественное мнение готово было бы принять гарантии положения армян в Карабахе, может быть, даже демилитаризацию и восстановление автономной области, но, разумеется, при безоговорочном признании суверенитета Азербайджана над Карабахом. Такое изменение общественного мнения явно свидетельствует о растущем стремлении к миру. Но есть и другая причина: все-таки в наш народ за последние годы - и это громадная заслуга НФА и президента Абульфаза Эльчибея - глубоко проникли идеи правового демократического государства. Мы полны решимости строить общество, основанное на наших, исламских и тюркских традициях, но современное правовое общество, принципиально не отличающееся от американского, французского, японского и др. Поэтому идея прав нацменьшинств приобретает самостоятельную значимость. Поэтому, я думаю, мы должны обсуждать с армянами (возможно, особо - с карабахскими армянами) проблему их будущего статуса в Азербайджане. Но я подчеркиваю - именно статуса в Азербайджане, при условии безоговорочного признания азербайджанского суверенитета. Кроме того, мы не можем допустить, чтобы карабахские армяне, вернее - нынешнее карабахское руководство обладало бы правом вето на любые решения, выдвигало бы какие-то немыслимые гарантии, сводящие на нет азербайджанский суверенитет. Вообще Азербайджан стремится к решению, основанному на нормах международных. Напомню вам, что полпред Азербайджанской Республики Хикмет Гаджи-заде на вопрос корреспондента «Известий», готов ли Азербайджан, если карабахская проблема будет решаться, допустим, Международным судом ООН, «проиграть дело», - ответил: «Да, если авторитетные беспристрастные юристы нам укажут, что должно быть вот так, а не иначе, потому что именно так принято во всем мире и только это ведет к безопасности и сотрудничеству, - мы готовы подчиниться».

ВАРЖАПЕТЯН. Я думаю, как азербайджанцы сейчас согласились бы на гарантии армянам Карабаха при условии сохранения азербайджанского суверенитета, так и в Армении, если там провести опрос, большинство выскажутся за скорейшее прекращение войны и за сохранение азербайджанского суверенитета над Карабахом, если, конечно, это не будет означать изгнание оттуда армян. Такие события, как инициатива армянского депутата Ашота Блеяна, призвавшего к переговорам без посредников и без всяких предварительных условий, - это не случайность, а признак изменения общественного мнения. Как не случайно и то, что координаторы Армянского и Азербайджанского нацио-

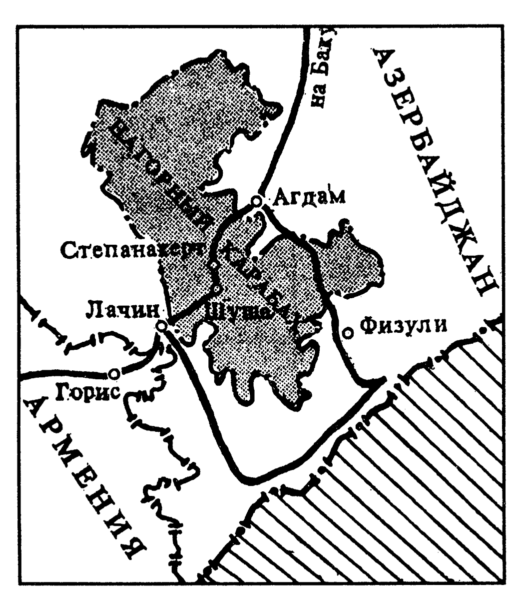
нальных комитетов Хельсинкской гражданской ассамблеи Анаит Баяндур и Арзу Абдуллаева удостоены международной премии имени Улофа Пальме. Это очень радостная весть!

ГУСЕЙНОВ. Согласен с вами. Между прочим, Блеян вызвал в Азербайджане уважение, он, безусловно, смелый и честный человек, решившийся сказать то, о чем многие думают, но боятся сказать.

ВАРЖАПЕТЯН. Поэтому мне кажется, что мир уже близко, что надежда есть, что окончание войны будет означать не просто конец стрельбы, но начало тесных, действительно соседских отношений между нашими странами. Ведь на Кавказе не может быть чисто формального мира, «холодной войны» - здесь все переплетено, связано; Закавказье - как бы громадная коммунальная квартира, и если здесь установится мир, то сразу же возобновятся старые и возникнут новые тесные связи. Стоит первому бизнесмену из Армении проложить дорогу в Баку, за ним сразу последуют другие; азербайджанцы станут продавать товары в Армении, начнется естественная интеграция. Недаром в истории Закавказья такую роль играла идея Закавказской федерации. И хотя война оставила страшные раны, возможно, процесс их заживления не затянется до бесконечности. На меня в свое время сильное впечатление произвели репортажи израильских журналистов из Египта, - они были поражены, как доброжелательно к ним относились простые люди на улицах - сразу после визита Садата в Иерусалим. А ведь казалось, только что отгремела война, антиизраильская пропаганда в Египте была страшная, почище антиармянской в Азербайджане и антиазербайджанской в Армении. Неужели же у наших политиков окажется меньше ума и здравого смысла, чем у израильтян и египтян?

ГУСЕЙНОВ. Армения не улетит на Марс, мы тоже не собираемся на Луну. Мы соседи. Причем соседи даже более тесные, чем, скажем, немцы и французы. Воевать вечно нельзя. А соседями мы будем вечно, и значит, все равно нас ждет мирное и тесное общение. Надо только скорее понять, что мир неизбежен, что, враждуя, мы просто бессмысленно теряем силы и время. Если наша беседа хоть в малой мере будет способствовать уяснению этих нехитрых истин, значит, мы сделали доброе дело и не зря потратили время.

декабрь 1992 года

Наталья АБРАМЯН (Ереван)

Господин редактор!

В Вашей беседе с доктором исторических наук Дмитрием Фурманом («Ной», N 2 за 1991 год) содержатся высказывания, в которых даются оценки армянского национально-демократического движения. Дм.Фурман, в частности, называет это движение «неврозом», т.к. в его основе, как он полагает, лежит стремление к реваншу.*

Такая оценка мне представляется совершенно неверной и оскорбительной. Поэтому я думаю, что руководство журнала должно было такого рода оценки парировать или хотя бы скорректировать. Для этого имелось по крайней мере две возможности, но Вы - в качестве интервьюера и в качестве редактора - обе эти возможности упустили.

В Вашем издании заметно стремление к непредвзятости. Но что

*** Беседа редактора «Ноя» В.Варжапетяна с доктором исторических наук Дм.Фурманом «Национальные неврозы и Карабахская война» вызвала много откликов. Все они опубликованы в этом номере.**

означает непредвзятость? Гуманитарные дисциплины просто не могут существовать без включенной в способ рассуждения оценки, без системы ценностей, стоящей за каждым построением. Знания и суждения в этой области не могут быть отчуждены ни от своего субъекта, ни от объекта.

Теперешнее состояние движения трагично. Понимание его судеб включает также и сопереживание. Видимо, устав от этих усилий, некоторые наблюдатели пытаются рассматривать его отчужденно. Свою неспособность разделить горе и участь народа они выдают за научную объективность.

Отдельно хотелось бы сказать об оценке позиции российской интеллигенции в карабахском конфликте. Обвинить Г.В.Старовойтову в том, что на ее совести - пролитая кровь, значит очернить то прогрессивное крыло, деятельность которого возглавлял А.Д.Сахаров.

Наконец, должна с огорчением заметить, что Вы используете неправомерный полемический прием, посредством которого заранее исключаются возможные возражения: Вы заранее относите к числу «русских, армянских и еврейских шовинистов» всех тех, кто посмеет с Вами не согласиться.

Манук ШАМИРОВ (Москва)

Уважаемый редактор,

Вы знаете, с какой радостью я воспринял весть об издании армяно-еврейского вестника; Вам известно, что я с нетерпением ждал появление каждого номера «Ноя». Но то, что я прочитал в N 2, а точнее в Вашей беседе с Д.Фурманом, возмутило меня до глубины души. Дело тут не в разных подходах и оценках того, что происходит в Нагорном Карабахе, - это как раз естественно. Противоестественно думать (и говорить!): «С моей (т.е. Фурмана) точки зрения, объективно на совести Галины Старовойтовой больше армянской крови, чем на любом погромщике-азербайджанце».

Извините, такое я не могу ни понять, ни оставить без ответа, ибо задето доброе имя и честь Галины Васильевны Старовойтовой - мужественного и искреннего друга армянского народа. И доказательств этой дружбы предостаточно!

Ваша беседа с Д.Фурманом оставляет тягостное впечатление. Единственное, что позволяет мне все-таки считать издание «Ноя» полезным, это надежда, что армяно-еврейский вестник открыт не только для мыслей главного редактора и авторов вроде Д.Фурмана, но и для мнений прямо противоположных.

Арсен МЕЛИК-ШАХНАЗАРОВ (Москва)

О СУДЬЯХ И ПРИНЦИПАХ

Поводом к написанию этой статьи послужила беседа редактора вестника «Ной» с Дмитрием Фурманом. Собственно говоря, ряд выступлений в прессе публицистов, связанных с еврейской темой, давно породил желание написать подобный материал. Среди таких выступлений можно назвать и статью г-на Фурмана «Наши интересы в Закавказье», опубликованную в «Независимой газете». Как представляется автору этих строк, позиция Дмитрия Фурмана, ряда представителей российского еврейства, вызвана вполне конкретными политическими интересами, о чем будет сказано ниже.

Что прежде всего поражает в словах г-на Фурмана? Вот рассуждения на тему «умного» Горбачева, «предупреждавшего» армян о последствиях Карабахской проблемы. «Предупреждение» это исходило от автора попыток удушения Нагорного Карабаха экономической блокадой, военной диктатурой и депортацией, еще в 1988 г. не желавшего властью главы государства жестко подавить погромы, кровопролитие и пресечь возможные их рецидивы в последующем. Но удивляет не беспринципность экс-генсека, а принципиальное согласие с позицией Горбачева г-на Фурмана: «...давайте на минуту представим, что могло произойти, не прими 20 февраля сессия Верховного Совета Нагорно-Карабахской автономной области (точнее, депутаты-армяне) решение о выходе из состава Азербайджана? Не было бы Сумгаита, погромов в Баку и Гяндже, депортации беженцев, блокады, разрухи, а главное - войны, конца которой не видно». Оставим на совести доктора наук Фурмана те факты, что 20 февраля 1988 г. сессия Облсовета НКАО (в автономных областях не было Верховных Советов) подавляющим большинством голосов (депутаты-азербайджанцы по приказу из Баку покинули сессию) приняли не «решение о выходе из Азербайджана», но решение о х о д а т а й с т в е перед Верховными Советами Азербайджана, Армении и Союза ССР с просьбой «решить вопрос о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР». Однако суть не в этом, а в том, что, подобно Горбачеву, г-н Фурман вполне допускает саму возможность непресекаемых государством массовых убийств по национальному признаку и блокады сразу вслед за ходатайством сессии Облсовета НКАО к высшим органам власти двух республик и СССР, принятым и выдержанным в рамках Конституции государства. Если «логика» Горбачева с позиций дня сегодняшнего вполне понятна и объяснима, равно как и ее

преступный характер, то солидаризация с этой точкой зрения г-на Фурмана есть не что иное, как ЛЕГИТИМИЗАЦИЯ МАССОВЫХ ПОГРОМОВ КАК СРЕДСТВА РЕШЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ. Подобным же образом можно было сказать евреям: «Если бы вы не были столь богаты, умны и влиятельны в Европе, не было бы Голокауста. И вообще, не уходили бы из Палестины в свое время, не было бы «Хрустальной ночи» в Германии».

Алогичность и аморальность такого подхода очевидны. Равным образом, сомнительна и приверженность принципам цивилизованного государства самого Дмитрия Фурмана, солидарного с позицией бывшего Генсека, а затем голословно обвиняющего Галину Старовойтову в том, что «объективно на ее совести больше армянской крови, чем на любом погромщике-азербайджанце».

Словом, в отношении карабахцев, которых г-н Фурман в лучших традициях советской и азербайджанской пропаганды в расчет вообще не берет, говоря о расплывчатых «армянах», можно было бы применить логику тюремного надзирателя в отношении политзаключенного: «Не требовал бы в камере соблюдения твоих законных прав, не попал бы в холодный карцер».

* * *

Главной и, на мой взгляд, вполне сознательной «ошибкой» Дмитрия Фурмана является полное игнорирование прав, в том числе и на волеизъявление, народа Нагорного Карабаха, который прежде всего следует рассматривать не как «армян», а как к а р а б а х ц е в. Сознательное искажение сути карабахско-азербайджанского конфликта, навязчивые попытки перевести его в русло глобального армяно-азербайджанского противостояния отнюдь не способны приблизить нас к урегулированию карабахской проблемы. Понимание этого приходит и в Россию. В ходе проходившей 14-15 декабря 1992 г. в Москве конференции «Карабахский синдром в российской дипломатии» Председатель Комитета Верховного Совета России по межреспубликанским отношениям Владимир Подопригора заявил, что любые переговоры по карабахскому урегулированию должны вестись между Азербайджаном и Нагорным Карабахом, а не между Азербайджаном и Арменией, как к тому стремится официальный Баку. Позиция последнего вполне понятна, ибо начать переговоры с представителями Нагорно-Карабахской Республики, пусть даже и не признавая таковую, означает признать тот очевидный факт, что проблема Карабаха - это проблема прав человека и самоопределения народа этой территории, а не «агрессия Армении против Азербайджана», как о том повсеместно твердят представители Азербайджана и пропагандистским подспорьем чему являются слова Дмитрия Фурмана о «реваншизме» армян.

* * *

Важно разоблачить еще один мифологический стереотип. Г-н Фурман

утверждает, что если бы не решение от 20 февраля 1988 г., то армяне в Азербайджане жили бы припеваючи: «Спокойнее и гораздо эффективнее шли бы демократические процессы в Азербайджане, причем роль армян в республике, конечно, была бы весьма заметной и значительной, была бы фракция армян-депутатов в меджлисе, были бы армяне-министры, были бы гарантии безопасности для армян Нагорного Карабаха, была бы армянская пресса в Азербайджане и т.д.». Однако все эти утверждения не подтверждаются реалиями. Разве есть в Азербайджане русские, лезгинские, курдские, талышские и т.д. фракции, министры, пресса? Если, конечно, не считать нескольких карманных деятелей-нацменов да двух-трех культурных центров и листков, ангажированных спецслужбами и МВД Азербайджана и полностью повторяющих официальную трактовку всего происходящего. (Кстати, до 1988 г. в Баку выходила на армянском языке газета «Коммунист» - плохая копия «Бакинского рабочего».) Да и было бы странно, к примеру, иметь в меджлисе курдскую фракцию, коли все курды официально числятся азербайджанцами и у них нет даже своих школ. А лезгины, которые не имеют даже в районах своего компактного проживания председателей райисполкомов, прокуроров, начальников РОВД, военкомов и проч. - лезгин (все эти должности заняты этническими азербайджанцами даже в Кусарском районе, где лезгин более 90 процентов), - могут ли они мечтать о министрах-лезгинах или депутатах, стоящих в оппозиции к официальным властям? А, главное, с началом в Азербайджане «демократических процессов» положение нацменьшинств становится все хуже и хуже. Тех же лезгинов кое-где уже открыто пытаются выселять из сел вооруженные банды НФА: убирайтесь, дескать, в «свой» Дагестан.

В 1918-1920 гг., при существовании Азербайджанской Демократической Республики (АДР), в азербайджанском парламенте были депутаты-армяне. Однако армянская кровь лилась рекой в самом Баку, - в ходе резни в сентябре 1918-го, санкционированной лично премьером АДР Хан-Хойским, и других, более мелких кровопусканий. Кровь лилась рекой и в Нагорном Карабахе, который не входил в состав Азербайджана, но на который последний яро претендовал, поддержанный в этом сначала Турцией, а затем англичанами.

«5 июня азербайджанское войско вместе с бандами курдов, проживающих в имениях губернатора д-ра Султанова (был назначен в Карабах англичанами. - А.М. - Ш.), напали на армянское селение Гайбалу и предали его огню и мечу. Из всего селения спаслось бегством лишь 18 женщин и детей, остальные вырезаны. Бандами курдов и татар руководит брат д-ра Султанова - Султан-бек Султанов». («Кавказское слово», 17 июня 1919).

«Не было такого унижения, которое не выпало бы на долю армянского населения Баку в эти мрачные дни торжества «Азербайджанской демократической республики». Боже мой, как легко теперь издеваться над словом «демократия»! К чему было этому палачу Хан-Хойскому, «президенту» этой республики название «демократическая», когда азербайджанцы - плохая

копия Турции...» («Приазовский край», 24 ноября 1919 г.).

«И в городе, и в заводском районе убийства армян среди бела дня стали обычным явлением. Армянское население продолжает пребывать в состоянии террора, и каждую минуту ожидается резня» (из донесения дипредставителя Республики Армения в Азербайджане министру иностранных дел от 6 апреля 1920 г.).

«Неудивительно, что советское «социалистическое» правительство Азербайджана, вместо того чтобы дать землю азербайджанским крестьянам, первым делом требует Карабах и Зангезур, угрожая объявить Армении войну... Фарс нынешнего «переворота» в Азербайджане ясно показывает, что Азербайджан не может существовать иначе, как в роли авангарда пантюркизма» («Жоговурд». 7 мая 1920 г.).

Думается, последняя цитата вполне подошла бы и к очередным «переворотам» в Баку в январе 1990 г., в марте и мае 1992 года. А картинки армянской жизни в «демократическом» Азербайджане 1918-1920 гг. будто бы списаны с натуры годов 1988-1992-х. В 1920 г. армян Карабаха спасло не послушание оккупантам разных мастей, но лишь успешное вооруженное сопротивление агрессорам.

Хотим мы того или нет, но следует признать, что Азербайджан, вне зависимости от сменявшихся в нем с 1918 по 1922 годы режимов, оставался государством с идеологией ультра-шовинизма и ненависти к «инородцам». Вряд ли сегодня и в ближайшее время в этой республике вообще возможна нормальная жизнь инонациональных (нетюркских) элементов иначе, как после проведения в Азербайджане операций, аналогичных процессу денацификации в постфашистской Германии. Подтверждением тому - не только судьба армян Баку, Сумгаита, Гянджи, Шамхора, Ханлара и т.д. в 1988-1990 гг., но и трагическое положение в республике лезгин, курдов, талышей, массовая эмиграция (практически бегство) евреев, татов, наконец, русских, ставших, по сути, заложниками азербайджанских властей.

* * *

Не имеет прямого отношения к карабахской проблематике, но заслужива.т внимание в общем контексте поднимаемые рядом «еврейских» и «армянских» публицистов проблемы историко-психологических параллелей между евреями и армянами (в определении Дмитрия Фурмана, их «неврозов»). И здесь вряд ли можно согласиться с мнением г-на Фурмана о том, что оба народа были «диаспорическими», «у тех и других совпадение национальности и религии, но у евреев полное, а у армян - относительное», у армян «связь религии и этноса не такая прочная» и т.п.

В отличие от евреев армяне до начала XX века отнюдь не были «диаспорическим» народом. До геноцида 1915 г., непонятно на основании каких фактов

названного Дмитрием Фурманом «не настоящим геноцидом, а скорее чудовищных масштабов погромом» (не будем обращаться к Конвенции ООН о геноциде и данным в ней определениям этого явления), более 80 процентов армян жили на своей исторической Родине - Армении, которая была разделена между Россией, Османской Турцией и частично Персией. Армяне были тогда в основном крестьянами, мелкими ремесленниками, и наличие как на Родине, так и в диаспоре (меньшей, кстати, тогда, чем, например, у ирландцев) какого-то процента коммерсантов вовсе не определяло основное занятие народа.

Лишь менее 3-4 процентов армян являются католиками или протестантами, да и появились они лишь в прошлом веке. Армяне, принявшие ислам (хемшины в Турции), полностью ассимилировались в мусульманской среде, утратив армянское самосознание. Верующими армяно-григорианской церкви в мире являются только армяне. Есть, правда, одно исключение, - лезгинское племя удинов, принадлежащих к лону Армянской церкви. Проживающие в нескольких районах Азербайджана, удины не стремятся к слиянию с армянами, сохраняя язык и самосознание, несмотря на малочисленность (их менее 10 тысяч); сами армяне никогда не стремились «включить» удин в свой состав.

Напротив, являются ли этническими евреями черные эфиопы-фалаши, русские сектанты-иудаисты, исповедующие иудаизм таты или неевреи - члены семей переселенцев? Однако, переселяясь в Израиль, все они становятся (могут стать) не только гражданами Израиля, но и... евреями. Иной раз более полноценными, чем евреи-атеисты. Вообще, видимо, необходимо отдавать себе отчет в том, что отнюдь не тождественны понятия «еврей» и «израильтянин». Вряд ли можно вообще говорить о едином еврейском народе после 2 тысяч лет чужбины и ассимиляции. Что общего в этническом и языковом планах между американским евреем, израильским сабра, переселенцем-сефардом, бухарским евреем и татом-иудаистом? Да, в лице Израиля, действительно, возродилась еврейская государственность, но это отнюдь не государство этнических евреев мира. В Палестине уже в течение нескольких десятков лет складывается израильская нация; складывается на основе иврита, практически утраченного подавляющим большинством евреев мира, иудаизма - религии, которую исповедуют не только евреи разных стран, и многовековой мечты евреев-скитальцев о своем государстве.

Сионисты решили повернуть историю вспять, и в 1948 году им это удалось, - в значительной мере благодаря противоречиям в интересах наиболее могущественных стран мира. Создание Израиля стало восстановлением попранной почти 2 тысячи лет назад исторической справедливости. Однако, с точки зрения логики, непонятно, на чем основано мнение г-на Фурмана о том, что «пафос сионизма - стремление к нормализации», в то время как пафос карабахского движения - «стремление армян к реваншу, к экспансии»? Ведь карабахцы на протяжении всего обозримого прошлого жили на своей земле (это давалось им отнюдь не легко) и лишь в 1921 г. решением Кавбюро ЦК

РКП(б) были включены в состав Азербайджана, впервые появившегося на карте мира в качестве государства в 1918 г. без четких границ. Неужели «реванш» заключается в том, чтобы достойно жить на своей земле без оглядки на «добрую волю» Баку: «устроить им погром или пусть сами подобру-поздорову уходят из Карабаха»?

С другой стороны, евреи приезжали в Палестину с начала XX века, и дефакто они были пришельцами на земле Палестины, которая была родиной не их самих, но их предков двухтысячелетней давности. Собственно говоря, провозглашением государства Израиль и последующими территориальными захватами евреи взорвали и сам принцип нерушимости границ, о приверженности которому в отношении Нагорного Карабаха дважды ненавязчиво высказался Дмитрий Фурман. «Кроме... передачи Карабаха... ибо это... послужило бы сигналом к перекройке границ». «...Нужны международные гарантии нерушимости границ в Закавказье».

Надо полагать, что Нагорно-Карабахская Республика, которая де-факто уже обрела независимость от Азербайджана, - отнюдь не Голаны и не сектор Газа для армян-аборигенов Арцаха. И если приобретение ими независимости после 70 лет большевистского беспредела в «интернациональном» Азербайджане и дестабилизирует обстановку в Закавказье и регионе, то уж никак не больше, чем создание переселенцами-евреями и иудаистами Израиля дестабилизировало обстановку на Ближнем Востоке.

В этой связи чисто риторическим представляется реплика г-на Фурмана о постоянном беспокойстве «соседних стран»: «А где гарантия, что завтра армяне не потребуют Арарат?» Армян по ту сторону Арарата сейчас практически нет, хотя, с точки зрения исторической логики, они имеют куда больше прав не только на Арарат и Карс, но и на Ван, Эрзрум, Муш, Битлис, Мараш или Киликию, чем евреи на территорию государства Израиль. Но эта опять-таки риторика, ибо армян в Западной Армении практически нет. Зато есть курды, и более вероятно, что именно они вскоре потребуют себе Арарат. Уже сегодня это вызывает серьезную головную боль Турции.

* * *

Здесь мы подходим к очень важному, на взгляд автора, моменту. А именно: каковы мотивы высказываний ряда публицистов и ученых-евреев, подобные высказываниям Дмитрия Фурмана? Думается, г-н Фурман прекрасно осознает все вышесказанное. Однако принципы «своя рубашка ближе к телу» и «за чужой щекой зуб не болит» в данном случае берут верх над логикой и принципами естественного права и исторической справедливости.

Да, Израиль состоялся как государство. Вряд ли израильтяне ради мира в регионе и безопасности детей согласятся оставить Палестину и вернуться в те страны, откуда приехали они, или их отцы и деды. Пусть даже в Европе и

Америке им предоставили бы самую что ни на есть полную культурную автономию со всеми гарантиями. У государства Израиль есть своя политика, которая не терпит симпатий или антипатий («неврозов») по отношению к тем или иным народам, включая и армян.

Интересы Израиля для тех евреев, кто непосредственно связан с еврейской темой, важнее, чем отношение к армянам, их проблемам и исторической судьбе. Отсюда и неадекватный подход к принципам нерушимости границ, самоопределения, в зависимости от того, идет ли речь об Израиле или о Нагорном Карабахе. Возможно, тут играет роль и сознание евреями своей «уникальности»: лишь евреям, а никому другому дано повернуть ход истории.

Но приоритетна все же политика. Главным союзником Израиля всегда были США, в регионе - прежде всего Турция, а потенциально - и ориентированный на нее Азербайджан. Противниками же являются (сегодня, во всяком случае) многие арабские страны и Иран. Для Армении же именно Иран и ряд арабских стран имеют во многом схожие геополитические интересы. Что хорошо для Израиля, не всегда хорошо для Армении, и наоборот. Этот тривиальный политический расклад во многом объясняет позицию г-на Фурмана. Равно как и то, что в последнее время Израиль, по сообщению ряда газет, стал поставлять вооружение Азербайджану. Прибавьте к этому наличие в Азербайджане значительного количества евреев (в Армении их чуть больше тысячи; в Нагорном Карабахе, по переписи 1989 г., было... 9 евреев), а в Израиле - значительной прослойки выходцев из Азербайджана, занимавших там весомые посты, сохранивших прежние связи и заинтересованных в безопасности пока остающихся там евреев, в развитии экономических связей с Азербайджаном и укреплении в нем позиций Израиля. В Армении же нефти нет, а стабильная во всех отношениях и сильная экономически Армения могла бы изменить ситуацию в регионе не в интересах Израиля. Поэтому - побоку симпатии, которые противны самой природе политики.

Не забудем также, что независимость Карабаха послужит мощным стимулом для курдов, прежде всего в Турции. А ведь есть и другие народы, желающие восстановления попранной не так давно справедливости. Христиане-несториане по вере, и семиты этнически, ассирийцы были изгнаны Турцией со своих земель юго-восточнее озера Ван (горы Хаккяри) в 1915 году. Имеют ли они право на возвращение и создание своего государства? Вопрос, конечно, риторический, но лишь на сегодня, ибо никто не знает, как повернется завтра история. Особенно если отсталые, но крайне многочисленные курды переломят в конце концов хребет турецкой военно-полицейской машине на востоке нынешней Турции. Сомнительно, чтобы подобный исход был в интересах Израиля, а значит (что вполне естественно) г-на Фурмана.

Точно так же не в интересах США, Турции, СБСЕ изменение существующих сегодня в Малой Азии и Закавказье границ. Однако в случае с бывшей Югославией принцип нерушимости границ был повержен... самим СБСЕ. Речь

идет о признании независимости Словении и Хорватии в ходе военных действий, вопреки воле федеральных властей Югославии, которая также подписала Хельсинкский акт и вправе была рассчитывать на помощь СБСЕ в сохранении своей целостности вопреки стремлениям словенских и хорватских «сепаратистов». Но «сепаратисты» были признаны, вслед за ними была признана и Босния. Однако сербам в Хорватии и Боснии было, в свою очередь, отказано в самоопределении, а все, что осталось от СФРЮ, было объявлено «агрессором». Более того, к тому, что не позволено сербам в Хорватии и Боснии - к отделению, - недвусмысленно подталкиваются албанцы Косово - автономии в Сербии. Действия соседней Албании, официально признавшей независимость Республики Косово, не только не вызывают обвинений со стороны США и СБСЕ во вмешательстве Тираны во внутренние дела Сербии или СРЮ, но и явно поощряются. Так, в сентябре 1992 г. США предоставили Албании статус наибольшего благоприятствования в торговле, а в декабре уже рассматривался вопрос о вступлении Албании в НАТО. Нетрудно догадаться, какой была бы реакция США и их подопечных из СБСЕ на признание Сербией самоопределившихся сербских государств (Краин) в Хорватии и Боснии. Или на признание Арменией независимости Нагорно-Карабахской Республики, чего усиленно требует от Левона Тер-Петросяна оппозиция, прежде всего партия «Дашнакцутюн».

США в регионе Малой Азии имеют ориентацию на Турцию и Азербайджан, который вдобавок имеет нефть и является «мостом» между Турцией и Средней Азией. Не будем говорить о пресловутом плане Гобла, - о нем уже много написано.) Показателен хотя бы тот факт, что послом США в Армении был назначен человек, бывший до этого... резидентом ЦРУ в Турции.

Таким образом, вырисовывается вполне конкретная ось и ее ответвления: США-Израиль, США-Турция-Азербайджан и, что вполне логично, Израиль-Турция-Азербайджан. Все, что отвечает интересам «малой Антанты», - хорошо, справедливо, отвечает принципам и проч. Все, что не в интересах США и их ближайших союзников, может быть признанным «не отвечаюшим принципам», «не служащим делу мира» и так далее.

Отсюда - своеобразная позиция Израиля; а от нее, вероятно, происходит выстроенная Дмитрием Фурманом мифологическая «шкала ценностей» («неврозов»), в соответствии с которой черное может стать белым и наоборот.

* * *

Наконец, хотелось бы сказать еще об одном. В свете вышеизложенных геополитических связей и тенденций характерным представляется и выступление Дмитрия Фурмана на страницах «Независимой газеты» со статьей «Наши интересы в Закавказье». С позиций, во многом схожих с теми, что были высказаны им на страницах «Ноя» (кстати, «Независимая газета», представляя

«Ной» в одном из номеров за декабрь, процитировала именно ряд высказываний г-на Фурмана). Однако чьи в действительности «наши» интересы обрисовал в статье в «НГ» автор? России, «Независимой газеты», г-на Фурмана или Израиля?

P.S. Арсен Мелик-Шахназаров - россиянин по рождению, русский по матери и даже по паспарту.

К сведению г-на А.Мелик-Шахназарова: Дмитрий Ефимович Фурман - не только не из «ряда представителей российского еврейства, ориентированных на Израиль», но, как поется, «даже не еврей». - Р е д а к ц и я.

Георгий КУБАТЬЯН (Ереван)

НЕСКОЛЬКО ВОЗРАЖЕНИЙ ДМИТРИЮ ФУРМАНУ

Не хотелось бы играть в слова, но разобраться с ними надо. Д.Фурман убежден, что в основе арцахских событий лежит жажда реванша. Реванш, однако, - плата за военное поражение. Разве Армения уступила исконную свою землю (или даже спорную - какая в нашем случае разница?), проиграв Азербайджану войну?*

Не будем придираться. Вероятно, говоря «реванш», Дм.Фурман имел в виду поединок армян с судьбой, сложившийся для нас куда как скверно. Ну что ж, попытка переиграть судьбу (в обоих смыслах: и переиначить ее, и взять над ней

*** Кто и как отдал Нагорный Карабах во власть Баку, читатели «Ноя», конечно, знают. И все же: документ, доныне определяющий жизнь уже миллионов вовлеченных в конфликт людей, - по-русски говоря, филькина грамота. Во-первых, его принял партийный орган. Во-вторых, партия, неправомочно решавшая государственные вопросы, была партией третьей страны - России (Союз ССР возник полтора года спустя), а функции третейского судьи она (если угодно, партия, а нет, то и РСФСР) взяла на себя самовольно.**

**** А Сурмалинский уезд и, значит, Арарат вообще никогда прежде Турции не принадлежали.**

верх) в 1988 году, разумеется, была и еще не завершилась. Но коль скоро мы сочтем эту попытку «стремлением к реваншу», то почему не увидеть то же самое в успешной попытке сионистов создать - или воссоздать - свое государство именно и только там, откуда Рим изгнал евреев, шутка сказать, без малого два тысячелетия назад? Ведь не в Уганде же в самом деле и не в Биробиджане. Да заикнись лишь армянское правительство: если, дескать, не Западная Армения, то уж Карсская-то область и Сурмалинский уезд с Араратом, входившие в состав первой республики**, должны быть возвращены нам, - заикнись об этом армяне, какой крик поднимет весь цивилизованный мир! Времена изменились, разведет руками Д.Фурман, поезд ушел. Согласен. Согласен даже, что поезд ушел также из Нахичевани, где последние армяне покинули могилы праотцов в том самом 88-м. Но в Арцахе-то, слава Богу, армяне живут. И не реванша ищут они - они не хотят садиться на, скажем так, нахичеванский поезд, в который их 70 лет кряду старательно усаживали (нужны ли соответствующие цифры?).

«Сионизм стремился вовсе не к «ревашну» и не был направлен против арабов». Но и арцахцы, стремясь воссоединиться с Арменией, не имели ничего против азербайджанцев. Больше того. Те участвовали во многих степанакертских митингах вплоть до Сумгаита, антиазербайджанские же лозунги и действия у армян всегда сильно отставали по времени от антиармянских у азербайджанцев. Когда мой сосед Юнус Сулейманов, обменяв квартиру, переезжал в Москву, его мебель аккуратно, чтобы не поцарапать, выносили грузчики-армяне. Было это осенью 89-го; бакинские армяне в ту пору носу из дому не казали, надвигался январь.

Как бы то ни было, армяне, по Д.Фурману, «стремились прежде всего к реваншу, к экспансии». Простите, но это уж чересчур. Экспансионисты, сколько я понимаю, распространяют свое влияние на те сферы и территории, где их не было.

Тут проглядывает главное: Д.Фурман уверен, что корень бед - в Ереване, и возлагает моральную ответственность на армянскую интеллигенцию и ее верхушку. Между тем арцахское движение началось в низах, и притом давным-давно, никогда не прекращалось, как никогда не прекращались репрессии против его активистов, и если захлебнется нынче, непременно возродится завтра. Рим, вы помните, долго силился сломить евреев, потом уяснил: пока они живут на своей земле, смуты не прекратятся.

Д.Фурман рисует радужную картину - что было бы, не прими облсовет в Степанакерте рокового решения. А ничего бы не было! Не дали бы арцахцам никакой воли, и не укреплялись бы их связи с Арменией, и не цвела бы в Азербайджане армянская пресса. Каждую поблажку для себя армяне там буквально вырывали! Степанакертскому документу предшествовали решения всех, кроме Шушинского, райсоветов. Сдайся облсовет на уговоры Баку и

Москвы, это восприняли бы как слабость - прощай, надежды. Ведь и горбачевские посулы арцахцам - следствие их борьбы, а не отказа от нее.

Д.Фурман вспоминает, с каким раздражением и превосходством слушали армянские депутаты-академики Горбачева в июле 88-го. А мне, наоборот, помнится, как они горячились, втолковывая ему, что у армян на душе, и как бесцеремонно - ни дать ни взять школяров - обрывал он их.

Горбачев, по Д.Фурману, предупреждал армян, а те не пожелали внять разуму. О чем же предупреждал нас генсек? Об «азербайджанском факторе»! Вы, мол, будете слова говорить, а они ваших соплеменников - ножичками. И был прав. Но чего стоит его правота, коли ножичками-то армян резали и не без благословения Кремля. Сумгаитский кошмар длился три дня, и готовились к нему никак не меньше; ГБ ведать ни о чем не ведала? А может, все просто - преподали дуракам урок: тихо, не высовываться!

Кстати, говоря об ответственности армянских интеллигентов, Д.Фурман ни звука не проронил об азербайджанских. Пока наши распинались в дружеских к ним чувствах, те, не рассусоливая, открытым текстом призывали давить неблагодарных армян.

Д.Фурману кажется убийственным вопрос, который он задал бы нынешним армянским лидерам: понимали ли они, к чему приведет конфликт? Я не лидер, и я не понимал. Полагаю, не понимали и они. Какие же они тогда политики?! А они и не были политиками. Они стали ими (хорошими, нет ли - вопрос отдельный), потому что тогдашние политики, раньше всего в Москве, не утишили конфликт, а растравили его, отказывая арцахцам в элементарном: думать по-своему и самим решать, как им жить и с кем. Положа руку на сердце, дикими считает такого рода амбиции также и Д.Фурман.

Меня многое удивляет в его словах. Почему, к примеру, евреи пережили геноцид, армяне же - лишь погром, пусть и чудовищных размеров? Документы свидетельствуют: турки намеревались истребить в с е х армян в пределах Османской империи. Уничтожили полтора - два миллиона, треть нации; мало для геноцида? Почему уважаемый историк приписывает армянам «невротический страх», побудивший их добиваться реванша? Я ничего не смыслю в психологии, но страх, по-моему, побуждает, поджав хвост, молчать в тряпочку.

Но больше всего меня поразило вот что. «Объективно на совести Галины Старовойтовой больше армянской крови, чем на любом погромщике-азербайджанце».

Это возвращает нас к теме ответственности. В чем же все-таки долг порядочного «человека со стороны»? Ратовать ли ему за истину или, сознавая, что одни плюют на права и верят лишь кулаку, вразумлять других, вы же терпели, терпите и дальше, не то плохо будет. Обмолвилась ли хоть раз Старовойтова худым словом про азербайджанский народ? Проповедовала ли

вражду? Звала ли к оружию? Неважно. Историк выносит вердикт: защищала законные права одних, стало быть, ущемляла права других, пускай и незаконные, стало быть, провоцировала, стало быть, виновна - виновней даже убийцы. С того, темного, какой спрос...

Диву даюсь, как быстро стал иконой в Москве Андрей Сахаров. Его почитают, ему поклоняются, но никто, как и при жизни, не желает его выслушать. Лучше вообще его не трогать, тронем-ка лучше Старовойтову - ее-то к сонму святых не сопричислили. А ведь многое из того, что говорила она, первым произнес Сахаров. Это он писал: «Ни у кого не остается никакой нравственной возможности настаивать на сохранении территориальной принадлежности НКАО к Азербайджану». И потом: «Я убежден, что справедливое решение проблемы НК в соответствии с волей населения НКАО также и в интересах азербайджанского народа». Год назад, в декабре 1991-го, волю арцахцев выразил референдум, проведенный в присутствии множества наблюдателей из разных стран.

Нечем кончить. Ну, обменялись мы аргументами, и что? Война продолжается. Чтобы наступил мир, надо по меньшей мере признать проблему. Азербайджан видит ее лишь в территориальных притязаниях Армении. Д.Фурман не столь прямолинеен, но полагает, что в принципе так оно и есть. Можно ли решить проблему, отрицая ее?

Мартин
МАРТИРОСЯН

ПРОСТОТА ХУЖЕ ВОРОВСТВА

ПОХОЖЕ, ЧТО основным направлением интеллектуальных усилий в наши дни, по крайней мере в области политической этики, становится разработка элитарного подхода, состоящего, по существу, в этической легитимации принципа избирательности. С разгромом страны, в которой мы до недавнего времени жили, образовался своего рода элитарный вакуум и, вместе с тем, изменилась и квота элитарности. Сегодня для того, чтобы принадлежать к элите, достаточно определенной устойчивости социального положения при наличии серьезных перспектив на будущее. Ну и коль скоро «быть в элите» фактически означает просто «быть», а удержаться в элите можно, как правило, способами, далеко не всегда удовлетворяющими нормам классической морали, то становится вполне понятной растущая потребность в некоторой новой этике, которую можно обозначить как элитарную и которая постепенно разрабатывается при помощи нехитрой, хотя и своеобразной, методики. Последнее можно объяснить стремительностью происходящих изменений, а стало быть и нехваткой времени для разработки более изощренного подхода.

Основу метода составляет критика традиционных представлений (быть может правильнее было бы сказать: ставших традиционными) и, в частности, постоянные нападки на массовое мышление, характеризуемое по-разному - отжившее, пещерное, большевистское и т.п. К несомненным достоинствам метода следует отнести частые апелляции к авторитету современной западной гуманитарной науки, что сильно повышает значимость сказанного; использование аналогий, что позволяет добиться максимальной убедительности при минимуме затраченной энергии; употребление запутанной терминологии, что создает фон серьезности и убеждает читателя в наличии дополнительного смысла, оставшегося для него невыясненным, а также употребление броских характеристик с размытым смыслом или далеко не очевидной нравственной

оценкой, которая, однако, предполагается не подлежащей оспориванию, как, например, «большевистское мышление», «демократизация», «рыночная экономика», «западное общество».

К числу главных недостатков в первую очередь относится бросающееся в глаза отсутствие последовательности и избирательность в том, что касается логических выводов. Впрочем, последнее составляет характерную черту современной политики и время от времени вызывает нарекания даже на Западе. Так в опубликованной недавно в «New York Times» статье, посвященной событиям в Боснии и имеющей недвусмысленный подзаголовок «Телевизионные камеры отсутствуют, когда дети умирают не в Европе», Фарид Закариа пишет о тенденции современной политики «применять принцип справедливости и свободы избирательно для одних случаев, но не для других». По его мнению «сила не может сделать нечто более привлекательным, чем другое». Сегодня это положение кажется более чем сомнительным. Досточно вспомнить, скажем, как всеобщая озабоченность судьбой не успевших покинуть Ирак накануне известных событий западных дипломатов сменилась чуть ли не полным безразличием к сотне тысяч погибших иракцев или к судьбе курдских повстанцев. Я уж не говорю о бомбардировках Карабаха или блокаде Армении. Кажется, это традиционное западное деление людей на «белых» и «цветных» вновь обретает актуальность, хотя, возможно, и требует более приемлемых, в духе времени, формулировок. Дальнейшее ослабление России и усиливающийся диктат Запада, в особенности США, по-видимому, лишь углубит этот процесс.

Опубликованный во втором номере вестника «Ной» диалог Д.Фурмана с редактором вестника В.Варжапетяном затрагивает вопросы достаточно деликатные и привлекателен как одна из немногих попыток более глубокого осмысления темы, не лишенной внимания политологов, социологов и историков. Вместе с тем диалог представляет, на мой взгляд, интерес и как вполне типичный пример мышления, ориентированного на моду «элитарности». Мне не хотелось бы, однако, чтобы сказанное воспринималось как критика в адрес Д.Фурмана. Скорее это ряд замечаний, ассоциированных с его рассуждениями.

Диалог начинается с вопроса о том, почему попытки описания национального характера часто приводят к сомнительным результатам. Не очень хочется жонглировать словами, но результаты подобных попыток скорее, наоборот, и особенно в последнее время, несомненны. Д.Фурман связывает успешность описания национального характера со степенью понимания проблемы, в то время как на практике большее значение имеет степень взаимопонимания. В частности, достаточным условием взаимопонимания является авторитет описывающего, и охарактеризованная методика способствует достижению такого авторитета. Д,Фурман говорит о сомнительности таких характеристик как «добрый», «жадный», «хитрый» применительно к национальному характеру. Хотя отказ от них на определенном уровне в последнее время и происходит, однако эти характеристики вполне успешно замещаются иными, выраженными, в соответствии с требованиями времени, неявно. Такими, как, скажем, «лица кавказской национальности» с формально отсутствующей этической оценкой.

«Жадные евреи», «хитрые армяне» - это формулировки, наделенные изрядной долей юмора уже в силу своей эмоциональности и, к тому же, допускающие очевидные возражения. И поэтому правомерен вопрос: является ли отказ от этих характеристик свидетельством качественного изменения нашего сознания или мы отказываемся лишь от формы выражения, по ряду причин ставшей неприемлемой.

«В наши дни идеал состоит как раз в том, чтобы жить и мыслить без эмоций, - замечает Э.Фромм, - «эмоциональность» стала синонимом неуравновешенности или душевного нездоровья. Приняв этот стандарт, индивид чрезвычайно ослабил себя; его мышление стало убогим и плоским. Вместе с тем, поскольку эмоции нельзя подавить до конца, они существуют в полном отрыве от интеллектуальной стороны личности; результат - дешевая сентиментальность, которой кормятся миллионы изголодавшихся по чувствам потребителей кино и популярных песенок» (Э.Фромм «Бегство от свободы», с.204). Добавлю от себя: и многие из почитателей мирного разрешения конфликтов, прав человека, миссионерской и благотворительной деятельности или успешно проведенных во имя гуманизма войн. «Жадные евреи» или «хитрые армяне» исчерпали себя как эмоциональные и потому уже непригодные формы выражения тогда, когда сама «эмоциональность» становится мощным орудием в умелых и сильных руках, наряду с целым рядом других характеристик, которые можно описать общим определением «нецивилизованности», «не-белости». Произвол в отношении Ирака, Курдистана, Ирана, Югославии, Карабаха - для его оправдания достаточно одного лишь упоминания об «эмоциональности», «фундаментализме», «реваншизме», т.е. достаточно бессмыслицы с колоссальной смысловой нагрузкой - бессмылицы потому, что указанные характеристики описывают ситуацию не лучше «жадных евреев», хотя их социальная значимость много выше.

Другое замечание относится к следующему. При чтении интервью создается впечатление, чтто Д.Фурман пытается конструировать, не имея перед собой заранее четко сформулированного вопроса (разумеется, не в смысле «вопроса интервьюера», а в смысле так называемой «логики вопроса и ответа»). Так, не совсем понятно, для чего понадобилось описание процесса становления нации как цепи выборов возможностей с необоснованной характеристикой выбора как «в громадной степени случайного». Напротив, представляются важными именно вопросы «Как возможен выбор?», «Какими внутренними и внешними причинами этот выбор обусловлен и какими ограничен?». В том же номере вестника опубликована повесть Эли Визеля, где эти вопросы игнорировать невозможно. Думается, что произвольность ряда последующих выводов Д.Фурмана - естественный результат отсутствия подобных вопросов.

Несколько настораживает настойчивость, с которой проводится аналогия индивида и нации, и, хотя Д.Фурман делает, кажется, все возможное, чтобы исключить неверные толкования, тем не менее смутное ощущение проведенной индукции все же возникает. А индукция - это как раз то, что вызвало к жизни образ «жадных евреев» и «хитрых армян».

Мало привлекательной выглядит и попытка объяснить (в тексте небольшого

объема!) те или иные явления при помощи таких понятий как «невроз» или «фобия», поскольку сами эти понятия обладают большой, по словам К.Поппера, «объяснительной силой». По сходному поводу он замечает: «Раз ваши глаза однажды были раскрыты, вы будете видеть поодтверждающие примеры всюду: мир полон верификациями теории... Поэтому истинность теории кажется очевидной и сомневающиеся в ней выглядят людьми, отказывающимися признать очевидную истину либо потому, что она не совместима с их... интересами, либо в силу присущей им подавленности, непонятой до сих пор и нуждающейся в лечении» (К.Поппер. «Логика и рост научного знания», с.242). Я не хочу сказать, что Д.Фурман неверно описал ситуацию, речь идет лишь о неправомерности поверхностного анализа такого рода.

Сравнительная характеристика армянского и еврейского народа, равно как и анализ карабахского движения, также представляются несколько поверхностными. В мифологических системах обоих народов «выделенность» - один из главных, если не самый главный, элемент. Но если для евреев «выделенность» («избранность») - это факт, раз и навсегда зафиксированный, то «выделенность» армян - элемент в достаточной мере искусственный, возникший из сопоставления, зачастую поверхностного, с другими народами, как правило соседними, и в силу этого требующий постоянного подтверждения, а следовательно, что не менее важно, вызывающий мучительные сомнения. Отсюда вопрос партизана об азербайджанцах, привнесших что-либо в мировую культуру, вопрос, который Варжапетян называет идиотским. Он не идиотский, он болезненный, что справедливо замечает и Д.Фурман. К тому же ответ на этот вопрос, как надеются многие армяне, обеспечит им столь необходимое в конфликтных ситуациях признание «белости». Боюсь, однако, что критерии «белой» нации лежат совершенно в иной плоскости. Армянам полезно знать, что сегодня «белые сироты умирают только на Балканах», как пишет в уже цитируемой статье Ф.Закариа. Впрочем, большинство из них это знают.

То, что Д.Фурман в дальнейшем сосредоточился на реваншистских устремлениях армян, не удивительно, ибо «конструирование без вопроса», как правило, влечет за собой смещение акцентов к поверхности. Или, быть может, он находился под сильным впечатлением от цитируемой им книги Карен Хорни. Хотя реваншизм, возможно, и является важной составляющей армянского мифа, но для реваншизма армяне все же слишком практичны. Вообще этот абзац, пожалуй, наиболее слабое место всего интервью. Смешно, скажем, читать, что «процесс демократизации открывал громадные возможности улучшить положение армян Азербайджана». Ни для кого не секрет, что то, что с нами происходит, именуется в обиходе «процессом демократизации», равно как и то, что этот процесс «открыл громадные возможности улучшить положение» каких-то меньшинств, но уж никак не национальных. О предположениях Д.Фурмана относительно того, каким бы было положение армян в Азербайджане, не будь карабахского движения, можно сказать, что все они, в лучшем случае, не очевидны, хотя и, в определенном смысле, не фальсифицируемы, почему и могут выглядеть достаточно убедительно. «Спокойнее и эффективнее шли бы демократические процессы в Азербайджане»? Если даже и да, то

почему? Не потому ли, что, как показывает опыт большинства республик, национальные меньшинства представляют отличное средство для успокоения «демократических процессов», т.к. дают возможность направить опасную энергию по другому руслу? «Была бы фракция депутатов-армян в меджлисе, были бы армяне-министры, были бы гарантии безопасности армян...» Это все уже было. В Турции, накануне резни 1915 года.

Ошибка Д.Фурмана проста. Отнесясь слишком серьезно к идее реванша, он не заметил другого: что для большинства армян их позиция в карабахском вопросе определяется простым чувством солидарности (и не столько национальной, сколько человеческой), что главное для карабахцев - это отделение от Азербайджана, а не присоединение к Армении, и что выбор у них был ограничен. «Победа, если она даже возможна, отбросит враждующие стороны в средневековье»? Что касается Армении, то у нее, как и у других республик, уже были большие победы - свержение тоталитарного режима, например, или обретение независимости. Можно сказать, куда отбросили нас эти победы, однако при демократическом режиме сделать это, по вполне понятным причинам, не так легко, как при тоталитарном.

И, наконец, последнее. Д.Фурман весьма последовательно ообосновывает свою мысль о приоритете реваншистских настроений в Армении, однако каждый шаг этой последовательности содержит небольшую неточность и вряд ли следует напоминать, какие последствия это может иметь для справедливости окончательного вывода. Прежде всего Д.Фурман определяет сионизм как «стремление к нормализации», к «превращению евреев в нормальный народ». Однако внутри сионизма существовало и другое направление, представителем которого был как раз цитируемый Д.Фурманом Мартин Бубер: «я противопоставляю древнееврейский гуманизм тому еврейскому национализму, который рассматривает Израиль как нацию, подобную другим нациям, и не признает для Израиля другой цели, чем сохранение и утверждение себя» (М.Бубер «Веление духа», с.27). И в армянском движении ситуация была аналогичной, хотя Д.Фурман этого не замечает. Более того, если сторонники «нормализации», или «светского сионизма», как его называет М.Бубер, победили, то и в Армении в конечном счете произошло то же. Опять-таки я не утверждаю, что различий не существует - мне трудно судить о практической стороне «светского сионизма», а о своих суждениях относительно практической деятельности победившего в Армении «светского национализма» я благоразумно умолчу, но основной тезис «нормализации» - одинаков в обоих случаях. Однако Д.Фурман основывает свой вывод на неверных посылках, и это вызывает естественное возражение. А вывод таков: «если бы армяне стремились просто к независимости, они создали бы независимое и сильное государство». Вот так просто.

Сергей ЛЁЗОВ (Москва)

УВАЖАЙТЕ ТРУД УБОРЩИЦ

1. Вначале появились не мысли, а чувства - разочарования и протеста. «И ты, Брут...»

Биолог, который в свое время не мог молчать и занялся борьбой за права человека (то есть хотел сделать так, чтобы обывателям у нас на родине жилось лучше), отсидел за это семь лет в лагере с последующим поражением в правах - и стал главой комитета по ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА в мертвом уже улье «Белого Дома России», где им руководит его собственная секретарша.

Молодой человек с повадками комсомольца и тоже, кажется, сотрудник академического института, который становится вначале доверенным лицом одной восходящей политической звезды, а затем - заместителем министра иностранных дел России.

Сама восходящая звезда, чуть не ставшая (по собственому признанию в «Независимой газете») вице-президентом той же самой России, тоже в прошлом научная сотрудница.

Историк философии, обнародовавший за год несколько фундаментальных работ, итог целой жизни, проведенной в трудах и размышлениях, - и вот теперь, на склоне лет, в сборнике статей духовной оппозиции (разумеется, либеральной) он призывает правящих демократов к демократичности.

Серьезный исследователь итальянского Ренессанса, обучающий народных избранников, как себя вести...

И так далее.

Грустно это все. «После Августа» мы навидались философов и даже учеников М.К.Мамардашвили у трона, поглядели на просвещенных советников царей.

И вот - куда конь с копытом, туда же и доктор исторических наук, настоящий специалист по социальным аспектам религии в США Дмитрий Фурман.

Я привык думать: человек, состоявшийся хотя бы в чем-нибудь, знающий свое скромное дело, свое ремесло, понимающий вместе с Гиппократом, что vita brevis, ars vero longa occasio autem praeceps, experientia fallax, а главное - judicium difficile*, - такой человек с брезгливостью булгаковского профессора

*** Жизнь коротка, наука обширна, случай шаток, опыт обманчив, суждение затруднительно» (лат.).**

Преображенского откажется заниматтся делами, в которых он некомпетентен. Специалист знает о правоте Гиппократа: жизнь - коротка, а необходимые для приообретения компетентности в ремесле знания - обширны. Вероятно, Гиппократ согласился бы, что в такой ситуации именно отказом заниматься делами, в которых он некомпетентен, уважающий свое дело специалист будет содействовать происхождению гражданского общества, частной собственности и либеральной государственности. Или, как говорил наш учитель Гиллель, «если даже я не за себя, то кто же за меня?», кто же займется моим делом, если даже я его забросил?

Моя главная претензия к доктору Дм.Фурману состояла в том, что он (как показалось) усвоил господствующий этос молодой русской демократии и оценивает ситуацию на основании неких общих соображений о том, как это должно быть, не потратив предварительно некоторого времени на изучение языков и культур народов, вовлеченных в конфликт, то есть преступая правила профессиональной этики.

2. Такое отношение к делу ведет к фактическим ошибкам.

Вот одна из них. «Армяне в громадной мере избрали свою судьбу, выбрав монофизитство» (с. 121) и там же: «Армянская церковь отвергла в Y-YI вв. «православную» христологию, сделав тем самым армян еретиками для православных и католиков». Применительно к исторической ситуации Армении и ее церкви в период после Халкидонского собора 451 г., где монофизитство впервые получило нормативный статус ереси, не приходится говорить о том, что армянская церковь нечто произвольно «выбрала», а еще что-то «отвергла». Не было в истории армянской церкви ни одного события, на которое можно указать просто как на «выбор монофизитства». Без учета политической истории армян в Y-XI вв., т.е. до вторжения в Малую Азию турок-сельджуков, без оценки отношений армян с Византией и ее государственным православием, не принимая во внимание связи армянской церкви с сирийским христианством и мн.др., мы вообще не можем говорить об истоках армянского «монофизитства». Между тем «выбор армянами монофизитства» интересует Фурмана именно как иллюстрация занимающей его идеи о случайном, немотивированном выборе, который затем формирует культуру и судьбу народа.

3. С.124: «Евреи пережили самый настоящий геноцид, армяне же скорее чудовищных масштабов погром», - говорит Дм. Фурман. Все главные черты современного геноцида как государственного акта: вначале лишение прав на основании этнической принадлежности, затем изоляция членов вредной с точки зрения государства этнической группы, а потом - их планомерное уничтожение, - обнаруживаются в том, как младотурецкое государство решало армянский вопрос. О «чудовищных масштабов погроме» уместнее говорить применительно к армянской политике султана Абдул-Гамида.

Тезис о «чудовищном погроме» (не «геноциде») возникает, видимо, из

идеи Фурмана, согласно которой история армян - это «смягченная» вариация на тему еврейской истории. Дм. Фурман рассуждает так: есть общий для двух народов набор характеристик, которые в случае армян выражены не столь резко. Но я скептически отношусь к самой предпосылке этой беседы В.Варжапетяна с Дм.Фурманом. Заранее постулируется, что у армян и евреев есть много общего и важно именно общее. Дм.Фурман исходит из этого, но затем старается сосредоточиться на различиях. А я бы сказал, что бросающиеся в глаза черты сходства - скорее внешние, поверхностные, а по мере углубления в интеллектуальные миры армянства и еврейства эти схождения вообще выпадают из поля зрения, они не обладают эвристической ценностью, необязательны для понимания армянской истории.

4. С.125: «Что преследовало армян, не давало покоя? Страх повторения 1915 года, страх своей слабости - он-то и породил карабахское движение. И к чему это привело? В Азербайджане жили сотни тысяч армян (десятки тысяч в одном Баку), получали образование, занимали хорошие должности, были известными людьми. Конечно, в какой-то степени азербайджанцы угнетали армян, но вряд ли больше, чем русские - украинцев, литовцы - поляков, чукчи - эскимосов и т.д., причем процесс демократизации открывал громадные возможности улучшить положение армян Азербайджана. Но что вышло, мы знаем. Случилось именно то, чего армяне больше всего опасались - ужас резни 1915 года настиг их в Сумгаите в 1988 году!» - говорит Дм.Фурман.

Вопрос к Фурману. Улучшил ли «процесс демократизации» положение поляков в Литве? Улучшилось ли положение хоть одной общины этнического меньшинства или этнодисперсной группы в ее качестве таковой? Откуда Дм.Фурман берет модель, которую считает желательной для азербайджанских армян?

Получается, что резня в Сумгаите вызвана армянским неврозом, патологической тревогой по поводу возможности нового геноцида. В современной психологии применительно к таким случаям говорят о «пророчествах, которые накликивают свое осуществление». «Поведение невротика, - замечает Дм.Фурман, цитируя одно исследование на эту тему, - просто неотвратимо приводит его к тем последствиям, которых он стремится избежать».

А нынешние притеснения грузинских армян (их около полумиллиона) тоже будем считать проявлением армянского невроза? А как быть с угрозой для армянских общин на юге России?

Но все же, как мне кажется, Дм.Фурман в какой-то мере прав. По моим наблюдениям, геноцид армян в Османской империи, не признанный миром и забытый, замолчанный им, стал событием, определившим самосознание армянского народа. Поэтому «Сумгаит» можно понять как удар по незаживающей ране, по самому болезненному месту нации. Армянам как бы напомнили: «Вот что с вами было и вот что вас ждет!» Известно, что жертвы погромов в Сумгаите,

Кировабаде и Баку не были людьми армянской культуры: как и большинство армян, живших в городах Азербайджана, они были полностью ассимилированы в имперскую, «советскую» культуру. Но им напомнили: нет, вы не русские, и не азербайджанцы, и не просто «советские люди», вы - армяне. И теперь у них появилась новая, чисто негативная идентичность, - они армяне в том смысле, что они антитурки.

Я думаю, что «армянский невроз» - в большей степени следствие событий последних лет, чем их причина. Конечно, у армян в СССР сохранялся антитурецкий невроз, но считать, что именно он породил карабахское движение, - это слишком смело. Перед нами красивое интеллектуальное построение, но едва ли верное.

5. Обратимся к центральному доводу доктора Фурмана: если бы 20 февраля 1988 г. облсовет НКАО не возглавил движение за присоединение области к Армении, то не было бы массового уничтожения людей, депортаций и войны, разрушившей возможность нормального существования для всех, кто живет сегодня в Армении. Если бы не это роковое решение, то «спокойнее и гораздо эффективнее шли бы демократические процессы в Азербайджане, причем роль армян в республике была бы весьма заметной и значительной, была бы фракция армян-депутатов в меджлисе, были бы армяне-министры, были бы гарантии безопасности для армян Нагорного Карабаха, была бы армянская пресса в Азербайджане и т.д.».

Если принять, что такое развитие событий было в принципе возможным, то, конечно, руководителей карабахской борьбы за «миацум» и новых армянских лидеров, припавших к власти на волне «карабахского движения Армении», следует считать ответственными за гибель тысяч и несчастья сотен тысяч людей: всех погибших на войне, всех депортированных из Армении и Азербайджана, - словом, всех, чье существование затронуто этими событиями.

Но все наши сведения о политической культуре Азербайджана не позволяют всерьез допустить такую возможность. А об этой стороне Фурман ничего не говорит, молча предполагая, что у азербайджанцев не было изначальной враждебности к «своему» армянскому населению, не было антиармянского невроза.

6. Со многими положениями Дм.Фурмана я охотно соглашусь: «На разжигании массового психоза делались политические карьеры...» А как иначе они делались в перестроечные годы?

Мне близка мысль Фурмана (он высказывал ее в других работах), согласно которой варварские способы разрушения СССР и «решения» всех наших социальных (в том числе и национальных) проблем не были вызваны некоей культурной необходимостью, т.е. все могло быть иначе (и еще сейчас не поздно). И я согласен, что даже при наших неблагоприятных исходных данных были возможны и другие пути, не столь жуткие. Причина несчастий -

не в какой-то объективной детерминированности исторического развития, а в том, что к политике - этому самому чистому человеческому делу - протянулись грязные руки мерзавцев, готовых использовать и культивировать слабости своих народов.

Возражаю я лишь против чисто умозрительного приложения этой благородной мысли Фурмана о непредрешенности нашего пути к армяно-азербайджанским делам. Необходимы еще изучение и оценка фактических данных.

Прав Фурман и в отрицательной оценке деятельности тех, кого можно назвать «московскими друзьями армянского народа»<1>. Одно надо добавить: армяне не дети, они сами виноваты, что купились на такие побрякушки. В первой половине мая 1989 г. я по случайности оказался в Ереване в то самое время, когда там проводила свою предвыборную кампанию Г.В.Старовойтова. Я слушал ее выступление на митинге у Матенадарана (Театральная площадь еще была закрыта войсками, в Опере располагалась военная комендатура). После речи Г.В.Старовойтовой огромная толпа вопила «ГА-ЛИ-НА!!!». Между тем выступление было смесью вульгарной лести армянам, антитурецких и антиисламских фраз из ереванского кафе и обыкновенной лжи. Мне было обидно за неразборчивость «цивилизованного народа» и одновременно не хотелось, чтобы многочисленные ереванские знакомые как-то ассоциировали меня, русского и москвича, со Старовойтовой.

Прошло время, и роман со Старовойтовой армяне признали неудачным. Хочется верить, что опыт все же чему-то учит. Во всяком случае, с осени 1989 г. руководство АОД начало промывку армянских мозгов в том смысле, что « у нации нет вечных друзей и врагов, а есть лишь вечные интересы». Так писалось в программных документах. А вот как это читалось: на самом деле вечные враги армян не турки, а русские; турки же, напротив - вечные друзья. Но этому армяне не поверили.

21 декабря 1992 г.

<1> См. об этом мою статью «В Нагорном Карабахе и вокруг него: опыт интерпретации мифического мышления». - «Российская газета», N 72 (408), 28 марта 1992 г. Перепечатана в журнале «Социум», N 8 (20), август 1992.

Ашот БЛЕЯН (Ереван)

ЧАС ИНАКОМЫСЛИЯ ПОЗАДИ - ПРИЗЫВАЮ К РАЗМЫШЛЕНИЯМ

Жизнь бесспорно доказывает, что предпринятые и предпринимаемые властями республики меры, при наличии разжигающейся войны в Карабахе и при условии исключительной самоизоляции в политической и экономической жизни республики, обречены на провал. Казалось, что этого достаточно, чтобы парламент безотлагательно зафиксировал и немедленно приступил бы к обсуждению урегулирования карабахского противостояния, став тем самым главным фактором мирного процесса.

Я полагаю, что парламент сочтет необходимым принять следующее:

- поручить Президиуму ВС РА до следующей трехдневной сессии представить на обсуждение парламента пакет предложений и мер по мирному урегулированию Карабахской проблемы;

- предложить Президенту РА на следующей трехдневной сессии представить парламенту государственную программу РА по мирному урегулированию противостояния.

Тем не менее парламент почему-то отложил обсуждение на будущую трехдневную сессию.

Парламент, который никак не смог преодолеть принудительность решений по Карабаху от 1 декабря 1989 года и 8 июля 1992 года, не имеет права немедленно не откликнуться на наше Обращение к президентам, правительствам, политическим деятелям и интеллигенции Азербайджана и Армении.

Преступно безответственное отношение парламента к карабахской проблеме. Как расценивать поведение большинства депутатов, которые в перерыве, в кулуарах сессии и за чашкой кофе полностью с тобой согласны, а в зале заседания, во время решающего нажатия кнопки - опять воссоединение, опять борьба. Борьба до чего?

Сегодня предлагают напряжением всех сил обеспечить организационное единство нации и создать в обществе атмосферу, нацеленную на решение сверхзадач. Нет, нет и еще раз нет. Обществу и государству необходимо сконцентрироваться на осуществлении таких задач, которые стимулируют индивидуальные возможности и в то же время сплачивают и организовывают народ.

И вчера, и сегодня создание независимого государства Арцах или даже единого государства Арцах-Армения выше наших сил. Реализация этой задачи должна разорить и разоряет только что состоявшееся государство и разрушает еще неоформившиеся устои нашего общества.

«Воссоединение», «борьба, борьба до конца», «тотальная мобилизация во имя спасения нации», «Независимый Арцах - необходимая предпосылка духовного возрождения армянской нации», - кто имеет право навязать этот выбор мне, моему поколению, моим воспитанникам и моим детям... Как же будем освобождаться от этого выбора?

Это все уже было. От первого премьер-министра и Президента Третьей армянской Республики до сегодняшнего премьера и Министра обороны - все требуют дополнительных полномочий и власти у парламента Республики. Если мы будем продолжать представлять народу «застенчивую», но реальную войну демократической Армении с Азербайджаном как «процесс мирного урегулирования карабахского конфликта», то, естественно, остается один выход - статус государства, находящегося в состоянии настоящей войны. Но это все уже было. Мы снова запутаемся в статистике, снова будем увлекаться перспективой западных кредитов и помощью международных валютных фондов, гуманитарной помощью, которой так теперь изобилует Россия. Кто нам дал право питаться за счет наших детей, зачисляя при этом в долг наше сегодняшнее опустошение?! Когда, наконец, мы будем сами зарабатывать свой хлеб насущный? Опять будем избегать откровенных разговоров, не будем называть вещи своими именами и, наконец, не будем для создавшихся ситуаций искать адекватных политических решений.

Что же должен сделать сегодня парламент?

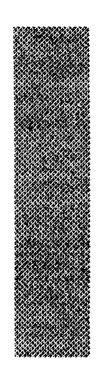
Парламент должен иметь мужество признать ошибочным свое решение от 8 июля 1992 года, давая возможность Президенту предпринять необходимые шаги для поиска формулы мирного урегулирования.

Парламент должен обеспечить переход армяно-азербайджанской вооруженной конфронтации в режим мирного урегулирования, при этом призывая к сотрудничеству и поддержке общественно-политические организации и интеллигенцию республики.

Парламент должен пресечь любые попытки государственных и общественных деятелей, которые своими действиями или заявлениями будут препятствовать развертыванию программы урегулирования, стабильности в регионе и установлению добрососедских отношений.

Парламент должен рассмотреть программу сотрудничества между ВС Армении и Азербайджана, включая самый высокий уровень, для создания обоюдно приемлемой мирной формулы урегулирования. В свою очередь, решения и действия властей и государственных органов должны быть направлены на претворение в жизнь формулы мирного урегулирования не только непосредственно в зоне конфликта, но и в более широком региональном смысле. Одновременно, без особых шумных государственных баталий, незаметно и продуктивно усилить самооборону в Арцахе, рассматривая это как необходимый сегодня проводник умиротворения конфронтации. Проводник, без которого невозможно обеспечить безопасность Карабаха в государстве Азербайджан, а также право гражданина-карабахца жить на своей земле.

Выдержки из статьи Ашота БЛЕЯН
А в газете «АЗГ» (октябрь 1992 г.)

СОВМЕСТНОЕ КОММЮНИКЕ О ВСТРЕЧЕ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА ВАЗГЕНА 1, ВЕРХОВНОГО КАТОЛИКОСА ВСЕХ АРМЯН И ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА ШЕЙХ-УЛЬ-ИСЛАМА АЛЛАХШУКЮРА ПАША-ЗАДЕ, ГЛАВЫ ДУХОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН ЗАКАВКАЗЬЯ

Мы, религиозные лидеры наших народов, обеспокоенные судьбой наших духовных чад и жестокостью, злом и ненавистью, которые побуждают их к действиям, противоречащим воле Божией, встретились в Монтр± (Швейцария) 6-8 февраля 1993 г. благодаря милости Божией и инициативе Всемирного совета церквей, при содействии Конференции европейских церквей. Генеральный секретарь Международного исламского совета дава и взаимопомощи присутствовал на встрече как наблюдатель.

Обсудив проблемы, которые угрожают нашим народам и нам, мы посчитали особенно важным прежде всего подчеркнуть, что, несмотря на ряд попыток характеризовать этот конфликт, который привел к пролитию невинной крови, как христианско-мусульманское противостояние, - это не религиозный конфликт. Армянские христиане и азербайджанские мусульмане жили и будут жить в мире, взаимном уважении и добрососедстве.

От всего сердца мы молим Всевышнего об успокоении душ жертв, павших в ходе трагических событий. Ради их памяти и ради будущего наших народов мы призываем наших духовных чад прекратить кровопролитие и решить все проблемы мирно, справедливо, политическими средствами, в соответствии с общепризнанными международными нормами.

Мы призываем обе стороны без всяких условий освободить заложников, среди которых много женщин и детей, и, в соответствии с духом Женевской конвенции, гуманно обращаться с пленными.

Мы выражаем наше удовлетворение международными усилиями по мирному разрешению конфликта, предпринятыми представителями ООН, СБСЕ и других междуцнародных организаций, а так же всеми людьми доброй воли, которые честно борются за скорейшее прекращение кровопролития.

Мы призываем президентов обеих республик оказать максимальное содействие этим мирным инициативам.

Выражая сострадание жертвам и членам их семей, равно как и мирным жителям, претерпевающим суровые трудности и лишения в зонах конфликтов, мы договорились образовать Объединенный международный гуманитарный фонд, и просить Международный совет Всемирный совет церквей и Международный исламский совет дава и взаимопомощи взять под свое попечительство этот фонд, который оказывал бы помощь всем, кто терпит бедствие, без различия национальности и вероисповедания. Мы призываем людей доброй воли и международные организации всемерно содействовать этой работе, угодной Богу. Мы назначим своих представителей в этот фонд и предпримем все необходимые усилия, чтобы их деятельность была эффективной.

Мы выражаем нашу искреннюю признательность руководству Всемирного совета церквей за организацию этой встречи и оказанное нам гостеприимство, а также же Конференцию европейских церквей и Международный исламский совет дава и взаимопомощи за их участие в этой встрече. Мы договорились продолжить контакты и организовывать новые встречи для укрепления духа добрососедства между нашими народами.

Да услышит Всемилостивый Господь наши молитвы и да ниспошлет Свой миролюбивый дух нашим народам и всему миру, чтобы все могли найти истинный путь к справедливости и миру.
Аминь.

Вазген I,
верховный патриарх
и католикос всех армян

Шейх-уль-ислам Аллахшукюр
Паша-заде, глава духовного
управления мусульман Закавказья

2 декабря 1992

Дорогой коллега, в течение длительного времени антисемитизм отравлял науку в вашей стране. Мы с большим сожалением отмечаем, в частности, что два крупных математика - Виноградов и Понтрягин - сумели распространить свое весьма пагубное влияние, а академик Шафаревич проявил недопустимую антисемитскую позицию. Мы прилагаем для вас письмо от 200 интеллектуалов Франции, которое было направлено профессору Шафаревичу.

Антисемитизм способен лишь наносить растущий вред столь желанному и столь необходимому сотрудничеству между российскими и западными учеными. Более

того, подобная позиция несомненно затормозит развитие науки в вашей собственной стране, подобно тому, как она до крайности затормозила развитие науки в нацистской Германии.

Разумеется, мы вполне понимаем, сколь трудно для вас было противостоять позиции диктаторских правительств, которые руководили вашей страной большую часть нынешнего века. Однако теперь ситуация изменилась. Вы вступили в новую эру и находитесь в процессе создания такого руководства, при котором преобладать будет закон. Мы весьма надеемся, что вы найдете средства выработать вместе общую позицию, недвусмысленно отвергающую все формы расизма и антисемитизма.

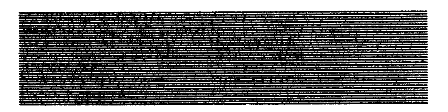
Искренне ваши

Роже	**Бальян**	**Член-корреспондент Академии Наук**
Этьен	**Болье**	**Академик**
Мари-Анн	**Бушиа**	**Академик**
Эдуард	**Брезин**	**Академик**
Анри	**Картан**	**Академик**
Жан-Пьер	**Шанжо**	**Академик**
Жорж	**Шарпак**	**Академик, Нобелевский Лауреат**
Гюстав	**Шоке**	**Академик**
Алэн	**Коннэ**	**Академик**
Жан	**Кулон**	**Академик**
Пьер	**Дузу**	**Академик**
Шарль	**Ференбах**	**Академик**
Пьер	**Жолио**	**Академик**
Пьер	**Лена**	**Академик**
Люк	**Монтанье**	**Член-корреспондент Академии Наук**
Ив	**Кере**	**Академик**
Жан	**Рузель**	**Академик**
Жан	**Саленсон**	**Академик**
Лоран	**Шварц**	**Академик**

P.S. Это письмо направляется всем членам Академии Наук СНГ. Мы были бы рады получить от вас комментарий. Письмо можете послать по адресу:

Yves Quere
Departamente de Physique
Ecole polytechnique
91128 Palaiseau, France

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ИГОРЮ ШАФАРЕВИЧУ

В этот поворотный момент истории, когда Восточная Европа, особенно Россия, очистилась от сталинистской диктатуры, мы потрясены тем, что возникает трагическое противодействие, возрождение экстремистских движений прошлого, которые воплощались в погромах при царизме и которые утопили мир в крови при Гитлере.

Ваша книга «Русофобия», первая часть которой производит впечатление социологического исследования, заканчивается выражением открытого антисемитизма. Вы раздуваете пожар в момент кризиса, когда, как и в Германии после 1929 года, этот пожар может стать ужасающим кошмаром.

Мы тем более потрясены, поскольку вы весьма выдающийся математик, чьими работами восхищается мир. Ваш статус возлагает на вас тем большую ответственность в вашей позиции в отношении общественных вопросов; ваш престиж преднамеренно используется для поддержки наихудших эксцессов. Следуя пространному и, видимо, научному анализу в «Русофобии», вы заканчиваете провозглашением мифов, созданных параноиками, об обширном еврейском заговоре с целью разрушения России. Верно, что вы не причисляете еврейский народ к «низшей расе», не призываете к погромам или к истреблению еврейского народа. Есть другие, которым вы как академик обеспечиваете поддержку и которые быстро придут к этим омерзительным установкам. Мы тем более шокированы, поскольку вы прекрасно осознаете, что в брежневскую эпоху вы демонстрировали большую смелость как оппонент режима, оказывая помощь тем, кто сопротивлялся ему и пострадал. Вы были другом и соратником Андрея Сахарова. Каким же образом с вами произошла такая перемена? Мы весьма восхищены вашим прошлым, но в расчет принимается ваша нынешняя позиция и она ужасает.

Все мы пережили две мировых войны в нынешнем веке. Мы на Западе рассматривали Советскую Армию как бастион надежды и спасения для еврейского народа. Никогда не забудем огромных жертв солдат и граждан России. Некоторые из нас видели, как целые их семьи исчезали в печах крематориев или были изуродованы тифом и голодом. Творящие все эти ужасы

оправдывали их с помощью теорий, аналогичных вашей. Освенцим и Треблинка навсегда останутся в нашей памяти (как и советский ГУЛАГ). Неужели вам действительно хочется, чтобы эта история началась снова? Неужели вы действительно хотите пробудить ненависть, вскормленную этими преступлениями? Мы все думаем: «никогда больше». Нам страшно видеть, как движения, которые вы поддерживаете, концентрируют ненависть пострадавшего русского народа на «мафии», в сердце которой - евреи, которых еще так много в России.

Подписавшие это письмо желают выразить негдование позицией такого крупного интеллектуала, как вы, негодование вашими абсолютно неприемлемыми антимсемитскими заявлениями и основными идеями «Русофобии».

Пер. с английского Дмитрия ЗГЕРСКОГО

Юрий КАРАБЧИЕВСКИЙ

ОШИБКА БОГА

или размышления русского еврея о русских евреях

Но разве со стороны бога не было
ошибкой поселить евреев в России, чтобы
они мучились, как в аду?
И чем было бы плохо, если бы
евреи жили в Швейцарии, где их окружали бы
первоклассные озера, гористый воздух
и сплошные французы?

Исаак БАБЕЛЬ

Я всюду принят, изгнан отовсюду.

Франсуа ВИЙОН

Руссий еврей, русский еврей... Что это значит? Самое трудное в этом мире - поиск определения. Скажите мне сначала, что такое «русский», потом скажите, что такое «еврей», а потом уже я вам скажу... Черта с два я скажу!

Начнем с другого. Что такое принадлежность? Я думаю, это любовь. Принадлежать можно только любимому или любимой. И еще можно - по праву собственности, но это уже не принадлежность, а рабство. Я люблю Россию потому, что я здесь родился, и люблю Израиль потому, что родился евреем. В этом слышится нечто как бы унизительное: что назначили, то и люблю. Но ведь и родителей (эта параллель давно отработана, но она не перестала быть истинной) - и родителей любишь не по собственному выбору. И эту любовь я не ставлю себе в заслугу, я ничего за нее не прошу.

Я рос в Марьиной роще, в бревенчатом доме, по пятнадцать семей на каждом из двух этажей, с двумя сортирами и общей кухней. Лет до двадцати я ни разу не видел отдельной квартиры, личного телефона и ванной комнаты, но не в этом суть. А суть в том, что из того, страшного, в общем-то, здания я выходил на улицу как под артобстрел, не будучи никогда уверенным, что вернусь целым или даже живым. И даже физически уцелев, все равно возвращался домой покалеченным, с очередной сквозной пробоиной в опустошенной душе.

«Улица присела и зорала...» Улица орала одно слово, нет, не два, не «русский еврей», а просто - «еврей». Не каждый прохожий, не каждый пацан в подворотне. Но как, приближаясь, я мог различить, оценить заранее? И потому, пока не проходил мимо, пока не убеждался, что именно этот - крикнет, столько раз мысленно крик тот слышал, что уже как бы и неважно, крикнет или не крикнет. И выходило, что попросту каждый, каждый взрослый прохожий и каждый пацан... А еще ведь была мужская школа, заплеванный красно-кирпичный пыточный дом, тридцать человек веселых садистов или, в лучшем случае, безразличных зрителей...

Быть как все - страстное желание детства, поразительным образом сочетавшееся со столь же острым желанием быть не как все, лучше всех, умней, осведомленней, искусней... Быть как все - не желание, а скорее мечта. Исполниться она никак не могла, поскольку постыдность и незаконность были врожденными и неустранимыми.

Еврейская автомномная область... Какое-то время, пожалуй, даже несколько лет, это странное словосочетание маячило в мозгу, мозг пытался к нему притереться, за него ухватиться. Киргизская советская социалистическая республика, Татарская автономная социалистическая республика, Еврейская автономная область... Этот ряд как будто выводил на дорогу, ведущую к сияющей вершине под названием «Как все». Но вскоре выяснилось, что в этой области нет евреев, что она не из того ряда, а совсем из другого, - из того, не имеющего никакого отношения к реальной жизни, куда помещались Еврейский театр со спектаклем о еврее-капитане подлодки, концерты Шульмана и Александровича, Исаак Осипович Дунаевский, Самуил Яковлевич Маршак и еще - Аркадий Исаакович Райкин. Все это было - но этого как бы и не было, потому что от этого в жизни ничего не менялось.

Все изменилось, когда появился Израиль.

Не сразу. Еще побушевали в душе комсомольские страсти, еще войну 57-го было мне суждено воспринять как досадный порок буржуазного строя, агрессивного правительства, которое бросило свой мирный еврейский народ против таких же мирных арабских народов. Но зато потом - фестиваль молодежи в Москве летом 57-го. Что сказать? Такого праздника нам уже не праздновать. Никому в России не праздновать такого праздника, никогда не испытать такого прорыва из ничего во все. Но мой прорыв был еще и отдельным прорывом, был у меня и свой собственный праздник среди общего праздника.

Мне было тогда восемнадцать лет, я ни разу в жизни не видел отдельной квартиры, ванной комнаты, личного телефона - и человека, не говорящего по-русски. Встречались нацмены с сильным акцентом и смешным словарем, но такого, чтоб не умел объясниться... нет, не бывало. И тем более, я не встречал человека - где бы, интересно, я мог его встретить? - который бы жил в д р у г о й с т р а н е, п р и д р у г о м с т р о е! И вот мой город, такой привычно советский, такой излюбленный, изненавиденный, такой чужой и такой свой - заполнился разноцветными людьми в разноцветных одеждах, не понимавшими ни единого слова по-русски. И английский язык, который до той поры я воспринимал, как и все прочие школьные

предметы, в качестве чего-то, специально придуманного взрослыми для того, чтобы мучить беззащитных детей, - язык этот оказался вполне пригодным для объяснений, с подозрением, что если хорошо его знать, то он почти так же удобен, как русский. Оказалось, что определенное значение слов не навязано занудливым учебником и глупым учителем, а существует само по себе, вполне объективно, и, вычитанное мною из словаря, почти в точности совпадает с тем значением, которое знает вот этот парень, всю жизнь проживший в другой стране: в Германии, в Англии, в Канаде... в Из-ра-и-ле!

Нет, это еще не так быстро, не с ходу. Первый и главный прорыв - на Садовом кольце. Мы стояли с моим другом Семкой Гутманом (он теперь в Чикаго, и, слава Богу, мы дважды виделись) в плотной толпе, но толпа была сбоку и сзади, а впереди - спины соладат и ментов, а за ними - пустая мостовая Садово-Самотечной, и вдали на ней - мотоциклы, цветы и лица. И все это к нам подъехало близко и начало проезжать мимо, и огромные игрушечно-красивые флаги низко свешивались с грузовиков, и сказочно чужие парни и девушки, сделанные по тому же образу и подобию, но словно из другого совсем материала, чем мы, махали цветами и улыбались. Австралия, Австрия, Аргентина... Где же Англия? Ах, да - Великобритания! Германская демократическая республика. Гватемала, Греция... Как далеко, оказывается, до буквы «И». Нет, как, оказывается, близко! Господи, какой же у них... какой же у нас потрясающий флаг! Какой мягкий голубой цвет и какой простой и серьезный рисунок! И плакат с большой, откровенной, громкой, никого не стесняющейся надписью: «ИЗРАИЛЬ»! Израиль. Еще и сегодня русская фраза вздрагивает на этом слове. Как же оно звучало, что означало и как выглядело тогда! Толпа прокричала «ура», как и всем другим делегациям, пару раз свистнули - но не больше. Под бело-голубым флагом еврейского государства в советском грузовике по Самотечной площади, весело улыбаясь и пританцовывая, ехали... кто? Мы лихорадочно всматривались. Нет, конечно, встречал я и раньше в жизни крупных, здоровых евреев, не одних же хлюпиков. Но такова уж сила стереотипа, что «еврей» был чем-то вроде портного у скульптора Антокольского. Сутулый, прищуренный, худосочный... Здоровенные, краснощекие мужики пританцовывали под еврейским флагом - и такие же румяные рекламные девки. Ни одного худосочно-сутулого не наблюдалось. Ясно было, что где-то есть и такие, что страна евреев, как и все прочие, показывает на празднике только фасад, но для нас тогда это было лицо и таким, скажем для справедливости, оно потом для меня в основном и осталось.

Каждый день всю последующую неделю мы ходили с Семкой, как на работу, в общагу Тимирязевской академии, куда поселили израильтян, разговаривали, как могли, с еврейскими крестьянами, с еврейскими инженерами и работягами, и с каждым днем мир и покой и вожделенное равновесие укреплялись в наших измученных душах. Отныне я знал: я такой же, как все, это уже навсегда при мне, и теперь я могу со спокойной совестью заниматься лишь тем, чтобы быть не как все, то есть делать в жизни свое особое дело... Избавился ли я от мучительной двойственнос-

ти? Нет, не избавился. Но двойственность перестала быть мучительной, более того, я стал ее чувствовать как безусловное благо. Я понял, что в реальной жизни, вопреки поговоркам, можно и должно сидеть на двух стульях и гнаться за двумя зайцами сразу.

Вы спрашиваете, что такое «русский еврей»? Это тот, кто бежит за двумя зайцами. Скучно ему бежать за одним, результат здесь как бы известен заранее. А погонишься за двумя сразу - глядишь, как раз и подстрелишь третьего. Но русский еврей... Он ведь тоже бывает всякий. Мой друг, достойнейший человек, умный и искренний, узнав, что мой сын учит иврит, спросил с подчеркнутым недоумением: «Что за выбор, почему, например, не санскрит?» Я сказал: «Видишь ли, дело в том, что иврит - не санскрит. Иврит - еврейский язык и язык Израиля. Это не просто один из языков, как Израиль не просто одна из стран. И не только для него - для тебя тоже, хоть ты иврита учить не станешь». - «Нет, - сказал он. - Для меня Израиль такая же страна, как и все другие. С особой, очень интересной судьбой, но в общем такая же». - «Нет, - сказал я, - не верю, не может быть. Ни за что не поверю, что в этом «такая же» нет дополнительного усилия, подсознательного приглушенного вздрога». - «А для тебя?» - спросил он. «Ого, для меня... Что там - особая.. Это моя страна!» - «А Россия?» - «А Россия - само собой, тут и спрашивать не о чем». - «Но ведь ты же никогда не был в Израиле, откуда ты знаешь?» И тогда я, как мог, рассказал ему про Самотечную площадь и про тимирязевскую общагу, про впервые в жизни обретенную возможность - быть как все...

И вот наконец я приехал в Израиль, и вопрос «как все - не как все» опять заработал в сознании с прежней энергией. Неделю я умилялся еврейским дорогам, еврейским домам и еврейским кассирам, полицейским, солдатам, батарейкам, отверткам, водке, сметане и туалетной бумаге. Да, слава Богу, здесь все в порядке, евреи оказались как люди, как все. И вот ты в этом уже утвердился, и ты уже переходишь к другому, к тому, в чем они как раз не как все, к особым качествам этой страны, к ее магической ни-с-чем-несравнимости... И тут тебя начинают мучить заботливые и добрые люди, то один, то другой, а то и компанией, а то и целой аудиторией. «Ну, и когда же ты - насовсем, как все? На двух стульях, знаешь? за двумя зайцами?..»

Нет, говорю я, простите меня, ребята. Я понимаю, я снова нарушил, я опять не соблюл. Простите меня, но все дело в том, что жить я могу в одном-единственном месте. Может, и там не смогу, но больше уж точно нигде. Человек - явление динамическое, в статике его просто нет. Он должен непрерывно осуществляться, как бы подтверждать свое существование. И я лично, именно я, про других ничего сказать не могу, вне России я эту способность теряю полностью и начинаю чувствовать себя погребенным заживо. Как бы при жизни тела - гибель души. Нет страны для меня роднее Израиля - вот разве Россия... И нет страны, кроме России, нет и Израиля, где бы я мог остаться живым - пока жив...

А впрочем, вы правы, все это в прошлом. И сам я - в прошлом. Надо ли уезжать из России евреям? Да, видимо,

надо, а иначе - чего бы они уезжали? И какими бы частными соображениями ни руководствовался при этом каждый, рука судьбы очевидна в этом исходе. Кончается еще один эпизод в загадочной, полной великих значений, еврейской истории, и, быть может, в этом конце для евреев больше хорошего, чем плохого. Господь исправляет свою ошибку, хотя и не в точности так, как хотелось бы Бене Крику. Для России же, для Русской культуры это, я убежден, катастрофа, масштабы которой сегодня еще трудно представить. В каждой культуре бесконечно важны добавки и примеси, но такой напряженной, плодотворной двойственности, как в соединении еврейского с русским, не случалось, я думаю, еще нигде никогда...

Все это кончается, и мы, остающиеся, не живем уже в этой стране - мы здесь д о ж и в а е м. У меня, слава Богу, два замечательных сына, но в каком-то смысле я последний в своем роду: если внуки мои и будут иногда говорить по-русски, то читать по-русски они уж точно не будут.

Как же нам быть, что нам придумать, вот таким, доживающим?

А не надо, я думаю, ничего придумывать, просто жить себе и жить, продолжая делать каждый свое исконное дело, и сколько каждому суждено, пусть столько и будет. И попытаемся прожить эти трудные и, быть может, кто знает, страшные годы как достойные евреи и достойные русские - честное слово, между этими понятиями вовсе не такая большая дистанция, как может показаться на первый взгляд. Ваше здоровье!

1991

«Страна и мир» (Мюнхен), N 2 (62), март-апрель 1991, с. 152-155

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Исход евреев из России трагичен, ибо он - навсегда. Никаких «до свидания» - «прощай». То, что происходит сегодня (и было вчера, и будет завтра) - не эмиграция, но исход таланта, ума, культуры, знаний, предприимчивости из России, это вытекающая струйка крови, которую никто даже не пытается остановить.

«Что имеем, не храним...» Но если уж не оплакивать потери, то хоть бы осознать их и должен был журнал «РОССИЙСКИЙ ЕВРЕЙ», который я задумала давно. Одним из первых, кто поддержал мою идею, был Юра Карабчиевский. Уверена, он стал бы не только автором, но и героем нового журнала. Не умиляться мы хотели, не доказывать, что «евреи тоже люди», но создать фреску, где были бы все цвета и оттенки еврейской культуры в России; мы хотели спокойно и достойно осознать самих себя и наше время.

Задумали рубрику «Кто мы?». Первым, конечно, откликнулся Юра, написал эссе «Ошибка бога». Потом написал психолог Глозман. Потом искусствовед Ирэн Андреева. В общем, все нашлось - идеи, авторы, материалы. Не нашлось лишь денег - ни в России, ни в Израиле, ни в Америке. Нигде. Но я все-таки надеюсь! Я надеюсь...

Алла ГЕРБЕР

Юрий КАРАБЧИЕВСКИЙ

ВИЗА В АРМЕНИЮ

Первый раз я приехал в Армению в 76-м, последний раз (дай Бог, не последний!..) - в 89-м, тринадцать лет я ездил туда почти каждый год, а то и два раза в год, и жил там подолгу. Ездил не по туристским и не по литературным надобностям - по суровой службе, всегда ограниченный временем, всякий раз едва успевая на миг оторваться от дел, чтобы краем глаза хоть что-то увидеть, краем уха услышать...

Но вот я пожил в минувшем году три летних месяца в замечательном городе Тель-Авиве: шумном, влажном, душном, понятном, простом и удобном, и только уже в междугородном автобусе, переезжая в соседний город, совсем близкий, пятьдесят минут, но совсем другой, непростой, непонятный, со странным, магическим, не для будничной жизни названием... только въехав на петляющий горный подъем, я подумал вдруг, что за три месяца необычно мало вспоминал об Армении, что такого долгого отпуска она мне еще не давала. Потому что все эти годы, где бы я ни был, о чем бы с кем бы ни говорил, я мог, как старый трубач, герой Сарояна, сказать вдруг, в середине фразы: «Да, я здесь, с вами, но сердце мое - в горах...»

Как объяснить мне, кратко и просто, чем была и чем для меня навсегда осталась Армения?

Скажем так: она была долгие годы моей единственной заграницей, и она же была единственной родиной - не моей, конечно, но единственным местом в мире, к которому я мог вообще приложить это слово, не испытывая никакой, даже самой малой неловкости.

Поговорим об Армении. Оставим до лучших дней весь очевидный, обязательный фон: культуру, историю, древность, молодость, красоту людей, красоту природы... Начнем с мелочей, из которых, в сущности, и составляется жизнь. Вот я ездил тринадцать лет по всей бесконечной Империи, и из всех городов, где я жил неделями, Ереван так и остался единственным городом, который я мог пройти из конца в конец в любое время дня и, главное, ночи и твердо знать, что со мной ничего не случится дурного. Где завидя издали шумную ватагу подростков, я не испытывал желания свернуть в сторону, а шел дальше, насквозь, зная наверное, что стоит мне обратиться к любому из них, развязных, галдящих, хамоватых на вид и опасных на слух, - и они дружелюбно умолкнут, остановятся, станут наперебой объяснять дорогу и, только убедившись, что все о кей, пойдут себе дальше, снова так же безобидно галдя и бренча на гитарах...

Я оставил там на многие месяцы младшего сына, которого в Москве боялся отпустить от себя на сутки - уж слишком он необычно выглядел для столицы середины восьмидесятых годов, слишком был раскован, непосредствен, доверчив, и то к нему какая-то шпана пристанет, то, напротив, забирали в кутузку менты, угрожая и обзывая... В Армении он жил в деревне и жил в городе, пропадал по нескольку суток в горах, ездил на попутных грузовиках и автобусах, ночевал у чужих людей, случайных знакомых - и единственное, что ему там угрожало, было

чрезмерное доброжелательство: закормят, запоят, заговорят.

Армения, какой я ее знаю, была не то чтобы даже мирной - она была абсолютно надежной страной, единственным островком безопасности в бесконечном море дурных неожиданностей.

Весной 88-го, после Сумгаита, я приехал в очередной раз в Ереван и при всей моей любви к армянам не поверил чудовищным их рассказам, и не верил долго, пока сам не услышал тех, кто сумел спастись. А потом ведь была еще цепь погромов, не столь известных: Ходжалы, Кировабад, Баку... И на этом фоне - аэропорт Звартноц, окровавленные тела пассажиров, избитых спецназом, это я видел, и похороны застреленного мальчика, того, что снимал кинокамерой.. И ревущие вертолеты над городом, и танки на улицах, и солдаты с теми самыми саперными лопатками, мы все никак не могли понять, зачем они им, ведь кругом асфальт...

Ереван ужасался, возмущался, бастовал, голодал. 300 тысяч собирались каждый вечер на Театральной площади. Выступали активисты, поэты, свидетели, гости. Эту площадь, заполненную плотной толпой, равной по числу населения немалого города, можно было всегда пройти насквозь, быстро и просто, пользуясь всего лишь тремя словами: «извините» и «разрешите, пожалуйста». Когда глубокой ночью толпа расходилась, на площади не оставалось ни единой соринки, и ни на одном сантиметре сквера не была вытоптана трава...

Каждый вечер показывали в телехронике такую же по численности толпу в азербайджанской столице. Толпа бесновалась, ревела, прыгала, размахивала транспарантами «Смерть армянам» и «Свободу героям Сумгаита» (имелись в виду те трое из сотен или тысяч погромщиков, что были показательно арестованы и увезены в Москву).

Да, конечно, безумцы, а также злодеи бывают у всех народов, а сами народы не бывают дурными, это мы знаем; и особа народа, как писал Владимир Жаботинский, всегда царственна и неприкосновенна...

Поразительно мужество подлинных азербайджанских героев - заступавшихся, прятавших, помогавших, просто жалевших - каждый спасшийся рассказывал мне о таких. В честь каждого надо было бы в Ереване посадить дерево благодарности и выстроить из этих деревьев аллею праведников - как это сделано в Иерусалиме. Но вряд ли мы узнаем так скоро их имена, а если узнаем - вслух не объявим, не враги же мы им...

Потому что не бывает дурных народов, но бывают народы, объятые безумием, - примеров в истории много и достаточно близких...

Грамотные, интеллигентные, объективные авторы приводят нам трагическую статистику «межнациональных конфликтов». И там убитые, и там убитые, какая разница, где больше, где меньше - такая простая, такая без сомнений благородная мысль, как не принять?

А вот так - взять и не принять решительно, и отвергнуть с горечью и возмущением. Потому что... Видите ли, какая штука, человек - странное существо, ему не безразлично, к а к умереть. Погибнуть в бою, защищая себя и других, - или быть растерзанным озверелой толпой, насаженным заживо на арматуру, разрезанным медленно на кусочки... И не знаю, как вам, а мне вот безумно важно знать, на что оказался способен тот, кто убил: выстрелить в своего врага, опережая мгновенье, - или стоять с расстегнутой ширинкой семнадцатым в очереди к окровавленной девочке. (Эта девочка выжила, уж не знаю, к счастью ли; я с ней беседовал...)

Вы еще, может быть, скажете: «Но армяне начали первыми...» А тогда уж будьте добры, уточните, ч т о они начали. Собираться на митинги? Требовать всяких комиссий? Требовать смены власти? Внимания к бедствиям братьев? Хорошо, пусть

даже не только это, пусть начали требовать отторжения чужой территории. Первыми, первыми... Но они никогда, ни первыми, ни вторыми, ни третьими не начинали отрубать головы безоружным мужчинам и никогда не начинали распинать старух на кресте.

И не потому, что среди армян не бывает подонков, а потому, что любой армянский подонок знает, что есть граница возможного, что никакая багородная цель не оправдает его злодейства в глазах его собственного народа.

А тогда вы скажете: «Это все - центральная власть, КГБ, партийные тайные козни. Азербайджан - такая же жертва, нас всех обманули». Я отвечу словами Евгения Шварца: всех учили, но зачем ты был первым учеником?

Вот сейчас уже нет центральной власти или почти ее нет, а в армянских деревнях, подчиненных Азербайджану, продолжают находить изуродованные трупы армян. Как хотите, но уши тринадцатилетнему мальчику в октябре 91-го года были отрезаны уж точно не в самозащите...

Вы не знаете, не можете решить однозначно, кому должен принадлежать Карабах? Спросите меня, я знаю точно. Он должен принадлежать Армении. И не потому, что это действительно исконная армянская территория, и не потому, что там - пока - армян подавляющее большинство, и даже не потому, что само отделение его от Армении - результат дьявольских сталинских игр. А просто потому, что сегодня армяне не могут, не должны находиться во власти людей, способных отрезать уши армянским детям, - или во власти тех, кто этих людей посылает, или тех, кто делает вид, что их нет... Если прежде, до того, как «армяне начали», у Азербайджана и были какие-то права и можно было их всерьез обсуждать, то теперь, после Сумгаита, Кировабада, Ходжалы, Баку и сел Шаумяна - этих прав у него нет...

К сожалению, однако, история - баба подлая и моральное право ей заменяет блатной закон. Что будет на самом деле с армянами Карабаха? Не то же ли самое, что с армянами Нахичевани, Шуши, где их тоже было большинство подавляющее, а теперь даже не меньшинство, а стопроцентное, можно сказать, отсутствие...

* * *

Девять месяцев Армения боролась мирно, а потом, в ноябре 88-го, после погрома в Кировабаде, пришло ужасающее известие из армянской глубинки, что там, в горах, убиты азербайджанцы, обвиненные в участии в этом погроме. Да, безумцы и злодеи бывают у всех народов, тут нет исключений. Нашлись они и среди армян...

Но вот какая деталь: тогда в Ереване, из всех бесчисленных моих знакомых, близких и дальних, я не помню, не знаю ни одного, кто бы говорил об этом несчастье иначе, как с ужасом и омерзением. Ни одного!

А в декабре, через две недели - новое зверство, теперь уже зверство природы. В день землетрясения, оглушенный, подавленный, я позвонил своему приятелю, одному из руководителей армянского христианского братства. Я задал ему тот самый дурацкий вопрос, который всегда возникает первым в таких ситуациях. Я спросил его: «Ну и где же твой Бог?» Он ответил мне так: «Видишь ли, Юра, пока мы боролись по-христиански, Господь был с нами. Но вот в ноябре мы позволили себе это безумие - и Господь от нас отвернулся. Наша вина!»

Это было в Ереване, а после, в Москве, я слышал, как сказал архитектор из Ленинакана: «Мы всегда были народом строителей - мы стали народом халтурщиков. И Господь наказал нас за это, он нам показал, чего стоят построенные нами дома...»

Что ж, можно по-разному относиться к религии вообще и к христианству в

частности. Я лично, например, никогда не поверю, что та или иная Благая сила может за глупость или подлость одних мучить и уничтожать других. И эти ответы меня поразили не открывшейся истиной, а готовностью даже в крайнем отчаянии искать причины своих несчастий в самих себе...

* * *

А несчастья сыплются на армян одно за другим, вся их история, по сути, - непрерывная цепь несчастий.

Мучительные поиски выхода из этой дурной непрерывности сотрясают Армению. И вот уже условная моя заграница, единственная для меня на протяжении многих лет, похоже, становится и впрямь другим государством. Что ж, наверное, это правильно и даже само собой разумеется. Но странно, я что-то не чувствую праздника, а скорее тревогу. С тревогой я смотрю на карту Армении, рисунок которой теперь обретает совсем особый, жесткий, суровый смысл. Не слишком большие друзья окружают Армению, и будто нарочно так было устроено, что все главное для жизни людей (и детей, конечно) пропускает или не пропускает туда все тот же Азербайджан. И вот перекрыты краны, закрыты шлагбаумы, не идут из внешнего мира ни тепло, ни еда...

И еще. Выдержат ли сами армяне двойное испытание: напряженность границ своего небольшого пространства - и свободу действий внутри него? Не утратят ли широту и терпимость, не увлекутся ли, как часто бывает с малыми нациями, скрупулезным отделением всего своего от всего чужого? Поймут ли, что это занятие бесплодно и самогубительно?

Я хочу верить: удастся, выдержат, не утратят, не увлекутся, поймут...

* * *

Иерусалим ничуть на Ереван не похож, но пейзаж по пути местами похож поразительно. Только шире и глаже дорога, разнообразней машины, удобней автобус, кондиционер обдувает прохладой голову, и магазины при въезде в город до отказа забиты всякой едой...

«Магазины» на иврите и по-армянски - одно и то же слово: *ханут.*

«Рынок» на иврите - *шук,* по-армянски - *шука.*

«Лев» на иврите - *арье,* по-армянски - *арин.*

«Знаю» на иврите - *йодеа,* по-армянски - *гидем...*

Эти совпадения и сходства я обнаружил случайно, с поверхности, абсолютно не зная (*че гидем, ло йодеа*) ни армянского языка, ни иврита.

Мне не раз говорили армяне: «Израиль - вот для нас образец. Примерно такая же территория, такое же по числу население, и диаспора, и древность, и Библия, и тот же примерно набор проблем, только вы свои успешно решили, а мы все никак...»

Сейчас, на высоте недолгого израильского опыта, я уже твердо знаю, знаю макушкой, что одни проблемы, и верно, решаются, но взамен возникают новые, и нет им числа. Но, видимо, каждому народу, как каждому человеку, свойственно стремление быть самим собой и самим по себе. И не наше дело качать головой и давать советы (пусть сами излечимся), а наше - сочувствовать и надеяться.

Я и надеюсь. Прежде всего на то, что Армянское государство будет благом для всех армян - и для всех неармян. Я надеюсь приехать туда иностранным гостем

- и встретить столько же добрых и умных людей, как и в прежние годы, мне больше не надо. Я надеюсь, у меня не будет трудностей с визой. И еще я надеюсь, пусть простится мне эта имперская блажь, что на улицах этой новой, свободной, не зависимой ни от кого, армянской Армении, как и прежде, в дни несвободы, ни один человек не откажется со мной говорить по-русски.

1992 Публикация Светланы КАРАБЧИЕВСКОЙ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Статья, которую вы сейчас прочли, меня поразила. Не проникновенностью своей и глубиной, а тем, что мы ничего о ней не знали. У нас ведь как принято? Стоит кому-то вывести несколько теплых строк об Армении и армянах, и они, эти строки, немедля перепечатываются в Ереване, а еще чаще - печатаются здесь впервые. А Юрий Карабчиевский, почти год назад опубликовав в Израиле свою «Визу», ни словечком об ней не обмолвился ни по телефону, ни в письме: чего, мол, выставляться, напрашиваться на похвалу и благодарность?

Повесть, навеянную первыми впечатлениями от нашей земли, Карабчиевский назвал «Тоска по Армении» (1978), подразумевая - процитирую его письмо той поры - «тоску по близости, по пониманию, по душевному уюту, по духовной родине».

«Виза в Армению» в отличие от повести - итог долгих наблюдений и долгих раздумий об армянской судьбе и о стране, где писатель, судя по всему, нашел то, что искал: и близость, и понимание, и душевный уют. Ну а родина... лучше, чем у него, все равно не скажешь; думаю, вы с этим согласитесь.

Любовь склонна идеализировать, это известно. Но прекраснодушный Карабчиевский?! Всякий, кто читал его прозу и публицистику, не мог не заметить жесткости его взгляда. И однако в «Визе» - чего уж отрицать! - он изображает нас лучше, чем мы есть. Хотя ясно: дело тут в полноте признательности, а не в желании подольститься к одним и позлее уесть других. Не станем же придираться к неточностям. Что с того, что «лев» по-армянски арюц, а не арин...

Созвучия и заимствования не слишком, кстати, Юру занимали, но однажды он спросил, как армяне называют свою общину на чужбине: его, похоже, осенило. Я сказал. «Гахут? - огорчился он. - А на иврите - галут». Я объяснил, что в древности соответствующая буква читалась как «л», и все стало на свои места.

Нет, он не чувствовал себя в Москве частицей галута, но проблема отечества мучила его до последних дней. Духовную свою родину он видел и в России, и в Израиле, а с некоторых пор, быть может, и в Армении. Мимо армянских его привязанностей не прошел, кажется, никто из писавших о нем. Литература потеряла минувшим июлем серьезного, значительного писателя, а мы, армяне, - одного из немногих, кто принимал нашу боль близко к сердцу и умел ее выразить.

«Дай Бог», - сказал он, надеясь еще не раз побывать на армянской земле. Бог не дал. И все же виза в независимую Армению у Карабчиевского постоянная - ныне и присно.

Георгий КУБАТЬЯН

<...> Филателистов, толпящихся у дверей магазина, сплачивает не столько интерес к маркам, сколько то, что окружающие к ним равнодушны. Для Робинзона и Пятница - друг. Но филателист может охладеть к своим маркам, радиолюбитель может заняться фотографией, армянин же - это всегда армянин, а в двадцатом веке окончательно выяснилось, что и еврей - всегда еврей.

- Да, ты прав, - говорит мне Володя, мой брат, полуеврей-полурусский, женатый на армянке и живущий в Ереване. - Ты прав, это страна замечательная. Но сколько я здесь живу, с первого дня, ну не с первого дня, с первого месяца, одна у меня мечта: уехать. Куда? Куда угодно, в любую дыру - но только в Россию!

Мы возвращаемся в комнату. Радушная теща. Разговорчивый тесть. Бывший полковник, ныне доблестно командующий пекарней. Тосты. Обманчивый импульс близости. Полковник общителен и скептичен. Раньше - да! А теперь - тьф-фу! Оказывается, раньше - это в войну и немного после. Сталин был армянином, вот оно что! Мать его была армянкой, точно, точно известно. А отец - грузин, но тоже как будто не очень. Еще надо выяснить...

Тоска, Господи, вот ведь тоска! Нет противоядия против рабства, оно само отравляет любую чистоту и впитывает любую, даже чуждую грязь. Уж казалось бы, вот вам единственный случай, где межнациональная вражда черни могла бы сыграть положительную роль. Хоть одна ненависть была бы оправдана. Так нет, здесь она как раз отключается, находит немыслимую лазейку. /... /

Ладно, говорю я, будьте здоровы. Армянин так армянин, я вас поздравляю.

И тут (перед памятником жертвам геноцида. - Ред.) я впервые понимаю отчетливо, прямо в сердце меня укалывает эта мысль, в чем подлинная суть родства между мной и ими, того родства, о котором мне столько раз пытались сказать армяне и которое я сам чувствую в себе постоянно. Нет, не древние культуры, разве знатность происхождения может служить основой любви? И не национальная обособленность, откуда она у меня, никогда не бывало. Нет, главное здесь в другом: духовное родство оставшихся в живых. Естественная близость и понимание и взаимное утешение все потерявших, но оставленных Богом жить для какой-то Ему лишь ведомой цели. Это близость и родственность Иова - Иову, это притяжение сироты к сироте. Два миллиона армян и шесть миллионов евреев, разные цифры - и одна цифра: две трети населения и там и тут. Как если убили отца и мать и остался один на свете - такие же были бы цифры. Или если... Но это и произнести невозможно... Кровь и величайшие в мире несчастья роднят евреев с армянами, как не могут роднить никакие блага.

Из книги Юрия КАРАБЧИЕВСКОГО «Тоска по дому». Москва. «Слово/Slovo». 1992.

ТРАГИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ЮРИЯ КАРАБЧИЕВСКОГО

В пятницу трагически умер московский писатель, автор известного романа «Воскресение Маяковского» Юрий Карабчиевский. Юрия Аркадьевича нашли в постели мертвым. Он покончил с собой, приняв яд. В посмертной записке Ю.Карабчиевский оставил только несколько фраз родным и близким. Это были слова любви и просьба о прощении. (...)

Газета «Московский комсомолец», 4 августа 1992 г.

УМЕР ЮРИЙ АРКАДЬЕВИЧ КАРАБЧИЕВСКИЙ

Всего четыре года просуществовал он официально в русской литературе: первые тексты Юрия Карабчиевского были опубликованы у него на родине только в 1988 году, а сейчас, позавчера, его уже не стало. Хочется думать - да вот только выйдет ли так? - что на его столе остались еще рукописи, которые и после его кончины будут доходить до нас.

Впрочем, дай Бог, чтобы было опубликовано и все то написанное Юрием Карабчиевским, о чем мы достоверно знаем, что оно существует. И главное - чтобы было прочитано, чтобы можно было оценить размеры постигшей нас утраты.

Карабчиевским написано много. Это повести «Жизнь Александна Зильбера», «Незабвенный Мишуня», «Все ломается»; многочисленные стихи. Карабчиевскому принадлежит блистательная документально-эссеистическая проза «Тоска по Армении», продолжающая давнюю российскую традицию любви к этой печальной стране.

Пожалуй, самая знаменитая его книга - это «Воскресение Маяковского». Едва ли хоть кого-либо, кто ее прочел, эта книга оставила равнодушным: у нее много друзей, но не меньше и врагов. Ее будут читать долго - может быть, дольше, чем поэзию ее героя, о котором Карабчиевский, доведя свою мысль до конца, до парадокса, написал: «Стихов Маяковского вообще не существует в природе, потому

что нет и не может быть такого читателя, через которого они могли бы существовать». Карабчиевский - осуществился.

Видимо, потому, что этот выпускник МЭИ (Московского энергетического института. - Ред.), рабочий по ремонту электроприборов, не только писал, но и прожил свою жизнь как писатель. Он сам об этом сказал еще 20 лет назад: «Художественный образ как способ мышления не только в искусстве, что очевидно, но в любой человеческой деятельности - как способ существования. Эстетический критерий - как самый важный, как последний критерий истины. Вот, собственно, все».

Наверное, все-таки не все. Мне - и, думаю, не мне одному - ближе всего то, что Карабчиевский написал о нашем российском сегодня, его блестящие, горькие эссе и статьи. Мне хочется выделить лишь одну тему Карабчиевского-эссеиста, во многом определенную его личной судьбой российского еврея.

«Что самое страшное в расовой ненависти? Роковая предначертанность, неотвратимость... Неотвратимость и обезличие... Совершенно иное дело - ненависть расовая. В том ограниченном, замкнутом пространстве, где вас только двое, ты и расист, ты вдруг с головокружительной, нигде более невозможной реальностью ощущаешь себя при жизни умершим. Тело твое есть, вот оно, а личности - нет!»

Российскому еврею, русскому писателю Юрию Карабчиевскому, к общему нашему позору, это чувство умирания при жизни приходилось испытывать часто. И поэтому я понял его, когда услышал: Карабчиевский, говорят, навсегда уехал в Израиль. Понял, но огорчился: Россия снова осиротела.

И с облегчением вздохнул, прочитав такие строки, написанные по возвращении в Москву: «Я пониманию, я снова нарушил, я опять не соблюл. Простите меня, но все дело в том, что жить я могу в одном-единственном месте. Может, и там не смогу, но больше уж точно нигде. Человек - явление динамическое, в статике его просто нет. Он должен непрерывно осуществляться, как бы продолжать свое существование. И я лично, именно я, про других ничего сказать не могу, вне России я эту способность теряю полностью и начинаю чувствовать себя погребенным заживо. Как бы при жизни тела - гибель души».

Сейчас тело его успокоилось в этой земле, но душа осталась с нами. Спасибо ему. Мы его любили.

Но не будем отгонять от себя стыд за то, что эпиграфом к одной из своих последних статей Юрию Карабчиевскому пришлось поставить слова Вийона:

«Я всюду принят, изгнан отовсюду».

Кронид ЛЮБАРСКИЙ

«Независимая газета», 1 августа 1992 г.

Анатолий ЧЛЕНОВ

СТАРЫЙ ВОПРОС

Мне говорят, что русский я,
Что русский весь мой род, —
Одна страна, одна семья,
Один большой народ.
Что счастье высшее — узреть
Звезды кремлевской свет,
Что русским быть, по-русски петь —
Счастливей доли нет.

Но я не русский, я еврей.
Слепы ль глаза мои?
....
........................*

Что нам в отрепьях чуждых слав?!
Уж наша не горда ль?
Под молотом пяти держав
Ковалась наша сталь.
И раздробить ее не смог
Ни грозный Вавилон,
Ни богоравный фараон,
Ни римский легион.

---

* Это стихотворение продиктовал по памяти товарищ Анатолия Марковича ЧЛЕНОВА, и если кто-то обнаружит в нем ошибку, просим извинить. — Редакция.

Исчезнул ассирийский кол
И македонский меч,
Мы ж вновь прошли сквозь львиный ров,
Сквозь огненную печь.
Твои враги душили мир,
Но кто ж их след найдет?
А ты живешь, ты полон сил,
Бессмертный мой народ.

А ты живешь — с тех первых дней!
Завоевал права,
И Книга мудрости твоей
По-прежнему жива.
Недаром стольким племенам,
Свалившим свой ярем,
Она служила, как и нам,
Надежным букварем.

Я не хочу чужих богов,
Чужих не жажду звезд,
Но если вбит прямой вопрос,
То выбор крайне прост:
На сорок бед один ответ,
Единственный Исход —
Своя земля,
Своя страна,
Свой собственный народ.

Аркадий ПРЕСМАН (Воронеж)

х х х

Чье презренье глаза мне выест?
Велики ли мои грехи?
Я не раб, не манкурт, не выкрест,
хоть по-русски пишу стихи.

*И сегодня я вижу иначе
сквозь орущий вороний грай
черноземный мой, черрынчный,
черносотенный чудо-край.*

*Нет заманчивее обряда,
чем ломиться в чужие сны,
и не гирьки с мясного ряда —
самопалы припасены.*

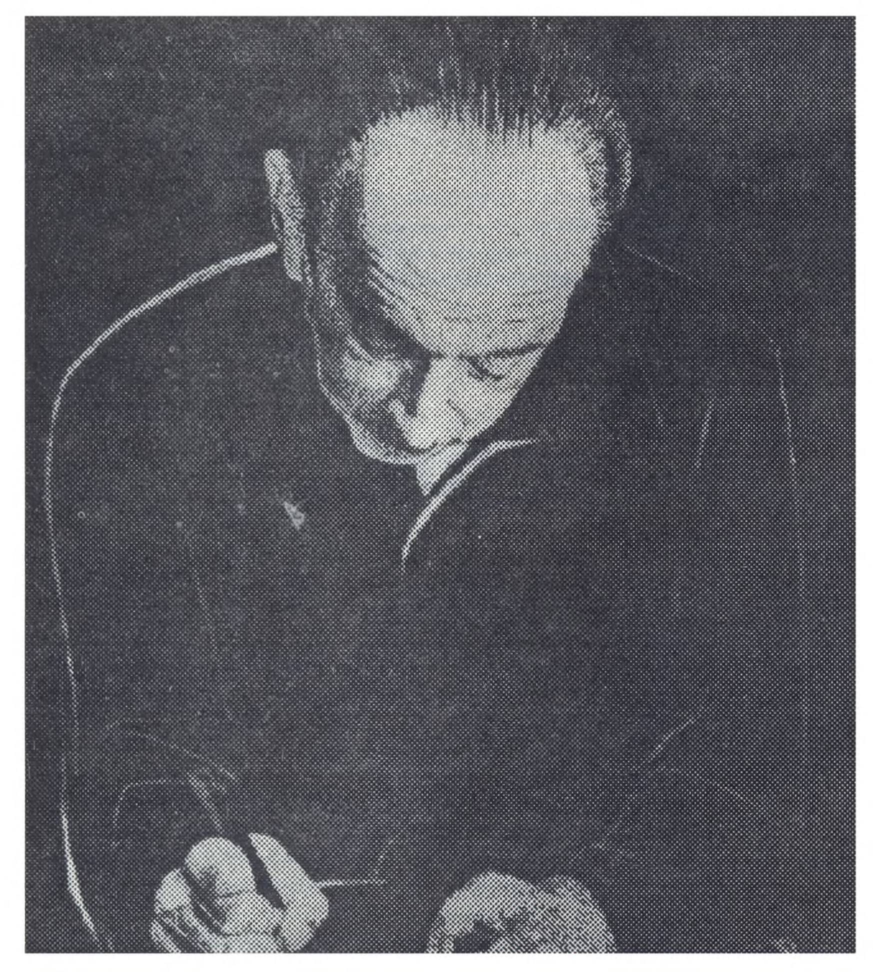
*Быть растоптанным неохота.
Я еврей — вот и вся вина.
Уберечь бы, спасти хоть что-то
в предпогромные времена.*

*Пахнет пеплом горбушка хлеба,
пыль на форточке, как зола.
Выпускаю с ладони в небо
мандельштамовского щегла.*

ЛЕГРИМЕ

*Собран. Уверен. Садится.
Спокойно смотрит вокруг.
Такая сложилась традиция:
Каждый пришедший — друг.
Даже когда с «намерением» —
Стукач, соглядатай, враг.
Прослушает все с доверием,
Поймет... И он — не дурак.
А дел-то всего — немногое
О чьей-то чужой судьбе.
Уродливое... убогое...
Это — и о тебе.
Выйдет потом и мается:
Надо писать отчет,
А сердце не унимается,
Свой у него учет.*

Уродливое, убогое —
И с ним — родня на Земле.
Стынет морщина строгая
На Каиновом челе.
По совести или без совести,
С достоинством или нет, —
Не будет правдивей повести,
Чем повесть прожитых лет.

Сергей ХОМИЧ (Москва). ПОРТРЕТ АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА. (Из коллекции Легриме)

Алла
ТЕР-АКОПЯН
(Москва)

ЛИЦО ВО ВРЕМЕНИ

Заметки об армянской диаспоре

Сейчас повсеместны взрывы национальных самосознаний. Однако как агрессивно и антиэстетично они выглядят! Мое же персональное национальное самосознание «взорвалось» около сорока лет назад. Учась в пятом классе образцовой ленинградской школы, я переживала острый период националистического романтизма. Меня охватывал одухотворенный трепет при встрече со всякой армянской фамилией - особенно «правильной», то есть с окончанием «ян». Мне нравилось все, фонетически ассоциировавшееся со словом «Армения»: и русские слова «армия», «армада», «армяк», и немецкие омонимы «арм», имеющие значение «бедный» и «рука».

С чего это началось? Пожалуй, с шахматной победы мальчика-армянина из нашего дома (жили мы на Кировском проспекте в доме N 37-б): он занял третье место во всеюзном юношеском чемпионате по шахматам, а первые два места завоевали братья-близнецы Григоряны - ереванцы, дети поэта Ашота Граши.

Мой национализм облекся в простую и четкую внутреннюю формулу: по мне будут судить о моем народе. И я старалась стать как можно лучше. Теперь своему детскому национализму я очень благодарна: он помог мне подняться на первую ступеньку самоусовершенствования. Любую небезупречность в армянине я переживала трагически. Мне хотелось, чтобы весь мир видел: мы добрые и умные. А ум и школьные отметки в свои двенадцать лет я накрепко связывала наивным узлом. Посему, будучи сама хронической отличницей, я принялась «подтягивать» двух девочек-армянок, хотя официально меня к ним никто не «прикреплял».

У второклассницы Анечки Григорян было точеное - как с персидской миниатюры - личико: тонкий нос, крошечный ротик, черные глазищи под аккуратно спросшимися бровями, длинные толстые косы. Ее приводила в школу красивая мама - тоже персидская миниатюра во плоти, которую ничуть не портили, напротив, даже как-то оживляли легкомысленные усики. Анечка сидела за партой важно, как крошечный восточный божок, отгородившись незримым колпаком от всяких влияний извне. А

поскольку эти влияния включали в себя и голос преподавательницы, то до Анечки мало что доходило, и училась она, прямо скажем, не ахти. Я стала прибегать к Анечке на переменах, наспех растолковывая счет и грамоту, потом оставалась с ней после уроков. Анечка вскидывала на меня свои прекрасные глаза под тенистыми ресницами, казалось, совершенно отрешенно, однако перешла в третий класс без троек.

Второй подопечной стала моя ровесница из пятого «е» Жанна Микаэлян (насколько мне помнится, в нашей образцово-показательной махине существовал еще пятый «ж» и даже пятый «з»). Жанна была мягкая улыбчивая девочка с очень посредственными способностями и к моменту нашего знакомства успела основательно позарасти двойками. Но я ее полюбила с первого взгляда за ее фамилию: Микаэлян - это звучит чудно! Я «подтягивала» Жанну до уровня твердой троечницы со всей страстью своего юного национализма... Много лет спустя встретила ее на армянской киностудии. Это была милая, умная и образованная девушка, красивой речью и естественностью поведения выгодно отличавшаяся от своего окружения.

К седьмому классу меня ожидала головокружительная карьера: я была избрана председателем совета дружины. А в дружине было, между прочим, две с половиной тысячи пионеров.

И тут произошел один незабываемый случай. Дружина маршировала по улице ко Дворцу пионеров, где намечено было провести праздничный сбор. Я как председатель вышагивала впереди, а рядом со мной спортивная девочка-знаменосец несла развевавшееся на теплом ветру знамя (самой мне дотащить до дворца тяжелое древко с шелковым полотнищем было, конечно, не под силу). И вдруг к нам быстро подошел, сойдя с тротуара, черноволосый молодой мужчина. Он решительно взял знамя из рук опешившей спортсменки и понес его сам. И нес до самого дворца. А у дворца с ним о чем-то заговорила старшая пионервожатая и вдруг вся заискрилась счастьем. Во время сбора она объявила, что это был Жора Арутюнянц - да-да, тот самый краснодонский молодогвардеец! Радости моей и гордости не было предела.

Убеждена, что у армян диаспоры гораздо выраженнее тоска по человеку своей крови, нежели у армян Армении: ведь такая тоска предполагает дефицит людей своей крови. Конечно, когда человек становится утонченнее, в нем уже возникает тоска по человеку своего духа, вне зависимости от его крови, но до такой возвышенной тоски, увы, дорастает не каждый...

Я дожила до возраста воспоминаний. В сознании моем мозаика армянских лиц безграничной нашей диаспоры. Я вообще люблю армянские лица - даже некрасота многих и та ярка, погашенных глаз мало. А уж красота... Жаль только, отцветает она быстро. Потому и была у меня когда-то задумка снять с хорошим армянским оператором документальный фильм «Лицо» - показать красоту армянских лиц, от детских до старческих. Даже дикторского текста не нужно - только стихи и музыка. Полжизни назад, в Баку, в автобусе, внимание мое приковал к себе молодой рабочий с лицом патрицианской красоты: высокий чистый лоб, каштановые волнистые волосы, идеальной лепки нос и рот, светлая кожа, но самое удивительное - глаза: они занимали пол-лица и были ярко-синими. На остановке юноша заговорил с кем-то по-армянски.

Глаза такой сказочности я виде-

ла, пожалуй, всего еще раз в жизни. И тоже на армянском лице. Все началось мистически - с вещего сна. Я увидела его в ночь с 11 на 12 ноября 1988 года и записала в дневнике. Приснилось, будто у меня есть маленькая дочка-красавица. Я пеленаю ее на столе и любуюсь ею. Это полугодовалая толстушка с темными кудрями, круглым светлым личиком, ротик-розочка, глаза огромные голубые под длинными черными ресницами, а носик широкий, «таитянский». Она тянется ко мне ручками и вся излучает любовь и радость. И я к ней испытываю безмерную любовь. За левым моим плечом стоит мама. Я говорю: «Ты видела когда-нибудь такую красоту?» Она в ответ: «Нет, таких глаз я не видела никогда».

И вот через три недели, накануне нашего трагического землетрясения, прихожу я в семью Григоряна Левона Георгиевича, Это тблилисский армянин, ныне москвич, до недавнего времени работал в армянском постпредстве. И замираю от изумления: меня встречает моя дочка из сновидения. Только повзрослевшая лет на двадцать пять: чистое и свежее округлое лицо, черные волосы, рот-розочка, синие Севаны глаз под прекрасными ресницами и широковатый «таитянский» нос. Совпали черты лица и краски. Более того - совпало излучение! Эта дивная девушка источала ласковый свет... С тех пор меня не покидает ощущение, что на этой земле у меня есть, помимо сына, и любимая дочка. А случайного в мире нет ничего - может быть, Марина Григорян в каком-то из воплощений и была моей дочкой. Кстати, настоящая фамилия моего сына Ашота тоже Григорян. Он - внук писателя Гарегина Севунца. Но Севунц - не фамилия, а псевдоним Гарегина Севиевича, взятый его детьми, в том числе и отцом Ашота в качестве фамилии. А истинная-то фамилия Гарегина Севиевича - Григорян! Так что отец Ашота - Леонид Гарегинович Григорян, а отец Марины - Левон Георгиевич Григорян. Похоже? По-моему, более чем похоже. Да и деды Марины и Ашота несомненно знали друг друга: дед Марины - тбилисский поэт Георг Григ, я перевела его книгу стихов «Огонь и роза».

Ах, Григоряны, Григоряны! Сколько их уже на первых страницах моих воспоминаний! Кстати, в Америке живет и поет еще один Григорян - Ованес. А более тридцати лет назад мы с ним познакомились в Ереване на вечеринке. Семья его незадолго до этого переехала в Армению из Египта. Очень симпатичный, высокий стройный семнадцатилетний мальчик с открытым светлым лицом играл на пяти инструментах. Чуть-чуть прихрамывал, но даже это придавало ему дополнительный шарм - нечто эдакое байроновское. Помню несколько наших молчаливых прогулок по улице Баграмяна. Уточняю: Овик не знал ни слова по-русски, а я знала всего несколько армянских слов. Однажды сфотографировались на Оперной площади. Потом мне наскучило безмолвное хождение - я подарила Овику губную гармошку как компенсацию за свое исчезновение и больше с ним не виделась. Через дватри года вышла замуж за студента-медика Леню Севунца. Однажды он, листая мой фотоальбом, с педантизмом собственника принялся вырезать лица молодых людей, оказавшихся на снимках рядом с моим. Я, влюбленная в своего мужа, покорно это терпела. Очередь дошла и до снимка с Овиком. Овик был отрезан. И тут не выдержал фотоэкзекуции мой остроумный папа. Он сказал: «Ленечка, не порть снимки - просто ставь сверху минус».

Лет через десять мы встретились с Овиком на новогоднем «Голубом огоньке» в одном из ереванских НИИ. Я была приглашена туда как поэт, Овик - как певец. Это был вечер, незаметно перешедший в утро и сконцентрировавший в себе голос, строфу, музыку, танец, радость. Мы с Овиком все время были в центре внимания и испытывали почти счастье как от праздника, так и от встречи друг с другом. Теперь Овик уже блестяще говорил по-русски, а я вполне сносно по-армянски... А еще через несколько лет узнаю: Овик в Америке, пластинки с его песнями нарасхват.

На том же вечере я познакомилась с молодым человеком, репатриантом, которого звали Андраником. Он, пожалуй, единственный выглядел грустным. Замкнутое лицо инока, черты на редкость тонки и правильны, во всем облике - загадочность. Позднее я узнала о трагическом уходе из жизни его матери, о его духовном одиночестве. Через двадцать лет он чудом возник на пороге моей малогабаритной квартирки в Москве. Уже гостем из Лос-Анджелеса - красивым, сильным, уверенным в себе. Родной язык - язык, на котором он теперь мыслит и пишет, - английский. Да и по-русски в Америке заговорил безукоризненно, жена русская, вывез отсюда. Двое сыновей. Пишет философскую книгу о мысли. Вегетарианец - придерживается направления микробиотики. Сказал, что состояться как личность он мог только в Америке.

Дорогая Америка, скольким армянам дала ты приют, для скольких семей стала родиной! Англоязычная поэтесса Даяна Тер-Ованесян живет в Бостоне. Руководит бостонским Союзом писателей. Мы познакомились с ней в Ереване на съезде писателей несколько лет назад. Симпатичная, с длинными распущенными волосами медного цвета, хорошо улыбается. Очень безыскусная, искренняя. Разговаривали мы с ней практически на пальцах: я не владею английским, она армянским. Муж американец, двое взрослых дочерей. Съездовские дамы были разочарованы тем, что она не поражает их воображения заморскими нарядами - все время ходит в одной черной майке.

Анаит Павловна Макинцян улыбнулась:

- Алла, как вы думаете, сколько лет Даяне?

- Выглядит она очень молодо, но вполне возможно, что она не моложе меня.

Мне было сорок лет.

- Ей пятьдесят три года, - сказала Анаит Павловна. - Я видела ее паспорт. Не поверила своим глазам.

Да, молодая чистая душа молодит и лицо, и тело.

...Души моложе, чем у Норы Григорьевны Харазян, я не знаю. Она врач, ведет занятия по аутотренингу, китайской гимнастике, ребефингу, изучает различные сферы нетрадиционной медицины, читает лекции, пишет книги. Героически помогает людям, пострадавшим от землетрясения, потом своим землякам - бакинским беженцам. До нее ни в ком не встречала такой готовности ринуться на помощь. И ни у кого с такой скоростью не двигаются пальцы при рубке капусты и при чистке картошки. И никто не носится в шестьдесят лет таким метеором по Москве, Московской области да и вообще по стране. Ника, муж, говорит о своей Норочке: «Я по-хорошему ей завидую. Для нее главное - чтобы был страждущий. И она бежит к нему с горящими глазами, несет тепло своего сердца и своих рук. Старение по отношению к Норе - великая несправедливость приро-

ды». Однажды сказал совсем коротко. «Нора - человек сердца». А о себе: «Я оброс бегемотьей кожей». Ну, это уж словесный камуфляж своей сверхранимости. Николай Макаров - замечательный поэт, художник, скульптор. В стихах его - и линии, как в графике, и выпуклые, удивительным образом расположенные предметы (это от скульптуры), и ярость полотен, написанных маслом. В стихах его - зоркое око и умное сердце. Сквозь хаос нашего времени голосу его все никак не пробиться к людям. Но это временное время. Лучшие мысли уже записаны в пространстве и будут озвучены очень скоро.

Память бросает меня из сегодняшнего дня в детство. Я первоклассница кироваканской музыкальной школы. Папа мой - главный интенер химзавода. А директор - Сурен Авакович Мелкумян. Мы живем с Мелкумянами в одном доме - самом красивом и самом крепком в городе, с белыми каменными колоннами. Напротив - городской сад. Здесь мы с моей одноклассницей и очень любимой подружкой Беллочкой Мелкумян чаще всего и играем... Вот мы строим хрустальный замок из затейливых льдинок. Узор, сотворенный морозом, будит воображение, и мы населяем замок сказочными принцессами. Красные пальцы ломит от холода - мы приносим свою первую боль на алтарь красоты... А вот мы бегаем ловим бабочек. Вернее, «мы» ловим - сильное преувеличение: я только бегаю, ибо физически не способна сжать жирненькое извивающееся туловище бабочки пальцами. Заставляю это делать бабушку, но так как она в свои шестьдесят «с гаком» уже не так проворна, как мои семи-восьмилетние подружки, коллекция моя заметно беднее, чем у других. И первое низменное чувство - зависть - толкает меня на преступление. Я в гостях у Беллочки. Она хвастается бабочками, аккуратно наколотыми на дно коробки. При виде одной, желтокрылой, с изящной черной каймой на нижних крылышках, у меня обрывается сердце, и я не в силах устоять перед искушением. Когда Беллочка выходит на минутку из комнаты, я хватаю желтокрылое сокровище и сую его в кармашек сарафана. Исчезновение бабочки сразу же замечено. С громкими безутешными причитаниями: «Где моя бабочка? Где моя бабочка?» обычно миролюбивая и покладистая Беллочка почти колотится в истерике. Бабочка вот-вот прожжет мне карман. Мне хочется умереть. Или хотя бы незаметно подбросить бабочку в коробку. Но Беллочка рыдает в обнимку с коробкой, и мне, убитой стыдом, ничего не остается, как уйти и выкинуть в траву предмет своих вожделений. Это мое единственное в жизни воровство. И созналась я в нем Белле сорок лет спустя, в Москве, когда обе мы уже стали бабушками.

Сурену Аваковичу (дяде Сурену) за восемьдесят, долгие годы он был постпредом Армении в Москве. Моего папы нет на свете почти тридцать лет, он ушел из жизни в возрасте пятидесяти двух лет, умер в день своего рождения... Жизнь и у меня, и у Беллы, крупного инженера-строителя, напряжена до крайности, но 14 сентября, в день рождения Беллы, внутренний импульс толкает меня бросить все и ехать на Третью Фрунзенскую, чтобы обнять Беллу, порадоваться встрече и огорчиться изменениям в ее лице. А наши лица - зеркала друг для друга, и я вижу, что тайное мое огорчение отражено и в ее глазах.

Младшая сестра Беллы, Ляля (ныне Елена Суреновна) - арабист. Владеет также французским, ивритом. А вот до армянского руки не дошли. Славная,

изящная, моложавая москвичка, мудрая жена и мать. А мне она видится толстым четырехлетним колобком. Наши семьи, очень друг с другом дружившие, отправились на воскресный пикник в горы. Помню, с одной стороны Кировакан окружали лысые горы, с другой - лесистые. Все, естественно, проводили свой отдых в лесистых. Взрослые готовили внизу, у ручья, шашлык, А мы, дети, забрались на самую вершину горы. Справедливости ради надо сказать, что эта гора была невысокой. Лялька стоит на самой вершине, я ниже. Она мне говорит: «Я побегу, а ты меня лови». Соглашаюсь. Растопыриваю руки и с ужасом вижу, как Лялька, тяжелый розовый шар, летит на меня с предусмотренным природой и вычисленным физикой ускорением. Чувствую потрохами: вот он, мой конец. (Она бы меня, былинку, и без ускорения смахнула, а тут...) Едва успеваю ухватиться одной рукой за дерево, а второй пытаюсь поймать ее. Но, ударившись о мою руку (и больно ударив меня), Лялька опрокидывается и кубарем катится до самого подножия горы - к превеликому испугу взрослых. Отчетливо помню вкус блинчиков с творогом, испеченных тетей Клавой, мамой Беллы и Ляли, к тому пикнику. Шашлык меня не интересовал - я, можно сказать, природная вегетарианка, а вот на блинчики набросилась с нескрываемой страстью: они благоухали ванилью!

А наш прекрасный дом с белыми колоннами рухнул через сорок лет - 7 декабря 1988 года, в тот страшный день, который запомнился всему миру.

<...> Армянская диаспора делается все шире и гуще. Этому способствовало землетрясение, лишившее уцелевших крова. И погромы армян в Азербайджане. Не радость странствий, а кровь и боль в основе этих переселений.

Совсем недавно стала москвичкой Шаганэ (Шогик Захарян). Глаз не оторвать от яркого одухотворенного лица этой певицы, от идеальных черт лица, от его утонченности. Шогик поет в основном народные песни. Голос у нее чуть хрипловатый, сильный, душевный, музыкальность удивительная. Аккомпанирует она себе на абсолютно не армянском инструменте - аккордеоне. Но в Шогик есть нечто, объединяющее противоположности в гармонию. Это нечто - ее душа. А приложение к душе - теплый голос, тонкие пальцы, неспешно и аккуратно касающиеся клавиш, и безупречной красоты лицо. Ника Маркаров сказал: «Я хотел бы видеть Шаганэ на сцене в длинном платье, с распущенными волосами, босую...» Наверное, в этой идее есть здоровое зерно: чем выше дух, тем проще форма.

От Шогик исходят радостные, целебные лучи. И это не метафора, а самая что ни на есть физическая реальность. Однажды она пригласила меня в театр-кафе «Бедный Йорик», где она выступала с поэтами Арбата. Я была очень сильно простужена: температура, сильный насморк. Но несколько наших встреч уже сорвалось по моей вине - не пойти и на сей раз было неловко... Я сидела за столиком с одной милой армянской парой, слушала голос Шогик, который пропитал собою все помещение кафе, и вдруг минут через пятнадцать почувствовала, что нет у меня никакой температуры и можно прятать носовой платок - насморк прошел совершенно.

Сказала об этом Шогик через полтора года. Она обрадовалась,

- Знаю, что у меня это есть. Мне говорили.

Мне очень хочется увидеть и услышать Лину Мкртчян, горлом которой

течет Голос Неба. Какая-то очень не простая судьба... Шесть лет монастыря. Потом добрвольный выход из затворничества в мир, к людям. Папа Римский оценил ее голос и душу. В Москве и Ленинграде созданы Общества друзей Лины Мкртчян, а в больших концертных залах не находится места голосу Лины.

Нащупываю узелки мгновений, для памяти завязанные вечностью.

Середина шестидесятых. Живу в Ленинграде. Поворачиваю ключик в почтовом ящике, беру в руки конверт, и тут же в испуге швыряю его на пол: в конверте что-то пискнуло. Первая мысль: мышь. Вторая трезвее: как живая мышь могла оказаться в заклеенном конверте? Третья - совсем трезвая: мышь прогрызла бы бумагу! Четвертая - апогей трезвости: конверт плоский. Нагибаюсь, осторожно беру конверт двумя пальцами, вскрываю. В конверте - диковинная новогодняя открытка-пищалка - с потайной кнопкой на пупке игрушечного щенка в клетчатой юбке и с щеткой в лапе. Поздравление от Карика Пасмаджяна. В шестидесятых годах Карик приехал из Иерусалима на учебу в Ереван. Там мы с ним и познакомились. Кудрявая золотистая голова, зеленоглазый, невысокого роста очкарик. Рассказывал мне, что в девятнадцать лет выпустил в Иерусалиме сборник эротических стихов, потом устыдился, скупил весь тираж и сжег.

Окончив Ереванский университет, Карик поехал во Францию, женился на парижской армянке, занялся собиранием и куплей-продажей произведений живописи, став коллекционером-меценатом. Он подарил российским музеям много произведений русской живописи. А когда год назад прибыл в Москву с очередными подарками, его украли. Дада, видели, как зашли за ним в гостиницу двое, усадили в черную машину, и человек сгинул. Это событие стало известно в мире, но похитителей так и не нашли.

Конец семидесятых. Показываю старую Москву другому зарубежному армянину - Ваграму Мавяну. Он - распорядитель гюльбекяновского фонда в Лиссабоне. Поэт и прозаик. Высокий красивый мужчина. Читает мне свои стихи на армянском. Я «в отместку» читаю свои на не понятном ему русском. Делаю корявый дословный перевод. Устали от ходьбы. Решили отдохнуть в кафе, но оно привечает нас грандиозной очередью и вывеской: «Мест нет». К себе пригласить Мавяна не решаюсь - по-первых, живу очень далеко, в Орехово-Борисове, во-вторых, еще не обставлена, еще голым-гола моя кооперативная квартира. На предложение Мавяна зайти к нему в гостиницу отвечаю почти с испугом: «У нас не принято». За этим «не принято» выстроились в ряд и наша отечественная нравственность, и зоркие глаза дежурной по этажу, и чуткие уши КГБ. В конце концов продолжаем разговор на скамейке под моросящим дождиком...

Из Лиссабона Ваграм Мавян прислал мне письмо, свою книгу рассказов, несколько отпечатанных на машинке стихотворений. И вдруг вскоре безвременно покинул этот мир... Почему и за что? - самые нелепые и самые невежественные вопросы, которые мы то и дело адресуем Небу. Воздержусь от них.

25 февраля 1984 года. День моего рождения. Я «зажилила» от друзей застолье: муж в больнице, на сердце тяжесть. Вдруг телефонный звонок. И голос, лишенный тембра, хрипит в трубку на армянском языке: «Здравствуйте, Алла. Это говорит Рубен Мелик. Я в Москве...»

Рубен Мелик - известный французский поэт, лауреат нескольких литературных премий, живет в Париже, сти-

хи пишет только на французском. Как удачно все складывается: я смогу показать Рубену Мелику свои переводы его стихов.

И вот мы уже сидим за столом с пожилым поэтом, перенесшим недавно тяжелую операцию на горле. Он говорит: «Езжу я с радостью по всему миру, но жить хочу только в центре Парижа». Я со вздохом вторю: «И я бы с радостью ездила по всему миру, если бы пускали, но жить хочу только в центре Москвы». (Я меньше года как перебралась в центр - за окном неумолчный грохот Садового кольца, такое ощущение, будто эта улица - постоянная арена фантастических боевых действий.) <...>

Засиделись мы почти до полуночи. За окном мела метель, было очень морозно. А у Рубена Мелика и пальтецо на рыбьем меху, и шапчонка несерьезная - не для русской зимы. Я отправилась провожать поэта до гостиницы - самому ему бы в чужой и такой непредсказуемой стране благополучно не добраться. К тому же без языка и почти без горла!

Таких ветров, как на Житной, по-моему, нет даже на окраинах. Громады офисов разъединены, а в «прорехах» морозные вьюги февраля, наш районный Клондайк. Чувствую, как до костей пробирает ветер маленького тщедушного парижанина. Мне его очень жалко, стараюсь не разговаривать, чтобы он пощадил свое горло. Но на Октябрьской площади, где идут строительные работы, Рубен Мелик спрашивает:

- Кому будет памятник?

- Ленину.

И вдруг с досадой останавливается на скрещении всех тутошних ветров:

- Разве у вас мало памятников Ленину? Вот как можно уничтожить великого человека!!!

А вот иной сюжет, связанный с иным человеком - молодым москвичом Еноком Лазьяном. Редкие лингвистические способности, вспышки ясновидческого дара, взрослая четкость и организованность - вот что стоит за этим именем.

В семнадцать лет Енока (тогда он был еще Евгением или попросту Женей) потянуло на «историческую родину». В Ереване поступил в университет на русский филфак, а через год перешел... на армянский. Это без языка-то? Жил в общежитии, в комнате с ливанским армянином, и через полгода свободно заговорил на западноармянском. И даже стал писать стихи на западноармянском! Сейчас блистательно владеет и восточноармянским. Читает на грабаре - древнеармянском. Знает все основные европейские языки. Потрясающая лингвистическая чуткость! Как-то прислал мне по почте стихи Севды Севан. На болгарском. Звоню Еноку, прошу подстрочник. Он поражен: как можно не понять болгарский текст?!

Но ни к прозорливости, ни к ясновидению все это пока не имеет отношения. Оно связано с моим оккультно-фантастическим романом «Путешествие души Адама», который Енок перевел на армянский. Роман вышел на русском, вышел на румынском тиражом сто тысяч экземпляров в серии «Шедевры». Я была уверена, что на армянском тем более он будет быстро намечатан. Увы. Прошло пять лет, а в Ереване его не только не напечатали, но даже не удосужились прочесть перевод. Ну да ладно - это мои маленькие индивидуальные вздохи.

А недавно раздался прощальный телефонный звонок Енока: вечером он уезжал в Израиль. Мама у него еврейка, на сей раз позвала вторая «историческая родина». Ивритом он овладел без

труда, энергии молодой предостаточно, а молодость, способная позволить себе странствия, всегда интересна. Событийность - украшение жизни. Счастливого труда тебе, Енок, и яркой любви!

Енок чем-то напоминает Владимира Ованесбегянца (он же Вазген, но для меня он Вовочка). Внутренняя национальная установка заставила их обоих сменить имена: Женя стал Еноком, а Вова - Вазгеном. Он - коренной москвич, работает в Союзе архитекторов художником, каллиграфом (давно забытое искусство). В шестидесятые годы отправился в Ереван учиться и в совершенстве овладел армянским - как новым, так и старым. Его армянская речь интеллигентнейше архаична. Мне кажется, подобным слогом объяснялся мой дедушка.

Вовочка из чудаков. Тех, на ком держится... нет, не земля - небо. В их «доме на набережной» нет педантичного порядка - вещи располагаются вольно, как цветы на лугу. Мама Вовочки - сама мягкость, женственность, доброта. Да, доброта, которую не сумели ни затемнить, ни утяжелить жизненные испытания: мужа давно уже нет на свете, у старшего сына рассудок младенца. Я не расспрашивала, как это произошло. Невольно замерла, когда он, счастливо улыбаясь, потянулся рукой к моей голове. «Не бойся, - сказал Вовочка, - он очень хороший. Просто ему нравятся красивые волосы». А брат тихохонько, мотыльковым касанием погладил мои распущенные волосы.

Вовочка читал молитвы на грабаре, Вовочка произносил нараспев таинственные санскритские мантры, а потом вдруг заговорил на каком-то незнакомом космическом языке. Сказал, что нет на свете языка, который отражал бы все тончайшие оттенки внешней и внутренней реальности, потому ему пришлось создать свой язык, поднявшийся над земной ограниченностью. И он пишет на этом языке! Язык великого народа, состоящего из одного человека! Вовочка Ованесбегянц - тишайший гений. Среди бытовой замотанности, заземленности окружающих, грубости, болотца мелких мыслей, а то и хуже: правительств, лжи, клеветы - мне утешительно сознавать, что в записной книжке на букву «О» есть телефон Вовочки. Голос его, спешащий сказать как можно больше и не умеющий все вместить в тиски телефонного времени, - мой духовный спасательный круг.

...Пришло письмо из Румынии от Мадлены Селян - жены Серджиу (Саргиса) Селяна, редактора армянской газеты «Нор кянк». К сожалению, будучи в Румынии, я с ними разминулась - они укатили в Париж. А в предыдущий мой приезд мы сидели за столом в их уютной гостиной - Серджиу, Мадлена, мама Серджиу, голубоглазая терпеливая женщина родом из Западной Армении, и симпатичный брат Мадлены, не участвовавший в разговоре по причине незнания армянского. Ели что-то вкусное западноармянское, говорили о разном, потом слушали армянские песни и плакали.

Румынская колония армян вызывает жалость. Парадокс: в странах, где армян принимали плохо, в них срабатывала пружина сопротивления - в результате сохранился армянский язык, культура, обычаи. А там, где армян привечали (на Украине, в Молдавии, в Польше, в Венгрии), они растворились в доброжелательстве народа-хозяина, ассимилировались. Примерно то же произошло и в Румынии. Газета Серджиу выходит со словарем: армянские слова разъясняются румынскими. Сотрудники газеты армянским не владеют, пишут на румынском, а Серджиу все переводит на армян-

ский. Все писатели-армяне пишут на румынском. Я знакома только с одной поэтессой - Анаис Нерсисян. Отец у нее армянин, мать венгерка, родной язык румынский. Анаис - элегантная, утонченная женщина. Историк, она пишет стихи в духе западной прохладной метафорики. Тепло ее прекрасных глаз и конструктивизм, блочность отвлеченно-поэтических образов каким-то чудом уживаются вместе. Муж Анаис армянин, а сын ее, очень милый и умный юноша, оказался при нашей встрече хорошим переводчиком. Но в целом знание армянского в среде армянской молодежи Румынии - большая редкость.

Архиепископ, духовный пастырь армян Румынии и Болгарии, человек с горячими живыми глазами (сказал мне, что в молодости он был футболистом в Баку), сокрушался: гибнет колония. И кувалда диктаторского режима Чаушеску, и экономический хаос Румынии заставили армян искать себе новое прибежище. А над оставшимися нависла угроза полной ассимиляции - уходит язык.

Святой отец просил меня посодействовать в том, чтобы хотя бы одного армянского юношу и девушку из Румынии принимали ежегодно в ереванские ВУЗы. Я написала об этом Вардгесу Петросяну, руководителю Союза писателей Армении, потом говорила с ним - и ничего!

А летом прошлого года в Яссах румынский историк сожалел о том, что в армянской церкви гибнет архив известного культурного деятеля прошлого столетия - Манука. Но местные армяне на армянском не читают...

...Из Минска звонит Светлана Гульянц, моя подруга, журналистка, переводчица с польского.

Светлана родилась в Ашхабаде. Мать была секретарем горкома, отец полковником. Всю родню уничтожили в тридцать седьмом, мать с отцом забрали в сорок девятом - больше Светлана их не видела. Ее поместили в детский дом для детей врагов народа в Ташкенте, где детей морили голодом и избивали так, что у Светы по сей день рубцы на спине. Однажды ее, худышку, схватил в охапку человек в тюбетейке и бросил в хурджин - переметную суму на хребте осла. Девочка визжала, колотилась. Спас ее русский офицер, проходивший мимо. «Что у тебя в мешке?» - «Поросенок», - соврал вор. «Развяжи!» - потребовал офицер. Тот ни в какую. Офицер выхватил пистолет... И была раскрыта шайка, резавшая детей... на колбасу и торговавшая этой колбасой на базарах.

Да, многое способен вынести человек... Светлана окончила в Ташкенте университет, встретила славного парня-белоруса, военного, вышла замуж, переехала в Минск. И вдруг горе, муж попал под мотоцикл, погиб.

Светлане было уже за сорок, когда она впервые побывала в Армении. С тех пор ездит туда ежегодно, хотя армянский язык ей пока не дается. А вот польский дался легко и естественно. Результат - несколько книг переведены и уже изданы.

Господи, помоги всем чистым людям, о которых я пишу! Господи, помоги всем чистым людям, о которых я думаю! Господи, помоги всем чистым людям, которых я не знаю! Господи, помоги всем не чистым очиститься! Помоги всем живущим, Господи! А усопшим? Разве не нуждаются они в Твоей всевышней деснице? Помоги всем перешедшим в Тонкий Мир, Господи!

Я переселилась на Красную Пресню. Совсем близко отсюда два кладбища - Ваганьковское, с Володей Высоцким и художником Юрой Ракшой, кото-

рых я знала, и Армянское - с дорогим моему сердцу Аршалуйсом Михайловичем Аршаруни. На ручке книжного шкафа висят четки из персиковых косточек, сделанные его руками. На телевизоре стоит черная индийская вазочка, подаренная мне Аршалуйсом Михайловичем. Ему шел девятый десяток, и все же у меня осталось ощущение, что он недожил, недоговорил. Я приезжала к нему в Чертаново и слушала, слушала. Память несовершенная, а никаких магнифотонов-диктофонов я не имела, и потому столько воспоминаний Аршалуйса Михайловича просеялось в пространстве. Со мною же пребывает лишь чувство душевной наполненности, освещавшее те встречи.

Вот вдруг вспомнила его рассказ о 90-летнем филологе Малхасянце, составившем «Толковый словарь армянского языка». Когда началась война, наборщики ушли на фронт и печатать стало некому. Степан Саркисович, совершенно слепой, поднялся кое-как со смертного одра и добрел до издательства. Ему говорят: так, мол, и так - надо дождаться конца войны, сейчас печатать некому. И Малхасянц с кротким вздохом согласился: «Что ж, придется мне отложить свою смерть». И отложил ее на целых четыре года - пока вышли в свет все четыре тома его великого труда.

У Аршалуйса Михайловича чудная внучка, тоже Аршалуйс, - это имя у армян общее для мужчин и женщин, означает Заря. Но все зовут девочку - Лесенька. Если бы вы только видели, как Лесенька танцует! По-моему, танцевать она начала раньше, чем ходить. Она обладает неким ясновидением тела. Услышав в четырехлетнем возрасте испанскую музыку, стала танцевать, как Кармен, хотя никто ей этих движений не показывал. Большеглазая, тонюсенькая, с губами Софи Лорен, она вся сверкание движения, в каждой жилке этой девочки - огонь.

Раз уж заговорили о детях, грех не упомянуть Шантика - сына поэта Абрама Аликяна... Несколько лет назад прихожу к ним, вижу: крошечный смуглый мальчик, орудуя паяльником, припаивает к пластине какие-то малюсенькие детальки. При этом то и дело заглядывает в лежащую перед ним схему и пришептывает: «Анод... катод...»

Я остолбенела от изумления. А мама Шантика засмеялась:

- Это еще что! Ему трех лет не было, когда он разобрал и потом в точности собрал магнитофон. Позже дело дошло до холодильника. Сейчас подбирается к стиральной машине...

Такой вот технический гений родился у поэта и певицы.

А недавно я была в гостях у художника Гамлета Гаспаряна. Он родом из Франции, последние четверть века живет в Москве, жена русская, дочка Карина - хорошенькая полукровка с кротким нежным характером. Гамлет бестелесен: он весь - дух. Огромнейшие глаза и кудряво-седая буйная растительность, почти скрывающая лицо. Придумал новый грифтовой дизайн. Буквы берутся из старинных книг и - особым способом - складываются в современные слова. Разумеется, энергетика каждой буквы, накопленная за века, - мощнейшая. Как-то обложку, оформленную таким образом Гамлетом, увидел Святослав Николаевич Рерих и, почувствовав энергетику старинных литер, выразил желание, чтобы именно этот художник оформлял книги великого Учения Агни-Йога, или Живая Этика, данного людям через мать Святослава Николаевича, замечательную русскую женщину Елену Ивановну Рерих.

Гамлета неодолимо тянет в Израиль. «Уеду, - говорит. - Я чувствую себя иудеем». - «Почему? - удивляюсь. - Ведь родители твои чистокровные армяне». И тут он пускается в туманные объяснения: поскольку Иисус Христос во плоти был иудеем, а учение его две тысячи лет впитывалось в поры христиан, стало быть, все мы давным-давно уже евреи. Люба, жена Гамлета, добродушная и большая, как героиня полотен Кустодиева, начинает сердиться: ей не хочется в Израиль. «Маму я уже убедил, что она еврейка, - говорит Гамлет, - а папа еше сопротивляется». Гамлет произносит это без всякого юмористического оттенка, а я едва удерживаюсь от смеха. А, впрочем, может быть, напрасно - помимо родины нашей плоти, наверно, есть у нас и родина духа. У каждого своя. Порой эти две родины разобщены, и тогда человек тоскует. А это - все та же тоска диаспоры. И грызет она человека до той поры, пока не вернется он на свою главную, небесную Родину - в Тонкий Мир, в четвертое измерение, голоса которого доносятся до нас все отчетливее. Пустоты нет. Одиночества нет. Дальние миры шлют нам вести. А мы рождаемся и умираем. И снова рождаемся. И снова, и снова. Агни-Йога говорит, что душа сама выбирает, среди какого народа воплотиться. Но чаще всего она предпочитает свой прежний народ, хотя для духовного опыта следовало бы разнообразить избираемые нации. Безмерно велико притяжение родной крови. Спросите любого армянина, от самого несчастного до самого преуспевающего, кем бы он хотел родиться в следующей жизни, и от ответит: армянином.

Но Армения и Грузия - очень малые христианские очаги, не имеющие в Тонком Мире самостоятельной проекции, изолированных небесных островов, а вливающиеся в Небесную Россию. И поскольку неразрывна связь небесного с земным, то отделение Армении и Грузии от земной России может оказаться самоубийственным для двух небольших наций. Особенно для армян. Пусть ратующие за этот разрыв вспомнят географическое положение Армении! (То есть пусть подумают хотя бы об очевидном - о том, что доступно их близорукости.) Однако гораздо ужаснее разрыв «тонкий» - небесный, духовный. Идти против судьбы - идти к гибели.

Идет великое переустройство мира. Народ, который без горлопанства, а в мужестве, стойкости и труде будет жить хотя бы ближайшие несколько лет, окажется победителем. Свой армянский народ я заклинаю всем сердцем не отрываться от России. Все лучшее, светлое, святое, что есть в России, расцветет небывалым цветом в грядущем веке. Время это наступит уже скоро. Да не задержим, а ускорим и мы его приход душой своей, помыслами и трудами!

...Из воспоминаний свернула на минутку - в сегодняшний и завтрашний день. И вместе со мной сюда заглянули прекрасные лица, населяющие пространство моего сердца. Их много - целый народ. Мой народ. Родня моя безымянная, рассеянная по свету ветром времен.

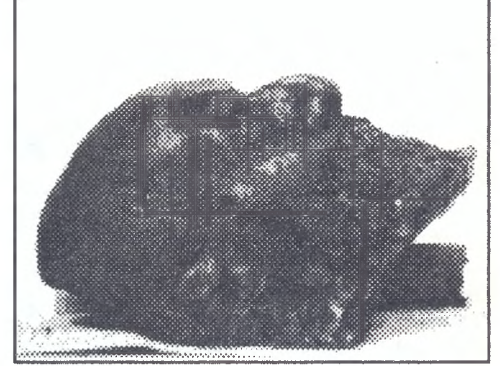
Владимир КЛИМОВ (Москва)

ЛИКализация ЛИЦа

(Импрессионистические мазки к поэтике посмертной маски)

Посмертная маска... Высокий всплеск человеческой жизни, нами искуснейше собранной в единый кулак последнего овеществления?

Или первый прорыв смерти - к нам? Ее (смерти) еще жаркое дыханье, обжигающее наши лица всегда, когда смотрим в бесконечную глубину и бездну, в даль холодных черт — еще вчера пылавших чар?

Посмертная маска... Что она? Переполненная смертью Жизнь? Или все-таки переполненная еще жизнью, но уже - Смерть?

Или попытка завладеть невозможным, запретным - Жарптичьим пером последнего клочка Жизни, неостывающе жарящим наши остающиеся руки их — уходящей - энергией?..

Но — неуходимой...

О, совсем не вековечным покоем (совсем не покоем!) дышит в безмолвной задумчивости внезапно — как вкопанное — остановившееся лицо... Не застывшее в маске, а - мгновенно осекшееся,

как ожегшееся о Смерть.

Лицо, не впавшее в Смерть,

а лишь выпавшее из Ж
и
з
н
ь
.
.
.

Лицо, впавшее в паузу, а не ушедшее, не угасшее, оставив слепок.

Оставившее - видок. Ибо - не слепо оно. Не склеп. Красноречивейший и зрячнейший монолог (всем драматическим пространством лица, его выражением - интонацией уст, динамикой черт и гласом глаз...). Диалог с нами. И в нас. Диалог сквозь нас — в вас... Диалог, разрывающий самим маскам уже постылую, усталую застывшесть форм — норм отошедшего от нас в небытие лица.

Посмертная маска — единственная площадка, где две бесконечные стихии — Жизнь и Смерть — дают последний бой, лицом к лицу схлестнувшись...

И высекают — лик...

В посмертной маске — ЛИКализуется впервые за жизнь, как бы кристаллизуется лицо. Оно не угасает, а лишь обнажает, доводя до скульптурлезной выразительности - суть, дух, метафору - Поэзию Человека. Лицо последнего мгновенья - высвобождается из-под повседневности, ликующую энергию раскрепощая. (Так трагическое и праздничное жмут руки в неразрывном пожатье — пронзая током любви намертво сжатые губы...)

Случайное и суетное - как занавес со сцены - сметается с лица. И открывается фантастическое, невозможное - то главное, чем этот именно человек рифмуется с небесами (а каждый из нас чем-нибудь - непременно рифмуется, вписывается в космос - вопреки желанию, самосознанию, часто просто поперек нелепо, неполно, неполнозвучно прожитой Жизни. Не по единственно возможной партитуре - а в аритмии случайностей...). Оставляющая человека Жизнь - сметает с собой лишь его жизнь, не в силах лишить нас Перволикости... Ее-то и являют трагические метафоры масок...

Один из безусловных мотивов, движимых ваятелями их, — этически безупречен и чист: поймать последнее мгновенье ускользающей плоти. Задержать безжалостно нас покидающее, понимая всю невозможность, отчаянность шага, но не примирившись с его невыполнимостью...

Но есть и другой (кроме прочих) - азартно-игровой, почти дьявольский мотив: увидеть Смерть. Хотя бы посредством посмертных масок. Заглянуть не только в запредельное — в запретное. (Если б не было вето на э т о - просачивающееся оттуда не было б столь пугающе неопределенным и не было б в нас той неуверенности — вернее, уверенности в неточности и невозможности з н а т ь).

Ах, как затягивают в себя эти лица... как втягивают... как притягивают жаждой скорейшего разрешенья неразрешенного и неразрешимого знания. И как удивительно невычитываема из этих лиц - именно Смерть...

Нет, что угодно можно увидеть на них - иронию, удивление, даже стройное

ощущение (у меня, например!), что они что-то знают, что нам неизвестно... Но — смолчат...

Нет!.. Все, что угодно, но только - не Смерть.

Но в н е й ли здесь дело? В том ли, что Смерть так и не дается нам, даже явно присутствуя рядом?

Или мы не узнаем ее в Лицо (да и откуда знать? как бы узнать?)...

Или все-таки все дело - в Жизни. В ее абсолютной непобедимости. И коль уж явились - так никому не уйти. И никто и не уходит - только не всем и не все видимо?

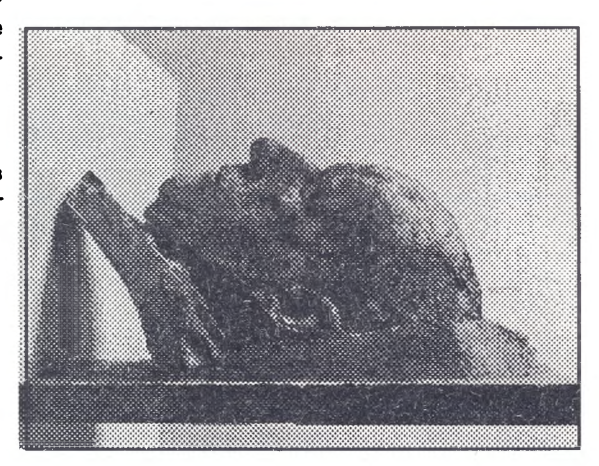
...И тогда, может быть, не столь мистично-фантастичны, а очень даже правдоподобны (и обнадеживающе жизнеутверждающи, ибо тогда — Жизнь вечна, а Смерти - нет вовсе...) заявления, что по старым фотографиям иные проницатели и прорицатели считывают информацию о дальнейшей, послефотографической жизни, передвижениях и даже выдвижении в Смерть - изображенных лиц...

И тогда маски, запечатленные здесь - не посмертны, а - пожизненны.

И смотрят в нас...

И - отвечают...

И дело всего лишь в том, чтоб услышать друг друга

Посмертные маски, сделанные скульптором С.Д. Меркуровым:

1. Католикос Мкртич ХРИМЯН (1820-1907)

2. Поэт Ованес ТУМАНЯН (1869-1923)

3. Кинорежиссер Сергей ЭЙЗЕНШТЕЙН (1898-1948)

Фотографии масок М.Хримяна и О.Туманяна предоставлены редакции И.Г.Меркуровой; фотография маски С.Эйзенштейна публикуется впервые, с разрешения Государственной Третьяковской галереи.

Григорий ПОМЕРАНЦ (Москва)

ИЗ СНОВ О СПРАВЕДЛИВОМ ВОЗМЕЗДИИ

(зигзаг в историю)

Общие идеи статьи А.Солженицына «Раскаяние и самоограничение как категория национальной жизни» мне очень близки: *«Разделительная линия добра и зла проходит не между странами, не между нациями, не между партиями, не между классами, даже не между хорошими и плохими людьми: разделительная линия пересекает нации, пересекает партии, и в постоянном перемещении то теснима светом и отдает больше ему, то теснима тьмою и отдает больше ей. Она пересекает сердце каждого человека, но и тут не прорублена канавка навсегда, а со временем и с поступками человека-колеблется».* («Из-под глыб», стр.118). Я готов здесь подписаться под каждым словом.

«Мы так заклинили мир, так подвели его к самоистреблению, что подкатило нам под горло самое время каяться: уже не для загробной жизни, как теперь представляется смешным, но для земной, но чтоб на Земле-то нам уцелеть» (стр. 117). Опять подписываюсь. Впрочем, что-то подобное я уже писал. И дальше: «Если не вернем себе дара раскаяния, что погибнет и наша страна, и увлечет за собой весь мир» (стр. 130). *«Если ошибиться в раскаянии, то верней — в сторону большую, в пользу других» (стр. 137).* *

Казалось бы, после такого начала основное место в статье должно принадлежать именно раскаянию. Но так — скорее в «Архипелаге», особенно в 3-ем томе. Там есть несколько страничек о жгучем стыде, который з/к Солженицын испытывал перед литовцами, эстонцами и украинцами. Есть там и фраза, что латыши вызывали в Александре Исаевиче более сложное отношение; но одна фраза, и она не портит дела. Это еще не норма, не догма. Это просто живая деталь в рассказе о том, что чувствовал з/к Солженицын, человек не святой, несколько даже злопамятный, неспособный и через десятки лет забыть подвиги латышских стрелков. Что делать!

*** Предмет спора, который Григорий Померанц ведет с оппонентом (оппонентами), отстоит от дня сегодняшнего почти на два десятилетия, т.е. на целую эпоху, однако он (предмет спора) и теперь представляется нам весьма значительным. — Ред.**

Кто из нас без греха!

В «Раскаянии и самоограничении» все иначе. Перед нами пророк, и пророк, уже совершивший хиджру, пророк в Медине, пророк-царь. Для устроения новой православной Руси ему нужна Украина — поэтому непосредственный стыд перед украинцами исчез, испарился; вместо того — головная формула о равных страданиях русского и украинского народа, которые оба вместе страдали больше всех остальных (двойная натяжка). Фраза о сложном отношении к латышам разрастается в главную тему статьи; а вместо раскаяния и самоограничения — попытки доказать, что русские всегда готовы показать пример покаяния, но каяться им, по сути дела, не в чем: *«Одна из особенностей русской истории, что в ней всегда, и до нынешнего времени, поддерживалась такая направленность злодеяний: в массовом виде и преимущественно мы причиняли их не вовне, а в н у т р ь, н е д р у г и м, а — своим же, себе самим. От наших бед больше всех и пострадали русские, украинцы да белоруссы. Оттого и пробуждаясь к раскаянию, нам много вспоминать придется внутреннего, в чем не укорят нас извне» (стр. 126).*

При таком повороте дела не удивительно (хотя все же странно — в статье, названной «Раскаяние и самоограничение»), что противники раскаяния, «национал-большевики» из «Веча», упомянуты только мимоходом. Критике их *«жестокой, холодной точки зрения»*, признающей *«русский народ по своим качествам благороднейшим в мире»* и не замечающей *«национальных ошибок и грехов ни до 17-го года, ни после» (с. 128-129)*, посвящен о д и н абзац, — суровый, но вполне корректный. Многие публицисты «Веча» держались гораздо менее великодушно, нападая не только на «Август», но и на личную жизнь писателя. Грубые «Открытые письма», не пропущенные В.Осиповым, ходили по рукам отдельными самиздатными единицами... Но великий писатель спорит с «Вечем», как со своими, после такой критики назавтра можно помириться. Весь гнев, вся желчь досталась публицистам, которые начали национальное покаяние и, по мнению Александра Исаевича, перекаялись. В их статьях он ощущает чужеродность даже *«и в языке, вовсе не русском» (стр. 131)*.*

Их взгляды он яростно опровергает (одного только Горского — на шести с половиной страницах, с. 130-136). Кроме того, много абзацев посвящено единомышленникам Горского в «Образованщине». В том числе и мне достается. Хотя, если действительно лучше «ошибаться в пользу других», то надо бы нас с Горским поддержать, а не Шиманова со Скуратовым.

«К тому ж, конечно, и Померанц, — пишет Александр Исаевич. — *Уверяет он нас, что «с позиции народности все кошки серы...» **. Бороться с отечественными порядками, стоя целиком на отечественной почве, так же просто,*

*** Хотя любомудры из «Веча» пишут ничуть не лучше. И нельзя требовать от философа, чтобы он писал языком поэта. Язык философии — менее национальный, более экуменический. Вся европейская философия пестрит одними и теми же терминами.**

*** *Здесь Александр Исаевич пропустил: «У старых славянофилов была мерка, которой можно мерить Россию, — был Бог. У новых почвенников ничего нет, кроме любви к собственным детям больше, чем к чужим». — см.: Григорий Померанц. «Неопубликованное», с.171.**

как вытащить себя из болота». И опять мы по тупости не понимаем: с какой же почвы можно бороться с отечественными пороками? — с интернациональной? Эту борьбу — латышскими штыками и мадьярскими пистолетами — мы уже испытали своими ребрами и затылками, спасибо! Надо исправлять себя именно самим, а не кликать мудрых себе в исправители» (стр. 246-247).

Тот, кто интересуется моими работами, может посмотреть подробнее «Неопубликованное» и убедиться, что я именно говорил о том, как исправлять себя самим, и проводил Солженицына как положительный пример. На что же он рассердился? Что универсальное (интернациональное) может быть в каком бы то ни было случае выше локального (национального)? Теоретически Александр Исаевич с этим согласен («Из-под глыб», стр. 245). Видимо, только теоретически, в абстрактной перспективе, в уме, а в чувстве — не согласен, не может согласиться.

Умом Александр Исаевич признает, что *«английский, французский или голландский народ целиком несет на себе вину (и в душе своей след) колониальной деятельности своих государств» (с. 121)*; он сожалеет, что *«сегодня в Уганде ретивый генерал Амин высылает азиатов»* (с. 122). Но как только европеизированные, оторванные от азиатских корней азиаты попытались ткнуться в Европу — подсознание белого человека перебивает отвлеченные рассуждения и откровенно выражает свои антипатии: *«В Великобритании... страна наводнилась азиатами и вест-индцами, совершенно равнодушными к английской земле, культуре, традициям и только ищущими пристроиться к уже готовому высокому стандарту жизни. Так ли уж это хорошо? Не нам издали судить» (стр. 245).* Критики, пожалуй, заметят, что начинали сами англичане, расселившись по всему свету и уничтожая (или вестернизируя) население целых континентов; что некоторые нынешние цветные (вест-индцы) были вестернизированы очень основательно ,теперь и корней не найдешь. Физически они черные, психологически — белые. Франц Фанон (из тех же краев) приводит в пример антильцев, говорящих своим детям: не ведите себя, как негр! Таков стереотип языка, на котором они говорят; языка, ставшего родным. Психологические исследования показали, что дети вест-индцев в Британии в подавляющем большинстве случаев идентифицируют себя с «белой» английской культурой (другой у них нет). То же относится примерно к половине пакистанцев (у них корни поближе). Словом, больная совесть интеллигента заставит его (может быть, вопреки непосредственному чувству) защищать право цветных ассимилироваться, так же как право свободно передвигаться по свободному миру, в который их за шиворот втащили (разрушив замкнутые племенные и имперские миры)*.

Совесть интеллигенции не мирилась и не мирится ни с гетто, ни с чертой оседлости, ни с переводом черты оседлости на английский (и бурский) языки (апартеид). Интеллигенту стыдно своих антипатий. Но Солженицын советует оставить стыд:

*** А хорошо ли ассимилироваться? Это другой вопрос. Одним хорошо, другим дурно. Хорошо — если лично и личностно, внутренним выбором всего существа, мимо теорий национализма и космополитизма.**

«У подавляющего большинства людей существуют национальные симпатии и антипатии, иногда они общи какому-нибудь кружку людей, узкому или широкому, и внутри него высказываются (не слишком вслух, стыдясь перед ликом века), иногда это чувство (любви или ненависти, но чаще ненависти, увы) такое сильное, что захлестывает целые нации и уже прорывается трубно, если не воинственно. Часто эти чувства вызваны ошибочным или поверхностным опытом субъекта, всегда — они ограничены во времени, то возникают, то гаснут, но они с у щ е с т в у ю т, и даже очень категорические, что известно всем, и лицемерие — в запрете об этом говорить» (стр. 120).

Здесь опять можно заметить, что национальные антипатии не часто, а всегда ложны, что соборная национальная личность — метафора, аналогия, прием исследования, а практически всегда есть множество разных людей, и самые чудовищные преступления Генриха Гиммлера нельзя переносить на других Генрихов, ну, хотя бы на Генриха Белля. Белль, если хочет, может их принять на свою совесть и сказать, что «лучше быть повешенным евреем, чем живым немцем», но если мы это про него скажем, если мы потребуем такого сознания, то очень согрешим.

Далее, *судить о нациях*, сравнивать их друг с другом — это одно дело, а *испытывать антипатии* — совсем другое, не лицемерие, а совесть заставляет стыдиться своих антипатий, и не перед ликом века, а перед ликом вечности. Ибо первое (в Средиземноморье) вселенское, интернациональное учение — не марксизм, а христианство...

Вселенские религии не упразднили ни семьи (хотя «враги человеку домашние его» — Мф. 10, 36), ни народа, но они их *релятивизировали*, поставили *ниже* братства *всех* людей в едином духе. Народные антипатии — это наш ветхий Адам, наша языческая плоть. Новозаветное вклинилось в нее как стыд за свою языческую естественность. Если убрать стыд, что останется от христианства? Одно имя.

В.В.Розанов, человек очень откровенный, бранил ап. Павла за то, что тот говорил высокопарные слова о любви, а своего рода и племени не любил. Я думаю, это неверно. Павел сказал: «несть для меня ни эллина, ни иудея» не потому, что не любил чего-то, а любил сильнее всего то, что Розанов считал немыслимым любить. Для одних единство человеческого рода — абстракция, недоступная сегодняшнему чувству; другие именно чувством, сердцем любят людей, перешагивающих через национальные счеты (кто, когда, кому пробил голову) и просто ставящих это ни во что. Говоря ученым языком, могут быть разные системы идентификации, разные чувства своего и чужого. Мировоззрение, принятое умом, не способно переменить человека, и христиане остаются язычниками, интернационалисты — просто объединяются в ненависти против классового врага, а если нет классового врага, то нет и согласия*. Но если универсализм дошел до сердца, он это сердце расширяет. Настоящие интернационалисты (Костерин, Григоренко) приняли дело крымских татар и немцев Поволжья за свое собственное. Между тем националисты оправды-

*** Поэтому ликвидация последнего «классового врага», кулачества, привела к ликвидации по крайней мере некоторых функций пролетарского интернационализма. Понадобились новые основания солидарности, новая общая ненависть, и выплыл пятый пункт.**

вают дискриминацию разного рода историческими и моральными софизмами*. Один из таких софизмов — перескакивание в позавчерашний день, когда нынешние жертвы были палачами (а значит — поделом вору мука). Так всегда можно ускользнуть от чувства вины... Любая этническая группа когда-то тузила другую...

Однако попробуем понять психологию Александра Исаевича. Он любит Россию и не любит русской революции. Поэтому ему нужно доказать, что русская революция — не русская революция. В самом деле, почему бы не истолковать географию так, что только русские вынуждены были принять большевизм на свои плечи, и только? Почему не отбросить в сторону Радищева, декабристов, Герцена, Чернышевского — весь полуторавековой процесс вызревания революции? Почему не предположить, что кучка иностранцев вдруг завладела огромной страной?

«Замечает Горский, — пишет Солженицын, — *что году в 1919-м границы Советской России примерно совпадали с границами Московского царства, — з н а ч и т, большевизм в основном поддержали русские... Но ведь эту географию и так можно истолковать, что русские в основном вынуждены были п р и н я т ь его на свои плечи, и только? А разве знаем мы на Земле хоть один народ, который в XX веке был застигнут пришедшей волной коммунизма и устоял против него, встряхнулся? Таких примеров еще нет, кроме Южной Кореи, где помогала ООН. Был еще Южный Вьетнам, да, кажется, дали ему подножку» (стр. 135).*

Ссылки на Азию должны, по-видимому, доказать, что коммунизм — нечто вроде монгольского войска, ломавшего любую оборону. Мышление писателя (скорее ассоциативное, чем логическое) смешивает здесь две вещи: движение идей (например, Французской революции или Русской революции) и армий (наполеоновских, советских). В Корее не было революции. Советские власти установили один режим, американские — другой. Война, начавшаяся в 1950 г., с самого начала приняла международный (а не народный) характер. Именно поэтому американские войска (прикрытые флагом ООН) смогли отстоять прозападный режим от просоветского. Напротив, Хо Ши Мин начинал с одними идеями. В 1919 г. он попросил у Вильсона поддержки в борьбе за независимость. Вильсон не мог помочь, и дядя Хо стал ленинцем (сочетав борьбу за национальное освобождение с пролетарским интернационализмом).

Большевистская тактика во Вьетнаме нашла отклик в массах крестьян**,

---

*** Писатель, которого спросили, почему он не выступает против национальной дискриминации, ответил: «Как я могу заступаться за другие народы, когда мой собственный народ не имеет паспортов?» Это софизм: народ-нация имеет паспорта, народ-крестьянство татарское или узбекское так же не имело паспортов, как русское.**

**** Это очень хорошо показал Б.Дам, сравнивая судьбу коммунистического движения во Вьетнаме, в Бирме и на Яве: «Тайные общества во Вьетнаме были старше французской оккупации. Они были частью китайской традиции». Дисциплина тайных обществ, боровшихся с французами, «напоминает дисциплину кадров, хотя еще не было ни Советской России, ни Третьего Интернационала... Когда коммунисты, под руководством Хо Ши Мина, лет десять спустя, попытались организовать массы, им не пришлось вводить новые принципы. Верность вождю, дисциплина, тайна, террор — все это уже было налицо». (Dahm B. «Leadership and Mass Response in Java, Burma and Vietnam» - «Solidariti», Manila, 1971, vol. 6, N3, p.32-33.)**

потому она и победила. Латыши, поляки и евреи сражались *против* коммунистов, в составе французской и американской армий (насчет латышей я не очень уверен; но поляки и евреи — наверняка). Белые во Вьетнаме получили значительно большую иностранную поддержку, чем красные. Победа Ханоя — это победа вьетнамских солдат и вьетнамских генералов. Примерно так же победил коммунизм и в Китае.

Думаю, что победа русской Красной армии была в конечном счете победой русских солдат и русских (или обрусевших) командиров и комиссаров. Хотя я готов согласиться с Александром Исаевичем, что в России дело было сложнее, запутаннее.

«Конечно, побеждая на русской почве, — пишет Солженицын, — *как движению не увлечь русских сил, не приобрести русских черт! Но и вспомним же интернациональные силы революции! Все первые годы революции разве не было черт как бы иностранного нашествия? Когда в продовольственном или карательном отряде, приходившем уничтожить волость, случалось — почти никто не говорил по-русски, зато бывали и финны, и австрийцы? Когда аппарат ЧК изобиловал латышами, поляками, евреями, мадьярами, китайцами? Когда большевистская власть в острые периоды гражданской войны удерживалась на перевесе именно иностранных штыков, особенно латышских? (Тогда этого не скрывали и не стыдились.) Или позже, все 20-е годы, когда во всех областях культуры (и даже в географических названиях) последовательно вытравлялась вся русская традиция и русская история, как бывает разве только при оккупации, — это желание самоуничтожиться тоже было проявлением «русской идеи»?»* (стр. 135).

Странное чувство толкает Александра Исаевича к софизмам, к подмене одного термина другим. Латыши, евреи, поляки — не иностранцы, а «инородцы» (или, как сейчас говорят, «национальные меньшинства»). Называя их иностранцами, Александр Исаевич одним махом превращает в интервенцию и агрессию то, что было участием граждан в своей *собственной* революции*. Потому что никакого другого подданства, кроме Российской империи, у инородцев не было.

Роль латышей, поляков и евреев в русской революции была значительной (так же, как роль грузин и армян, я бы упомянул этих, а не мадьяр и китайцев). Однако те, кто участвовал в установлении советской власти, попали в Архипелаг или прямо на тот свет. Русские и нерусские — все лежат в земле с одинаковыми бирками на ногах. Казалось бы, мертвые сраму не имут. Так нет!

Я не вижу здесь никакой логики, — ни логики разума, ни логики сердца. Нет даже логики предрассудка, потому что никаких общерусских предрассудков в отношении латышей нет. Русская народная память их не сохранила. Запомнились только одни: евреи. В народной памяти все инородцы, строившие советскую власть, слились в евреев, как некогда хозары, печенеги, половцы смешались в поганом татарине. И если русская революция не русская, то она — еврейская. Так ставит вопрос «Вече»...

Но Александр Исаевич хочет быть объективным. Он перечисляет, безо всякого лицеприятия, латышей, поляков, евреев, мадьяр и китайцев. Опасное слово засунуто посредине, так, чтобы его и выдернуть нельзя было для цитирования (черта, которую Солженицын-полемист проницательно отметил в Ленине-полемисте). Од-

* Ср. в прошлом: Пестель, Вера Фигнер.

нако позвольте, разве евреи действительно играли третьестепенную роль в русской революции? Поменьше поляков, побольше мадьяр? Современники смотрели на эти вещи иначе...*.

Среди настоящих иностранцев, а не инородцев, хорошо бы отделить энтузиастов (вроде маркиза Лафайета) от интервентов. Тогда бросилось бы в глаза, что мадьяры и китайцы были подхвачены русским революционным энтузиазмом. А на стороне белых действовало несколько регулярных армий, — но вяло, несогласованно, безо всякого энтузиазма. Если не считать японцев и поляков (имевших свои особые интересы), Антанта ограничилась охраной портов, да и тут французы едва не перешли на сторону красных.

Любопытная черта Александра Исаевича: он об интервенции не упоминает. С точки зрения нынешних советских историков, русский народ победил три похода Антанты. С точки зрения Солженицына, русский православный народ был разбит сбродом латышей, поляков, евреев, мадьяр и китайцев. Мне кажется, вторая концепция не лучше ладится с фактами, чем первая, и даже не очень лестна для русского самолюбия...

Если бы весь русский народ ненавидел большевиков так, как Александр Солженицын, латышский гарнизон не отстоял бы Кремля. Так же, как не отстоял в XVII в. польский гарнизон; и не спасли Людовика XVI «любезноверные швейцарцы»** Гражданская война давала много возможностей прогнать Ленина. Но — тут мы сталкиваемся с еще одним примером большевистской партийности наизнанку: Александр Исаевич перечисляет только крестьянские восстания против красных. А против белых? Их вроде не было. Между тем большевики действительно не имели полной поддержки крестьянства; но на какую-то часть крестьян они сумели опереться. А белых крестьяне вовсе не поддерживали. Русский мужик задним умом крепок. Он хорошо помнил крепостное право***, кое-где пограбил в 1918 г., помещичьи имения поубивал, помещиков и не хотел ложиться под розги, как в 1905-1907 гг., а то и на виселицу идти (за убийства и повесить можно было. Столыпин вешал). Поэтому против большевиков бунтовал, это верно; но в решающую минуту предпочитал красных****.

Революция началась (в феврале) без всяких революционеров. Женщины в очереди за хлебом вдруг взбунтовались. Войска вдруг отказались подавить бунт. Государственной Думе они охотно присягнули. Видимо, неудачная война и близость с Распутиным расшатали авторитет царя до предела. Но Государственная Дума была

*** Ср. превосходные статьи Г.П.Федотова «Трагедия интеллигенции» и «Русский человек». К сожалению, я познакомился с ними только в январе 1978 года.**
**** Щедрин. Кстати: если латышские штыки — иностранные, то как назвать сабли Дикой Дивизии, двинутой Корниловым на револционный Петроград? Или нагайки ингушей, охранявшие русские имения от русских крестьян?**
***** Ранний Илья Эренбург написал об этом в «Голове Пугачьей». К сожалению, я знаю текст только по рецензии М.Волошина.**
****** Стоит, может быть, отметить, что в период грабежа помещичьих имений, в начале 1918 года, все крестьянские поэты вместе с Белым, Блоком и Мандельштамом вошли в группировку «Скифы», поддерживавшую большевиков. Я не ставлю это в вину Клюеву: он расплатился за свою ошибку жизнью. Мандельштам заплатил тем же.**

властью, для народа непривычной. Ленин верно рассудил (или угадал), что страна сползает к хаосу и из хаоса непременно родится диктатура; сперва большевики поторопились, после неудачи в июне 1917 года они были парализованы; потом поторопился Корнилов... Корниловский мятеж превратил Ленина из раскольника, посягнувшего на законное революционное правительство, в спасителя революции. Владимир Ильич продолжал прятаться на станции Разлив, но альтернатива: революционная или контрреволюционная диктатура? — давала все карты в руки ему одному (остальные социалистические партии топтались вокруг Керенского, ставшего нулем, и сами превращались в нуль). Большевики получили фору (оружие, авторитет в советах) — и захватили власть. Гражданская война подтвердила, что они способны удержать власть в руках.

Многие современники, не понимая успеха большевиков, свалили все на Троцкого и других евреев. Но среди сторонников Временного правительства инородцев было больше (особенно среди меньшевиков). И даже среди юнкеров, последних защитников Зимнего. После февраля 1917 года евреев стали брать в юнкерские училища, и сыновья столичных образованцев охотно шли туда. Им Керенский нравился... Странная картина! В столице Российской империи, в решающий момент русской истории XX века, одна кучка евреев свергает правительство, другая защищает его. Куда подевались русские?

Задним числом натиск большевиков иногда рисуется в эпических тонах. На самом деле на Временное правительство решительно все плевали. Консервативные офицеры, сражавшиеся впоследствии в белой гвардии, не хотели поддерживать адвокатишку, ругавшегося над государыней-императрицей, и почти злорадствовали, что какие-то сумасшедшие жиды (которые двух недель не удержатся) свергнут его. Консерваторы хотели диктатуры, — ну, они и получили диктатуру.

В этой войне белые, по меткому определению С.Франка, были чем-то вроде коалиции собственно белых (по Франку — либералов) с черными (черносотенцами). Коалиция — вещь хрупкая, ненадежная. Солженицын винит эсеров, что поссорились с Колчаком; а может быть, виноват Колчак, что поссорился с эсерами? И с сибирским крестьянством? Красные были сильнее уже тем, что сохранили единство. И еще — неизвестностью: мабуть гирше, та иньше, сказал один украинский крестьянин, когда его спросили в 1940 году о возможности агрессии. Большевики были *«иньше»*, и революционным «иньше» (а старый прижим опостылел). Большевики расстреливали, но не пороли. Они на свой лад уважали мужика и уравняли его с генералами в праве на 6 золотников свинца. Между тем либерализм белых оставался на бумаге, а шомпола черных — на мужицкой спине*.

Александр Исаевич подчеркивает, что важнейшим козырем большевиков был террор. Верно, красный террор оказался организованнее и эффективнее белого. Не потому, что у белых злости не хватило (у дроздовцев — хватало: расстреливали без суда все советы, попадавшиеся им по дороге с румынского фронта на Дон** . Хотя советы *тогда*, в начале 1918 года, были действительно народными

*** Загадка географии гражданской войны, поставленная Горским, объясняется расположением казачьих войск. Белые с начала 1918 года жались к казакам. Красные использовали в своих интересах крестьянскую пугачевщину, а затем давили ее.**

**** Основываюсь на рассказе свидетеля — П.Г.Григоренко.**

органами власти, часто безо всяких большевиков). Белому террору (как и всему белому движению) не хватало организованности и системы. Красному — хватило. Но террор — это еще не Архипелаг. Террор — явление бесхозяйственное, антихозяйственное, чистое разоренье; оно не может длиться долго. Архипелаг — это террор, ставший хозяйством, террор, который сам себя кормит, экономический уклад. Эпизод террора может быть и в Европе (во Франции, например, в 1793-1794гг.). Лагерное хозяйство — явление азиатское, в терминах Маркса — азиатский способ производства. Идеи Маркса дали толчок, который привел к Архипелагу. Но при этом Маркс, а отчасти и Ленин, были поставлены на голову. Маркс говорил о насилии, как повивальной бабке истории, но он не предлагал тащить человека гинекологическими шипцами через всю жизнь до могилы... Поэтому Солженицын не совсем прав, начиная историю Архипелага с 1918 г. Факты не укладываются в его концепцию. Трудовые армии Троцкого — свидетельство, что «лагеря» (лагпункты, лагерные колонии) начала революции никакого экономического значения не имели. Сами же по себе трудовые армии — не зачаток и не разновидность Архипелага, а другое ведомство; примерно так же, как трудовой фронт для арийцев (в гитлеровской Германии) — не Майданек и не Освенцим, или как поездка студентов МГУ на уборку урожая — не этап в Потьму.

Существует огромная разница между революционным сочетанием энтузиазма с террором — и сталинским сочетанием террора с холуйством и лагерным рабством как способом производства. Революция не была бы революцией без господства энтузиазма, романтики мятежа. Архипелаг ГУЛАГ как всесоюзная организация складывается к середине 30-х гг. Еще позже приняты законы, приравнявшие вольнонаемных к расконвоированным, которых в любую минуту можно законвоировать (рабочего — за прогул, колхозника — за нерадивость). Не только революция, даже индустриализация, начались без этого. Говоря в лицах, — без Френкеля, а с Ванниковым, Лихачевым, Тевосяном, со строителями-энтузиастами, убежденными, что они закладывают фундамент общества «без нищих и калек».

В период коллективного руководства 20-х гг. Соловки существовали «на краю ойкумены»; это нерчинские рудники, каторжные работы, галеры XX века. Они могли существовать 100 и 200 лет, не захватывая континента. Никакого стихийного процесса — как при развитии раковой опухоли — я здесь не вижу. Был сознательный выбор Сталина, проверенный экспериментом с Беломорканалом и каналом Москва-Волга. В Югославии есть диктатура коммунистов, но Архипелага нет. В Китае было несколько гигантских волн террора, но основные формы — другие: интеллигентов посылали на перевоспитание в деревню, и роль вертухаев играли простые крестьяне. Экономические задачи решают не лагеря, а нечто вроде трудармий (Китай кое в чем разыгрывает дебют Троцкого).

Лагерное рабство достигло масштабов «уклада» или «способа производства» только еще в одной империи, не коммунистической: в Третьей империи Адольфа Гитлера. Яростный антимарксизм Гитлера строил лагеря смерти ничуть не хуже, чем яростный марксизм Сталина. (Тут тоже было взаимное влияние и подхлестывание друг друга в применении пыток и массового уничтожения «ненужных» людей). Марксисты и националисты старомодной европейской выделки приходили к власти и уходили от власти, но власть не становилась для них напитком ведьмы, и на их

совести нет ни Колымы, ни Майданека. Злодействовала не идея (национальной самобытности или вселенского братства), а ярость, развязанная на полях первой мировой войны. Злодействовал гнев, переставший быть святым и искавший нового предмета ненависти, перебирая старые счеты...

Существование Архипелага, строго говоря, не доказывает тождества социализм = Архипелаг и невозможность демократического социализма, основанного на другом прочтении Фурье, Сен-Симона и Маркса. Развитие свободного капитализма тоже не обошлось без рабства (в колониях, например, в южных штатах Америки). Я не думаю, что рабство негров справедливее рабства з/к. И по масштабам — 3 млн. рабов! — американский архипелаг сравним со сталинским. Читая книгу о Джоне Брауне*, я невольно сравнивал ее героя с Солженицыным. Та же зацикленность на своей освободительной идее. Та же ярость борьбы...

Вернемся теперь к интернациональным силам русской революции. Я спрашивал военного специалиста, правда ли, что латышские и интернациональные части были хребтом Красной Армии? Он указал еще на одну черту — процент коммунистов. Части с низким процентом коммунистов разваливались или переходили на сторону врага; с высоким процентом коммунистов — были надежной опорой. Но о доблестях латышей, мадьяр и китайцев генерал Григоренко отозвался с большой похвалой. Они дрались гораздо активнее интервентов.

И вот тут встанет вопрос, почему? Видимо, лозунги красных могли зажечь и мадьяр, и китайцев; а идеи белых (и стереотипы черных) зажигали только их самих. Второй вопрос: почему чехословаки в массе оказались за Антанту, с белыми, а мадьяры против Антанты, с красными? Случайно ли это — или продолжало мадьярскую и чешскую историю?

Я не хочу сказать, что интернациональные части не были интернациональными. Без общего энтузиазма мадьяры и китайцы не могли бы вместе драться и умирать. Но у мадьяр был еще свой национальный зуб на Антанту, а у китайцев — свой. Нынешние афро-азиатские националисты все до некоторой степени интернационалисты (когда дело доходит до общей борьбы с Западом). Разница только в акцентах. Тогда, в похмелье первой мировой войны, на поверхности сознания мог господствовать интернационализм, сейчас — национализм; а на самом деле и тогда, и теперь — слоеный пирог, в котором верхний слой — не всегда самый важный.

Если читатель согласится со мной, то, может быть, и у русских коммунистов, под осознанным Третьим Интернационалом, можно расковырять неосознанный Третий Рим? И если они жертвовали национальным самолюбием, то ради имперского? «Слушай, земляк, голос Кремля!» (Маяковский).

Александр Исаевич очень рассердился на Горского за то, что тот заговорил про перекличку Третьего Интернационала с Третьим Римом, — и обрушил на молодого публициста полную меру своего презрения и гнева. Однако надо бы переспорить не только Горского. Книга Карла Виттфогеля «Восточный деспотизм»*

---

* Орлова Р.Д.Поднявший меч..., М., 1975.
*Wittfogel K.A. Oriental Despotism. New Haven. 1957 (Yale Univ. USA).

отчасти о том же, т.е. о роли марксистских идей в процессе модернизации восточной империи. Разумеется, доказать тут что-нибудь трудно. Но, мне кажется, важна заявка на исследование темы.

Видимо, коммунистический интернационализм содержит в себе призыв к созданию мирового правительства, и каждая *независимая* коммунистическая страна пытается сформировать ядро такого правительства. Особенно хорошо слышат этот призыв страны со старыми имперскими традициями. Коммунистический Вьетнам распространил свое влияние на Лаос (продолжив дело объединения Индокитая, начатое в средние века). Две великие империи — русская и китайская — упрочили свои границы и достигли (Россия) или достигают (Китай) статуса сверхдержав. Между тем все другие империи распались. Сперва сухопутные (обе германских и турецкая), потом и морские, колониальные.

Мне кажется, невозможно отвлечься от этого. Одна моя приятельница страстно доказывала, что решает духовное зерно, Россия — только почва. Но зерном, выросшим в восстание тайпинов, было христианство. Разумеется, дурно понятое, по-китайски усвоенное, и христиане могут не принимать на себя ответственность за зверства тайпинов. Однако Плеханов, Аксельрод и др. считали ленинское прочтение Маркса таким же тайпинским, лишившим Маркса его европейского духа. Таким образом, красивая метафора (зерно — почва) ничего не доказывает. Национальная почва вовсе не так пассивна, как земля. Она сама по себе активна. Скорее это материнское лоно, принимающее в себя семя чужого, но рождающее — свое. И это свое, рождающееся от попыток осуществления марксизма, почему-то каждый раз оказывается возрождением восточной империи, поставленной на край гибели натиском Запада...

Советский режим — несомненно что-то новое, так же как новыми были порядки, установленные английской и французской революцией. Но невозможно представить себе английскую революцию во Вьетнаме, французскую — в Индии. Традиция включает в себя и некоторые возможности самообновления и саморазрушения: в духе Цинь Шихуанди и Мао Цзедуна в Китае, в духе Кольбера и Робеспьера во Франции, в духе Петра и Ленина в России*.

Если Россия только вынесла коммунизм, а не вынашивала его, то почему «История одного города» и «Сказки» Щедрина читаются как современные памфлеты? Помню, как Сталин в 1937 году сослался на «Сказку о ретивом начальнике», как я разыскал ее — и мурашки побежали по спине: до чего похоже! А ведь опыт, на который опирался Щедрин, мог быть только предварительным опытом царского вице-губернатора...

Помню, как меня обжег «Северовосток» Волошина, в 1955г., когда русская поэзия, заученная наизусть, возвращалась из лагерей и собиралась в столичных кружках. Александр Исаевич ссылается на заглавие стихотворения; я позволю себе процитировать текст:

*** Хочется сослаться на превосходную статью о реформах Петра: Б.Успенский — Historia sub specie semioticae. В кн. «Культурное наследие Древней Руси», М., 1976, с. 286-292.**

Вейте, вейте, снежные стихии,
Заметая древние гроба.
В этом ветре — вся судьба России:
Страшная, безумная судьба.
В этом ветре — гнет веков свинцовых:
Русь Малют, Иванов, Годуновых,
Хищников, опричников, стрельцов,
Свежевателей живого мяса,
Чертогона, вихря, свистопляса —
Быль царей и явь большевиков.
Что менялось? Знаки и возглавья?
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах — дух самодержавья,
Взрывы революции — в царях.
Вздеть на виску, выбить из подклетья,
И швырнуть вперед через столетья
Вопреки законам естества —
Тот же хмель и та же трын-трава.
Ныне ль, даве ль — все одно и то же:
Волчьи морды, машкеры и рожи,
Спертый дух и одичалый мозг,
Сыск и кухня Тайных Канцелярий,
Пьяный гик осатанелых тварей,
Жгучий свист шпицрутенов и розг,
Дикий сон военных поселений,
Фаланстер, парадов и равнений,
Павлов, Аракчеевых, Петров,
Жутких Гатчин, страшных Петербургов,
Замыслы неистовых хирургов
И размах заплечных мастеров...

В чем смысл волошинских метафор? Об этом можно спорить, но за ними скрывается какая-то страшная истина. Я пытался приоткрыть ее в первых частях «Снов земли». Они многих разозлили. Мне кажется, «ветер» — это культурная неустойчивость, шаткость всех традиций, приходивших то из Византии, то из Орды, то с Запада — и не слившихся в стройное целое, не укоренившихся прочно. Широта — до пустоты, в которой просторно гению и невыносимо среднему человеку. Вакуум, в котором раздольно опричнине, всешутейному и всепьянейшему собору, экспериментам Ленина и Сталина. Именно на этой почве (или беспочвенности?) идеи Маркса, аранжированные Лениным, впервые стали материальной силой*.

Однако ветер веет не только в России. Ветер дует из глуби истории, это мировой вихрь, «мировой пожар в крови». И второе направление исследования ставит Россию на место, как одно из звеньев в мировом революционном процессе.

Этот процесс чаще всего прослеживается с западной церковной революции XVI в. Он продолжался в церковно-политических революциях Голландии и Англии, принял мировой характер в английской промышленной революции и политических революциях Франции*. Ленинская Россия придала революции коммунистический характер. Сейчас революционный процесс бурлит на Дальнем и Ближнем Востоке и в Африке.

Я думаю, что облако романтики, окружившее слова «комиссар» и «террор», сыграло в истории русской революции гораздо большую роль, чем мадьяры и китайцы. Оно опьянило русских гимназистов так же, как вьетнамских и китайских школяров — слова «большевик» и «совет».

Однако идейные корни революции можно найти пораньше — в гностицизме**, и еще раньше — в истоках иудео-христианской традиции. После Вебера принято считать, что само понятие истории как поступательного движения к светлому будущему зародилось в еврейском мессианстве. Христианство сделало эти идеи универсальными, а просвещение — только секуляризовало их. Таким образом, первородный грех совершили евреи. Даже экологический кризис выводится из 28 стиха 1 главы «Бытия»***.

Правда, с Тойнби можно и не согласиться****. Но нет никакого сомнения в том, что евреи за три с половиной тысячи лет успели принять участие во многих роковых событиях, определивших характер западной, а вместе с ней и мировой цивилизации. Россия — песчинка, подхваченная вихрем, соломенная скирда, загоревшаяся от чужого пожара. Пожар — западный, а искрой, раздувшей его, была (по Веберу)***** «протестантская этика», в конечном счете — Библия, в конечном счете

* Ср. в статье Н.А.Бердяева: «Неслучайно предчувствие антихриста — русское предчувствие по преимуществу. Чувство антихриста и ужас антихриста были в русском народе, в низах и у русских писателей, на самых вершинах духовной жизни. И антихристов дух соблазнял русских так, как никогда не соблазнял он людей западных. В католичестве всегда было сильное чувство зла, дьявола, но почти не было чувства антихриста. Католическая душа представляла крепость, защищенную от антихристовых веяний и соблазнов. Православие не превратило душу в такого рода крепость, оно оставило ее более раскрытой» (сб. «Из глубины», 1967, с. 103-104). Думаю, одна из причин этого — слишком близкое соседство царя и Бога в русском сознании. Ср. «Сны земли», ч.Первая и Вторая.

* Muhlmann W.E. Weltrevolution auf Zeit gestreckt. - В сб.Soziologie der Entwicklungslander (ed. Eisermann G.) Stuttgart e.a., 1968.

** Очень популярно об этом писал А.Франс в «Восстании ангелов». Ср. также ученую монографию: Jonas H. The Gnostic Religion. Boston, 1968.

*** Ср. Toynbee A.J. «The Religious Background of the Present Enviromental Crisis». — «Intern. Journ. of Enviromental Studies», N.Y.e.a., 1972, vol. 3, p. 141-146.

**** Ср.Hughes J.D. «Ecology in Ancient Civilisations», Albuquerque (USA), 1975. «Ecology and Religion in Histori», ed. by D. and E.Spring. N.Y.e.a., 1974.

*****Ср. Вебер М. «Протестантская этика и дух капитализма» (в научных библиотеках есть русский перевод). Моя точка зрения несколько иная. Я считаю не менее важным фактором аристотелевскую логику — закон исключенного третьего (такого закона нет в логике индийского или китайского культурного круга). Герой нового времени — фанатик логики, Шигалев. Это не библейский и не чисто протестантский тип. Его возникновение — результат гибридизации нескольких культур. См. мои статьи: «Шэньши как тип средневекового книжника», сб. «История и культура Китая», М., 1974, с. 362-384; «Теория субэкумен и проблема своеобразия восточных культур». «Учен. записки Тартуского ун-та», 1976, вып. 392 (Труды по востоковедению, N 3), с.42-67.

— еврейский дух, запечатленный в Ветхом и Новом завете. Еврейское сознание первородного греха, чувство падшести не оставляло (по словам М.Элиаде) никакого другого выхода, кроме прогресса. Секуляризованную форму прогресс принял только у французов XVIII в. Но если мыслить в масштабах тысячелетий, можно сказать, что именно евреи сыграли роль Смешного человека, заразившего счастливую планету своей тревогой, неудовлетворенностью, стремлением невесть к чему. До пророков либо вовсе не было истории (как осознанного измерения человеческого бытия), либо (у греков, у китайцев) была история циклическая, возвращающая на круги свои (как в Экклезиасте).

Пророки впервые перенесли золотой век в будушее, и началась история линейная, движение к светлому будущему, прогресс. Сперва, конечно, как ожидание Мессии, пришествия Христа. Но уже в простом термине Новый завет (который выше Ветхого) было зерно истории — в западном смысле этого слова — и зерно революции. Пастернак прав в целом (хотя очень неточен в частностях), заметив, что до Христа не было истории, а только жизнерадостное свинство рябых Калигул*. Свинство — это скорее про Сталина (Калигула, кажется, не был рябым). Но переход к монотеизму действительно был первой идеологической революцией, потрясшей человечество. Буддизм не изгонял старых богов, нетерпимость к чужой, неправильной вере — черта, внесенная в мир еврейством. Шиллер оплакивал этот переворот, «обезбоживший» природу, и выводил из монотеизма механический материализм XVII - XVIIIвв.** Макс Вебер переменил минус на плюс и говорил о «расколдовывании мира», открывшем дорогу протестантской этике и духу капитализма. Тойнби, потрясенный экологическим кризисом, возвращается к Шиллеру... Таким образом, оценки меняются, но многие серьезные историки согласны, что на китайской или индийской почве идея прогресса, идея революции (и нынешний безумный, безумный, безумный мир) не могли бы возникнуть***.

Средой, в которой выросла и окрепла идея монотеизма, была диаспора. Человек диаспоры как бы стоит на одной ноге. Опустит вторую — попал в чужое. В настоящем ему не на чем держаться, и он рванулся в будушее. В настоящем его со всех сторон окружают соблазны ассимиляции — и он, на краю геноцида, обороняется от соблазнов нетерпимостью и фанатизмом. Эти черты перешли во вселенские монотеистические религии, христианство и ислам, сложившиеся под влиянием

*** Пастернак, по-видимому, пересказывал немцев или Бердяева. Но до меня эта мысль впервые дошла и запомнилась именно в пастернаковском обличье.**

**** В «Богах Греции» «бой часов» рифмуется с «обезбоженной природой», die entgpottete Natur. Никакой перевод этого не передает. Скорее — оригинальное тютчевское стихотворение «Бессонница» (1829).**

***** Ср. отрывок из чрезвычайно популярной лекции Л.Уайта «Исторические корни нашего экологического кризиса»: «...Наше повседневное поведение... определено верой в непрерывный прогресс, совершенно неизвестной греко-римской античности или Востоку. Она коренится в иудео-христианской теологии... То, что веру в прогресс разделяют коммунисты, — только лишний довод в пользу концепции, что коммунизм и ислам — иудео-христианские ереси» (Ecology and Religion in Histori. p.23-24)**

еврейского импульса. На евреев, оставшихся вне христианства, обрушилась еврейская нетерпимость, ставшая христианской и мусульманской нетерпимостью. Ни одни язычники не унижали и не истребляли евреев так, как духовные наследники еврейских пророков. В итоге евреи, уцелевшие от казней, забились в свои щели и старались спрятаться от всемирной истории, созданной ими. Так же, как сейчас они прячутся в Израиль от русского коммунизма.

Я сознательно несколько заострил идею, приписывая одним евреям общую черту Средиземноморского региона, которую они выразили в перекличке с другими народами*. Средиземноморье в целом — зона культурной нестабильности (сравнительно с Китаем и с Индией); по разным причинам, которые здесь некогда разбирались, средиземноморские страны никогда не были единой цивилизацией (а гетерогенность создает неустойчивость или, со знаком плюс, динамизм). Отдельные народы исполняли в древнем концерте разные партии, которые потом вошли в общую традицию и стали общим достоянием всех народов.

С более широкой точки зрения, несущественно, какая из наций подхватит импульс, родившийся в древней плоти, преобразует его и передаст дальше, заразит других. Дух веет, где хочет, он не справляется с пунктом «5» советской анкеты, он может пережить или оставить в стороне свое первое воплощение. Дух тревоги и тоски по будущему обосновался во всем христианизированном мире, и в русском, может быть, больше, чем в других. «Сон смешного человека» написал Достоевский. И «Бесы», где фанатизм революции обличается с фанатизмом контрреволюции, тоже написаны Достоевским. «Я жид по натуре, — писал Белинский, — и с филистимлянами за одним столом сидеть не хочу». Это не западное влияние, протопоп Аввакум — не западник, скорее перевоплощение своего библейского тезки; и Александр Исаевич мог бы подписаться под формулой Ленина: «прежде, чем объединиться, надо размежеваться»**

К концу XVIII века еврейский (по своему происхождению) мессианизм, секуляризованный на Западе, ставший революционным фанатизмом, зажег Радищева; еще через 100 лет этот дух дошел до массы евреев, прозябавших в добровольной изоляции от истории в российском аппартеиде (черте оседлости). И тут старая заржавленная пружина ветхозаветного мессианизма, подхваченная механизмом русской революции, неожиданно заработала. Возник революционный фанатизм в квадрате, придавший русской революции значительную долю ее размаха.

Мистический страх Достоевского перед Дизраэли был, возможно, предчувствием неспособности русской политической системы переработать взрыв еврейской

*** Например, тип пророка сложился и в Иране, так же как метафора борьбы духовного света с тьмой. Впоследствии какая-то аналогия «политического пророка» (Р.Белла) появилась и в Китае (Мо-Цзы), и в Японии (Нитирэн).**

**** Ср. полемику М.Вебера с Зомбартом, преувеличивавшим роль собственно евреев в генезисе капитализма. Для Вебера важен дух Библии.**

Ср. также у Бердяева: «Русским людям, плененным духовно революционным максимализмом, свойственны переживания, очень родственные иудейской апокалиптике» (сб. «Из глубины», с.106). «Смысл истории» я прочел слишком поздно и не делаю выписок. Понадобилось бы слишком много. Предоставляю читателю сравнить бердяевскую концепцию еврейства с моей.

активности так легко и просто, как это сделала английская система. И булгаковский Ершалаим, над которым вечно клубится дух мятежа, быть может, не только образ древнего города; это еще современная политическая метафора (совпадающая с автохарактеристикой еврейства в «Хулио Хуренито»).

Однако до какой степени была свободна воля непосредственных участников событий, русских, и евреев, и прочих? И до какой степени они были захвачены и обморочены историей? Масса, даже масса активистов, подчиняется законам больших масс. Только «сильно развитая личность» способна «пробиться сквозь историю» и быть свободной*.

Какие же обстоятельства сперва дирижировали перекличкой русского и еврейского духа, а потом расстроили концерт? Это ведь тоже любопытный вопрос. Исчерпать его трудно, но кое-какие обстоятельства можно указать.

Во-первых, очередная (по моему счету третья) волна русского просвещения взбаламутила еврейские местечки как раз тогда, когда столичные интеллигенты начали переходить от марксизма к идеализму. С известной точки зрения, большевистская революция — это победа провинциальной (и нацменской) образованщины над столичной элитой (с меньшим заевреиванием кадров. Можно, впрочем, указать на имена Шестова, Франка, Гершензона, Мандельштама и др.)**.

Во-вторых, решительные повороты в России и до 1917 г. требовали участия нерусских сил. Именно в России: коммунизм здесь мало что прибавил. Коммунистическая революция в Китае обошлась без инородцев (китайские евреи успели стать чиновниками и окитаиться еще в средние века***. Других подходящих инородцев не нашлось). Во Вьетнаме подходящие инородцы были (китайцы), но выдвинуться им не дали: не оказалось нужды (вьетнамцы сами — хорошие организаторы) и существовали опасения за будущее: вьетнамские интернационалисты хорошо помнили историю войн с Китаем. Кажется, только в Югославии революция переплелась с некоторыми этническими сдвигами: вождем стал Иосип Броз Тито, не серб. Но инородцем его тоже не назовешь.

Почему в России дело пошло иначе? Интуитивно мне кажется очень важным, что талантливый русский тип — широкий, размашистый, разбросанный — не выносит канцелярской лямки. Война — другое дело. На войне есть место и для удали, и для размаха, и для беспечности (помню, как замирало сердце, когда мы пели в 1944-м: «...беспечно спали средь дубравы...» Я прошел от Москвы до Берлина, ни разу не зная ни пароля, ни отзыва). Завоевать империю так можно, управлять — не очень. Русский «гений, прикованный к чиновничьему столу, сойдет с ума или погибнет» (китайские — почему-то не гибли. И Э.Т.А. Гофман был исправным чиновником). В

* Слова в кавычках принадлежат Достоевскому и Тагору.

** Взгляд на три волны русского просвещения развит в моей статье, опубликованной в 1972 г. в сб. «Литература и культуре Китая». Отсылаю к ней читателя. Французский и английский перевод в ж. «Диоген», Париж, 1975, N 92. Более полный текст доклада (прочитанного в Институте социологии в 1970 г.) напечатан в сб. «Самосознание», 1976.

*** Ср. Song Hai Rhee «Jewish Assimilation. The Case of Chinese Jews». - Comparative Studies in Society and History. London-N.Y. 1973. vol. 15, No 1, p. 115-126.

приказах, в департаментах, в отделах кадров копошится дрянь: Молчановы, Русановы. С ними можно сохранять инерцию установившихся форм, но исторический поворот, создание нового русского государства никогда не обходилось одними русскими силами. Потом, когда новое сложится, «крапивное семя» (как его называли в XVIII в.) берет реванш, и мавр, сделавший свое дело, списывается в расход.

Прав я или неправ, — не знаю. Но управление русской империей то и дело попадало в руки инородцев (или младших родственников — украинцев). Я думаю, в XVIII веке это было особенно обидно. Клали свои животы на алтарь отечества, присоединили Эстляндию и Курляндию — и тут же посадили себе на шею Бирона. Немка Екатерина выдвигала на первые места русских, но в канцеляриях, штабах, в академии продолжалось немецкое засилье, и при Павле оно тошно было до крайности (тогда еще не было интернационализма). Даже в романах русских писателей какие фамилии носят деловые, энергичные люди? Костанжогло, Инсаров, Штольц... Тут уже заранее приготовлено было место для Левинсона.

В-третьих, чем дальше разворачивалась революция, тем труднее было евреям увернуться от назначенного места в советских канцеляриях (взамен немцев, служивших Романовым). Сперва подавляющее большинство политически активных евреев было против Ленина (даже в его собственной партии — Зиновьев и Каменев). Но Ленин правильно угадал, что в ходе гражданской войны евреи, оказавшиеся между белыми, батькой Григорьевым и красными, вынуждены будут прыгать в попутчики большевизма, как Грибуль прыгнул от дождя в воду; так же, как крестьяне, оказавшиеся между возвращением помещиков и продразверсткой, вынуждены будут покориться продразверстке... И потом, по мере роста нажима на частников, евреям некуда было деваться, кроме государственных учреждений. Советская система построена так, что от ее нажима можно спастись только в ее же аппарате, укрепляя его. Несколько позже по тому же пути пошли дети крестьян, бежавших в города от раскулачивания... Потом, после 2-й мировой войны, — татары, изголодавшиеся в своей Татарии. Сейчас их в Москве, говорят, 700 000. И вслед за татарами-дворниками появляются татары-референты, профессора, писатели...*

Однако история иронична. Затаскивая евреев в государственный аппарат, она почти одновременно начала их выталкивать: сперва с высших постов, потом и со средних. В 1923-1927 годах наиболее заметные лидеры еврейского происхождения были вытеснены из Политбюро; к 1939 году — и из ЦК. Между 1939 и 1952 гг. остаток евреев в ЦК был почти полностью заменен украинцами. Хрущев говорит, что

*** Впрочем, не одни татары. Интеллигенты мусульманского происхождения сменили одесситов 20-х гг. и опять вносят жизнь и движение в окостеневшую после очередной экзекуции Москву. Даже о таком специфически русском предмете, как «Слово о полку Игореве», единственная нескучная книга последних лет принадлежит О.Сулейменову, очень ясно сознающему свою двуязычность. Имперская политика часто давит культуру, но имперская культура постоянно втягивает в себя новые этнические группы и от этого приобретает новые живые черты. Результаты процесса невозможно предвидеть. «Всемирная отзывчивость» невозможна без доли космополитизма, без риска утраты национального своеобразия, без почвеннических судорог. Кто не рискует — не выигрывает, но, разумеется, и не проигрывает. Всякая империя — спекуляция. Она может кончиться и обогащением, и разорением.**

Сталин не любил украинцев. Скорее всего Сталин никого не любил. Но к порядкам, сложившимся к 1940 году, москали еврейского происхождения не подошли, а украинцы подошли. Нечто подобное случилось в Аравии VII в.: Мохамед сперва опирался на иудейские общины Ясриба, а потом уничтожил их.

Дополнительная ирония заключалась в том, что Россия, прежде чем выталкивать евреев, ассимилировала их. Процесс ассимиляции шел в советское время раз в десять быстрее, чем в XVIII-XIX вв. — ассимиляция служилых немцев. И тут снова все перепутывалось. Возникает вопрос, который кажется мне совершенно неразрешимым: до какой степени евреи, участвовавшие в создании и укреплении советской власти, были евреями?

В салоне Анны Павловны Шерер принято было называть императора французов Буонапарте. Пьер Безухов прекрасно знал, что Наполеон — корсиканец, но называл его Бонапартом. Так и осталось. Думаю, что и Троцкий останется в истории Троцким. «Великий человек, — писал И.В.Сталин, — принадлежит той стране, которой он служит»*.

Кто такой фон Визин? — Русский писатель. Кто такой Левитан? — Русский художник. А кто такой Врангель? Троцкий? Это зависит от ваших политических взглядов, читатель. Демьян Бедный, несмотря на интернационализм, глумился над мнимым коверканьем русского языка немцем Врангелем: «*Их бин фон Врангель, херр барон. Я самый лючший, самый шестный есть кандидат на царский трон*». Напротив, Троцкий, в глазах конармейцев, был русским. Евреев они не любили, но их главнокомандующий не был евреем. «*Вы жидов Ленина и Троцкого спасаете*», — говорит (у Бабеля) мешочница. «*За Ленина не скажу,* — отвечает Никита Балмашов, «солдат революции». — *А Троцкий есть отчаянный сын тамбовского губернатора***.

Политическое отчуждение выражает себя в этническом отчуждении, политическое братство — в побратимстве. Для белых Врангель — русский, а Троцкий в лучшем случае еврей (чаще — жид). Со всеми вытекающими отсюда выводами насчет национального раскаяния и самоограничения***.

Даже троцкисты, воюя со Сталиным, остро чувствовали его грузинский запах. (Сосо, Джугашвили, восточный повар, любящий острые блюда. К своему собственному запаху принюхались.) И у Мандельштама: «Кремлевский горец», «широкая грудь осетина». Хотя не все ли равно, грузин Сталин или осетин?

Так же не просто выглядит дело, если взглянуть на него со стороны иностранца, ассимилирующегося в России. Фальконе скорее всего не считал себя русским. Но у себя на родине он был посредственным скульптором. Только русская почва дала размах его гению. И так же с другими способностями, менее привлека-

---

*** Мне говорили, что подобная резолюция была поставлена на докладе предприимчивого образованца, доказавшего (по сплетням Софьиного двора), что Петр Великий — сын иверского посла (царевича Вахтанга).**

*** Цитирую рассказ И.Бабеля «Соль» таким, каким запомнил его по старым прижизненным изданиям. Любопытно, что таким же было и самосознание Троцкого. Об этом писал В.Рубин.**

*** Домохозяин, у которого снимал квартиру Бердяев, говорил ему: «Самое грустное, Николай Александрович, что вы за Ленина отвечать не будете, а я за Троцкого буду».**

тельными. Блюмкин, спьяну составляющий список на расстрел, немыслим в Израиле: там нет ни пьянства, ни расстрела. Марксизм — есть, социализм — есть, есть и коммуны (кибуцы). Но расстрелов нет, лагерей нет. Еврейское законничество не допустило их. Напротив, свобода от формальных ограничений, душевный размах — черты, которые в России развиваются в инородцах. В искусстве этот размах поражает, в карательной политике — шокирует.

Мне кажется, противоречие между размахом государства и размахом культуры можно проследить не только в инородцах. Основные особенности России — это не наследство словен и вятичей. Вятичи сами были схвачены историей за шиворот... И до сих пор противятся государству российскому. В Льве Толстом, например, побеждает исконное тяготение к безгосударственной воле, в Достоевском дух империи сталкивается (и временами причудливо переплетается) с духом Христа. В первых частях «Снов земли» я рассматриваю русскую историю как Сатурна, пожирающего собственных детей. Может быть, это гипербола. Но во всяком случае большой близости между государством и культурой (высокой или народной) в России нет. Дух империи — не славянский дух: он унаследован от Византии, от Орды... Россия — не племя, не этнографическая единица. Если вы хотите восточнославянской этнографии, идите на Западную Украину, в Российской империи история мало что оставила от этнографии. Судьба России — в борьбе духов государственной и культурной системы, складывавшейся на перекрестке нескольких миров, все время в ломках, в перестройках — или в забытье после судорог. В этом пространстве живут большей частью русские, но не только. И каждый человек, попавший на русскую сцену, начинает играть русскую роль, кто бы он ни был: Фальконе, Фонвизин, Левитан, Бенкендорф, Френкель или Троцкий. Тот, кто ассимилирован русской культурой, становится вероятной жертвой; тот, кто ассимилирован российской политикой, — вероятным палачом. С одной стороны Мандельштам, с другой — Блюмкин; с одной — Пушкин, с другой — Аракчеев. Встреча Александра Исаевича с Ингалом и Гаммеровым, впервые повернувшими его в сторону веховских идей (ср. «Архипелаг», ч.III, гл. 6: «Фашистов привезли»), так же не случайна, как не случайны Ягода, Фельдман и Коган. Каждый российский *политический* деятель начинает танцевать под дудку имперского *уицраор*а (чудовища из видений поэта-мистика Даниила Андреева) — или сходит со сцены*.

В те самые 20-е годы, когда (по Солженицыну) отрицались самые основы русской культуры, ленинский стиль работы был определен как «сочетание русского

*** Я решительно не способен усвоить взгляд на нынешнюю Россию как на «колонию международного коммунизма» (как выражаются в «Континенте» иногда). Но перечитывая «ленинградский Апокалипсис» Д.Андреева, мне самому чудится, что Россия — «колония» какого-то могучего имперского духа. В самом этнониме «русский» слышится плененность, принадлежность, а не самостоятельность бытия. Китаец, турок, немец, жид — все они обозначаются именами существительными, все суть сами по себе. Только русский — имя прилагательное. Были попытки ввести другие имена: русичи, россы, но они не привились. Народ сознает себя русским (барским, царским, казенным, русским). Русские не владеют Россией, они принадлежат Руси. Сами цари их, сам Петр — только орудия в руках уицраора. И началось это не в 1917 году, а лет на тысячу раньше. Меняются орудия: ослабевшая хватка сменяется новой, покрепче, но уицраор остается.**

революционного размаха с американской деловитостью». Американская — это эвфемизм, престижное слово. Но сочетание русского с нерусским — довольно верная формула. И верно (хотя бы приблизительно), что русское здесь — размах (о нем же и Волошин), а деловитость — нерусская.

Общество, подавленное гнетом единовластия, десятилетиями, веками стоит перед задачей исторического обновления. И в конце концов задача решалась одним человеком, получившим сгусток воли, которого хватило бы на миллион, решалась самодержавно, самовластно, — и не без самодурства*. Так Петр преобразил Московское царство в Российскую империю... Так Солженицын совершил свою литературную реставрацию монархии. Ему помогали собирать материал многие евреи, но Солженицын остался Солженицыным. Он не стал Солженицером.

Так в России вообще делается история. Русский народ трепещет и пятится перед грозным самодержавцем, который его режет на части, как Иванушку, и спекает заново. Потом, когда спечется, — признает Хозяина своим и служит верой и правдой. Но сперва пятится, ужасается, пытается даже бунтовать. Иван Грозный этого сопротивления земщины не осилил. Не хватило организационных сил. Опричнина — банда, шайка разбойников. Кромсать — сумели, сшить (по живому мясу, да так, чтобы швы не разошлись) — не сумели. Федька Басманов симпатичнее Лазаря Моисеевича Кагановича (поразительного, почти непостижимого для меня сочетания низкопробного лакейского холуйства с кипучим организаторским талантом). Но у мерзавца Кагановича поезда ходили по расписанию (как прежде у Клейнмихеля), а у Федьки летели бы под откос...

По мне, лучше бы эти поезда вовсе не ходили. Но я не мог удержаться от перифразы розановской апологии Клейнмихеля. Если Клейнмихель хорош, то и Каганович... Фауст давно, еще до советской власти, снюхался с чертом, и косточки строителей лежат по бокам не только Беломорско-Балтийского канала.

Остается прибавить, что к началу XX века сложился тип русского Штольца и еврейского Обломова (веховца), еврейского Рудина... В содружестве Троцкого с Тухачевским или с С.Каменевым русский революционный размах был представлен Троцким, американская деловитость — военспецами. В сотрудничестве Ленина и Троцкого — трудно сказать... Оба были и размашисты, и деловиты. Но в некоторые решающие минуты Ленин определенно был деловитее, а Троцкий — чересчур размашист (в попытках создать трудармии, в переговорах о Брестском мире).

Все это до конца не распутаешь. Даже при простом влиянии одного на другого тот, кто поддается влиянию, соучаствует в нем, иначе просто ничего не выйдет**. Но в русско-еврейских отношениях было не одностороннее влияние, а взаимодействие. Революционные ораторы, увлекавшие за собой колеблющиеся полки, пришли не из талмудторы, а из русского же освободительного движения; в свою очередь, русское движение загорелось от западного, и т.д....

В сомнении, — говорит Декарт, — надо воздерживаться; и не пытаться решить

*** Ср. у Пушкина о государственном деятеле и самодуре в Петре.**
**** Я не мог убедить попутчицу (дочь начальника тюрьмы), что Сталин — изверг, заставил ее прекратить спор, но не сдвинул даже на один градус. Она молча смотрела на меня глазами затравленной волчицы.**

вопрос, недоступный разуму*.

Если ветер истории втягивает в свои смерчи то одних, то других, то в роли жертвы, то в роли палача, где найти народ без греха? Где найти того, кто вправе бросить камень? Если история — уголовное преступление, то все исторические народы заслуживают казни; и, может быть, она свершится, — в XXI и или другом веке. Только что здесь хорошего? Пусть лучше восторжествует не справедливость, а милость. И останемся со страданиями неотмщенными... или все погибнем.

Мне давно уже кажется, что губит не количество того или иного национального духа, а количество хамского духа. Какое-то время хамство активнее всего перло из разворошенных революцией местечек, потом — из раскулаченных деревень. «Там, где развитие происходит особенно быстро, в странах Центральной и Восточной Европы, позже вступивших на путь прогресса и торопившихся догнать и перегнать, рост хамства был особенно грозным. Он поставил под угрозу само существование европейской цивилизации» («Неопубликованное», стр. 212-213. — «Нравственный облик исторической личности»).

В этом, по-моему, суть проблемы. А об остальном можно спорить до бесконечности. Этническая и социальная история революции — неисчерпаемый предмет для историка и моралиста. Можно сказать, что евреи-революционеры способствовали разгрому старого образованного слоя, относившегося к ним довольно хорошо, и выдвижению наверх детей рабочих и крестьян, гораздо более расположенных к расовым стереотипам. Можно сказать и другое: что с крестьянами в 1929 году поступили примерно так же, как они сами в 1918 году поступили с помещиками и их слугами. Эту концепцию изложила одна старушка-уборщица (разумеется, без всякого понимания, что излагает концепцию, а просто рассказывая о своей матери, горячо верующей христианке, которой, однако, Бог не дал счастья). Отец Веры Ивановны служил у помещика «завхозом». Уезжая в Англию, помещик посоветовал ему помириться с советами. Но было поздно: крестьяне не простили, что стерег хозяйское добро, убили, а семью «раскулачили»: мать с малыми детьми выбросили на улицу, дом забрали, имущество все разграбили. «Потом их самих раскулачили», — эпически закончила Вера Ивановна.

Можно рассматривать многие страдания народов нашей страны в целом, как

*** Взгляд на историю, если он хочет быть определенным, содержит в себе (сознательно или бессознательно) какой-то масштаб пространства и времени, следовательно, он всегда относителен и условен. В общей форме я пытался показать это в докладе «Роль масштабов времени и пространства в моделировании исторического процесса» (Москва, 1968). Тезисы его, впрочем, остались неопубликованными. Замечу вкратце, что сама история при некоторых масштабах исчезает: во-первых, при очень малых, когда «довлеет дневи злоба...»; во-вторых, при очень больших, когда перед глазами безмятежного созерцателя гигантские качели эволюции-инволюции, правритти-нивритти, разворачивания и сворачивания вселенных... Царство истории — это обозримая глазом сцена, антропоморфно великая, где единожды был распят и единожды воскрес Христос, единожды спасается или гибнет человеческая душа. В свою очередь, это царство распадается на ряд княжеств, в каждом из которых свои законы, своя правда. Целостный взгляд во всех масштабах времени и пространства доступен только Богу.**

Ему же только доступен ответ на вопрос «Кто виноват?»

расплату за излишнюю революционную активность, вызвавшую в еропейском мещанстве встречную волну фашизма. Ну, и немцы поплатились, что поддержали Гитлера. Все в чем-то грешны. Все пострадали.

Можно сказать, что «экологический тупик» (о котором пишет Александр Исаевич в «Образованщине») — довод не только *против* (научно-технической цивилизации), но и за (советскую власть). Я признаю этот довод серьезным в обоих смыслах: с одной стороны, он ставит под вопрос мой тезис, что крестьянство при любой форме развития становится второстепенной общественной группой и не имеет смысла замыкаться в его проблемах. С другой стороны, если действительно нет другого выхода, кроме остановки роста (населения, экономики, расхищения недр), то что может сделать это лучше, чем диктатура? И почему бы госпоже истории не схватиться за орудие, которое под руками, — за советскую власть? Даже в самой ее жестокой, сталинской форме? Она уже доказала свою эффективность, притормозив рост населения. А в торможении экономики (при любых показателях в газетах) сталинская система обладала гигантским, до сих пор не вполне использованным потенциалом*.

Я вижу бесконечную возможность самых неожиданных, пересекающих друг друга взглядов. Каждый из них истинен, как взгляд, как еще одна ниточка для ткани; каждый ложен, если зациклиться на нем и превратить в знамя, в боевой клич. Я не вижу ни интеллектуальной, ни нравственной возможности нового мифа об Авеле, который все претерпел, и Каине, который все погубил. Между тем Александра Исаевича тянет именно к этому. И он очень сердится, когда ему противоречат. Стоит прикоснуться к «комплексу Авеля» (который открылся мне, к большому моему огорчению, в «Круге первом»), как вспыхивает гнев.

«Кто начинает раскаиваться первым, раньше других и полней, должен ждать, что под видом покаянщиков слетятся и корыстные печень твою клевать» («Из-под глыб», стр. 136).

Это одно из мест, в которых высокий штиль становится надутым. Если клевать печень, то Горский — орел Зевеса. Если же корысть, то у Михалкова лучше: «А сало русское едят!»

Попытаюсь, однако, опять понять моего оппонента. Его воротит от стряпни поздних сталинских лет. Он считает сталинское восстановление в правах русского патриотизма как бы несостоявшимся — и заново проделывает то, что проделано было плохо, постыдно, и вступает в бой с остатками (и останками) интернационализма 20-х гг., словно это живой противник, словно перед ним не два-три пенсионера, давным-давно в отставке, а генеральная линия. Но генеральная линия давно не та... И борьба Александра Исаевича с интернационализмом перекликается с той самой официальной ложью, против которой он восстает. Разница только в терминах, потому что бывший интернационализм официально переименован в космополитизм, а сталинский пролетарский интернационализм требует защиты Советской России и русскими, и нерусскими (Зорге, например), требует борьбы с местным буржуазным

*** Единственная альтернатива этого — выработка Западом своей собственной системы высокоорганизованного общественного регулирования. Но удастся ли? Пока что демографы спят и видят во сне чуму, холеру, сталинскую коллективизацию, которая остановит взрывной рост населения Индии.**

национализмом и вообще отличается от первоначального интернационализма почти так же, как церковь — истинный Израиль — отличается от Израиля географического.

Александр Исаевич чувствует необходимость как-то пояснее отделить свой патриотизм от официального и пишет:

«Александру Невскому без креста подняться дали, но чему поближе — нет» (стр. 249).

Я вынужден возразить: дали подняться и Суворову, и Кутузову, и Нахимову, и Брусилову (чего ближе!). По части военно-патриотического воспитания использовано решительно все. Кресту действительно не дали подняться, но не потому, что он национальный, скорее наоборот: смутно чувствовалась несовместимость двух универсальных символов, креста и красной звезды. Впрочем, некоторые второстепенные фигуры постсталинского сталинизма были близки к тому, чтобы и крест поднять. Ну и что, если бы вожди вняли «Письму вождям» и подняли над Архипелагом православный крест, — хорошо было бы? Или нет?

Я хочу, однако, задать совершенно другой вопрос: способствуют ли аргументы, развитые Александром Исаевичем в споре со мной и Горским, национальному раскаянию и самоограничению? Или, напротив, они скорее раскармливают чувство национальной обиды, наподобие того, которое сложилось в Германии после Версаля?

В 1974 г., работая над эссе «Князь Мышкин», я писал: «Нет ничего страшнее *пострадавшего* человека, т.е. не просто страдавшего, а сосчитавшего цену своего страдания. Цена страдания неимоверна, и целого мира не хватит, чтобы рассчитаться. Пострадавшему человеку все позволено, и он это знает и позволяет...».

Я не приводил тогда русских примеров — только израильские и арабские*; мне казалось, что среди русских склонность считать себя пострадавшим больше всех менее распространена. Но вот Александр Исаевич пишет: «Татарское иго навсегда ослабляет наши возможные вины перед осколками Орды». Значит, можно извинить вывоз осколков Орды из Крыма? **

Правда, в контексте ужасная фраза звучит несколько менее ужасно: *«Татарское иго над Россией всегда ослабляет наши возможные вины перед осколами Орды. Вина перед эстонцами и литовцами всегда больней, стыдней, чем перед латышами или венграми, чьи винтовки довольно погрохали и в подвалах ЧК, и на задворках русских деревень. (Отвергаю непременные здесь возгласы: «так это не те! Нельзя же с одних — на других!..» И мы — не те. А отвечаем — за все».) (стр. 141).*

В контексте выходит: и они 600 лет виноваты, и мы. К сожалению, в еще более широком контексте, при перечитывании всей статьи, это впечатление

*** Некоторые друзья очень упрекали меня за то, что я рассматривал Штерна и Хаббаша на одном уровне. Но для меня каждый Раскольников — свой. Мне за обоих стыдно.**

*** Интересно сравнить все включающую Россию Блока со «стрелой татарской древней воли» в груди и все исключающую Россию Солженицына или ветхозаветную злопамятность — с евангельским прощением зла.**

исчезает: «мы» творили это зло «в массовом виде и преимущественно... не другим, а своим же, самим себе» (стр. 126). Так что «отвечаем за все, все», сделанное русскому народу (в том числе своими же, т.е. интеллигенцией); а о других — стоит ли говорить! Подумаешь, масса — 20 000 человек вырезали, или 40 000 человек задохнулось в вагонах...*

Покаяние дается Александру Исаевичу в том случае, если нет никаких взаимных счетов: он кается перед малыми народами Сибири, перед горцами Кавказа, вспоминая «завоевательный русский натиск XIX века (вовремя и осужденный великими русскими писателями) и выселение XX века» (стр. 138). Взгляд на горцев через «Кавказского пленника» и т.п. сочинения, сделавшие горцев симпатичными**. Если же народный стереотип татарина несимпатичен, то и Солженицын — со своим народом. Всюду, где возникают взаимные счеты, дар покаяния оставляет Александра Исаевича и собственные порывы лагерных времен только смутно припоминаются. Совесть Александра Исаевича, такая чуткая, когда речь заходит о русском крестьянстве, мгновенно дубеет, как только речь заходит о татарском крестьянстве, глядящем на свой отобранный и одичавший виноградник.

В «Раскаянии и самоограничении» рассматривается один пример запутанных счетов — русско-польских. Общий итог явно не в пользу кичливых ляхов. «Сколько же и звучало с русской стороны раскаяния, начиная от Герцена, и как же едино было сочувствие полякам всего русского образованного общества, так что в кругах прогресссивного Блока польская независимость не считалась меньшей целью войны, чем сама русская победа» (стр. 138).

Факты на месте. Но, вероятно, поляк подобрал бы другие факты, а эти иначе интерпретировал. В 1914-1918 гг. все воюющие державы сулили Польше независимость. Германский блок, находившийся в трудном положении, даже выполнил свои обещания. Было достигнуто соглашение о преобразовании Австро-Венгрии в триалистическую монархию (Австро-Венгро-Польшу, с включением русской Польши, но не трогая Прусской). Польская фракция рейхстата выступила в защиту проекта; чешские депутаты нападали на нее за измену общеславянскому делу. Сейчас об этом мало кто помнит... Что касается 1863 г., то тогда «роковой вопрос» стоял иначе, и Герцен, поддержав поляков, потерял почти всех своих русских подписчиков...***

*** Александр Исаевич упускает из виду, что счет на миллионы можно опрокинуть счетом на миллиарды. Около полутора или двух миллиардов азиатских крестьян получают меньше каллорий и протеинов, чем закладывалось в «гарантийку» на ОЛП'е N 2 Каргопольлага в 1950-1953 гг. («Гарантийка» — система питания при хозрасчете, вместо «котловки». Каждый з/к получал гарантийный минимум ежедневного трехразового питания, одежды и т.д. За перевыполнение нормы платили деньгами). Индийский или китайский крестьянин и мечтать не могут каждый день есть рыбу (хотя бы в виде соленой трески, сваренной вместе с кислой капустой и крупой). А сейчас надвигается на них Великий Голод. Что же считать Мировым Злом?**

**** Это не точка зрения русских жителей Грозного, бунтовавших в 1958 г. против возвращения чечен и ингушей.**

***** Какой контраст с з/к Солженицыным, восхищавшимся польским гонором и стыдившимся отечественной привычки к бесчестью! (ср. «Архипелаг» ч.5, гл.11 — в т.III).**

Где те весы, на которых можно взвесить страдания хотя бы одного человека? Я не знаю; а Солженицын думает, что ему открыта мера страдания целых народов.

Фаваз Турки, защищая дело арабских палестинцев, занял гораздо более сильную позицию. Он пишет, что ему дела нет до того, как страдали другие; может быть и больше, но это их страдания, а он говорит о своих. Я был обезоружен такой честностью*. Александр Исаевич не говорит «какое мне дело»... Ему хочется быть справедливым судьей, но не отказываться и от роли истца. Ему хочется быть вездесущим и всеведущим, — а это никому не удавалось.

Александр Исаевич осуждает поляков за то, что они подавили крестьянское восстание под Уманью (стр. 139). Крестьянское, народное — значит справедливое. Речь идет, видимо, о гайдамачине. Но во время этого восстания Гонта и Железняк, взяв город, вырезали подчистую все неправославное население. Гонта, есаул польской службы, перешедший на сторону восставших, убил свою жену-польку и свяченым ножом зарезал собственных детей, рожденных от конфессионального позора**. (И нашелся же священник, освятивший нож!) Короленко, сын украинца и польки, прочитав мальчиком об этом подвиге, был так потрясен, что отступился от рода и племени. «Моим отечеством, — пишет он, — стала русская литература» (в то время мало захваченная националистическими страстями).

Еще одна подробность: восстание подавили русские войска. Гонту выдали полякам, те с него живьем содрали кожу; Железняка сослали в Сибирь. Кому же каяться? И в чем? Полякам — что не простили Гонту? (Солженицын — простил бы?) Русским, что вмешались во внутренние дела Польши? Или восставшим крестьянам, — что вырезывали младенцев из чрева матерей и зашивали туда живых кошек? Пример, избранный самим Александром Исаевичем, показывает, как трудно быть Богом и как недоступна человеческому уму и совести задача Всеведающего Судии. Боюсь, что о справедливой оценке прошлого даже труднее договориться, чем о границе на Голанских высотах. И Александр Исаевич подсознательно это чувствует. В том случае, где он действительно хочет только мира, а не мести, т.е. в русско-украинских отношениях, он решительно пресекает все счеты и наделяет оба народа равными мученическими венцами (23). Но, может быть, стоит распространить принцип наибольшего благоприятствования и на все другие народы? Сказано ведь: не судите, и не судимы будете...

Зачем вообще мешать чувство совиновности с поисками чужих грехов? В 1944 году Александру Исаевичу было стыдно, что не помогли Варшаве. Мне тоже стыдно (наша дивизия стояла очень недалеко). В тот момент у поляков, задыхавшихся в канализационных трубах, не было ни прошлого, ни будущего. Было только сегодня. И в этом сегодня у нас с ними не было счетов. Наверное, среди Армии Крайовой нашлись бы и юдофобы, и русофобы. Но какое это имело значение? Не больше, чем то, что мальчик, о котором рассказывает Иван Карамазов, мог бы впоследствии согрешить. Но вот не вырос — его затравили собаками.

*** Хотя Турки честен не до конца: историю арабо-израильских отношений он начинает с 1948 г., оставляя во мраке невыгодное (1929 г., 1936 г.,). Ср. Turki F. The Disinherited. - Journal of a Palestinan Exile, dy F.Turki N Y., 1972.**

*** Аналогичный термин, Rassneschande, был создан только в XX веке.**

Александр Исаевич пишет заглавными буквами: «ЗА ГРЕХИ ОТЦОВ. Это, действительно, древнее речение (из самых древних, обветшавших книг Ветхого завета); но сила его не в древности, а в современности. Дж. Макдермот показал, что понятие коллективной (национальной) ответственности появилось в XIX—XX веках даже в странах южного буддизма, буквально за волосы вытащенное из древних книг* Подлинный дух, породивший идею групповой кармы, — дух национализма. Вырвавшись на улицу, этот дух перестает искать морального удовлетворения (как в сочинениях А.И.Солженицына) и становится попросту погромным. В 1969 г., после поджога мечети Аль-Акса, в Индии происходили демонстрации солидарности с арабами. Мусульмане вылезли из своих щелей и вышли на улицы. Одна из демонстраций столкнулась со стадом священных коров; корова кого-то боднула, ее ударили, пастухов побили. В ответ индуистская чернь превратила в писсуары несколько десятков мечетей и могил святых, несколько сот мусульман вырезали. А индуистские поручики Келлеры писали в индуистских черносотенных листках, что наконец взят реванш за мусульманское завоевание Гуджерата (1000 лет тому назад).

Я думаю, что справедливых счетов между народами не может быть. Есть только сон о справедливом возмездии. И посылает этот сон дьявол.

Нельзя смешивать со счетами (кто меньше, кто больше виноват) чувство личной совиновности. Оно ничего не подсчитывает и не взвешивает. Это чувство моей совиновности, а не его, их совиновности. Я знал человека, сознававшего себя на скамье подсудимых вместе с Эйхманом (хотя он вырос в России и был всего лишь выходцем из немецких дворян). Встречал шведа, для которого Сонгми стало его личным грехом (преступлением всей белой расы).

Во время дела врачей меня буквально засыпали извинениями русские товарищи по лагерю: им было стыдно. Но многие друзья не стыдились и не извинялись: они просто не чувствовали себя частью русского государственного целого; они были, как и я, «врагами народа», «фашистами». Я понимал и тех, и других. Стыд, как и любовь,. глубоко индивидуален. Полюбится сатана пуще ясного сокола. И так же невзначай охватывает совиновность. Это нельзя навязывать. Это обходит логику. Мне кажется чудовищным, что для Александра Исаевича Гюзель за Мамая виновата (даже через 600 лет); хотя Матрена Васильевна за рязанского князя Олега (союзника Мамая) не виновата. К сожалению, очень многие согласятся с Солженицыным, а не со мной.

Чужой виноват уж тем, что он чужой. Быть чужим безнравственно.

Грустно видеть, как бывшие участники строительства котлована, на миг объединенные общим языком революции (интеллигенты и рабочие, русские дворяне и еврейские портные) поодиночке пытаются выкарабкаться со дня вавилонской ямы, каждый схватившись за свою луковку и по-прежнему, как в ожесточении 20-х и 30-х годов, спихивая вниз других грешников. Хотя и в христианском варианте про луковку (из «Братьев Карамазовых»), и в буддийском варианте легенды про паутинку, брошенную Буддой разбойнику (с седьмого неба в тридесятый ад), паутинка (луковка) от этого рвется.

*** McDermott J.P. Is there Group Karma in Theravada Buddhism? Numen Leiden, 1976, vol. 23, N1, p.67-80.**

ЛЮСТИЖЕ Жан Мари (до крещения Ахарон; род. 1926, Париж), кардинал. Родился в семье евреев-эмигрантов из Польши, мелких торговцев. После оккупации Франции нацистами в 1940-м Л. принял католичество в Орлеане, скрывался в христ. семьях, а также у священника. В 1945 мать Л. была отправлена в концентрационный лагерь в Дранси, а затем в Освенцим, где и погибла. Отец спасся, бежав в неокупированную зону. Находясь на нелегальном положении, Л. блестяще окончил лицей Потье в Орлеане. В 1944-1946-м изучал искусство в Сорбонне, затем окончил Католический институт в Париже. Принял сан священника в 1954-м, его приходом был Парижский ун-т. В 1954-1969-м — директор студенч. центра Ришелье, в 1969-1979-м приходский священник в одном из париж. пригородов, в 1979-м назначен епископом Орлеанским, а в 1981-м архиепископом Парижским, т.е. главой католич. церкви Франции. В 1983-м Л. получил сан кардинала. Неоднократно посещал Израиль.

Л. — автор многих теологич. трудов, среди них — «Народ Бога» (1981). В своих интервью он заявлял, что, став христианином, продолжает считать себя евреем («Я родился евреем и евреем останусь, даже если многие считают это неприемлемым») и солидаризируется с евр. народом и его судьбой. Свое крещение Л. считает не фактом отступничества и отрицания иудаизма, а, напротив, — полным завершением его. Он отвергает распространенное в католич. кругах мнение, что Катастрофа являлась наказанием евр. народу, не принявшему Мессию — Иисуса. Л. считает, что с христ. точки зрения понятие избранный народ в применении к евреям не утратило значения. Согласно Л., еврей — носитель избранничества, за что окружающие столь часто его отвергают и даже убивают. Эти высказывания вызвали враждебность некоторых католических кругов, а также полемику в еврейской среде (например, главный раввин Франции Ж.Каплан заявил: «Человек не может быть в одно и то же время христианином и евреем. Он должен сделать выбор»).

Краткая еврейская энциклопедия. Т.4. Иерусалим. 1988. С.1006-1007.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

Кардинал Жан-Мари ЛЮСТИЖЕ отвечает на вопросы **Жана-Луи МИССИКА и Доменика ВОЛТОНА**

ВОПРОС. Вы не раз совершали паломничество в Святую Землю. Когда это было в первый раз?

ОТВЕТ. Летом 1951 года, когда я учился в семинарии. Эта первая поездка сыграла очень важную роль в моей жизни. Аббат Шарль попросил меня собрать группу паломников из студентов Сорбонны. Денег у нас не было, и все висело на волоске - было это сразу по окончании первой арабо-израильской войны. Наш маршрут привел нас в Бейрут (с остановками на Кипре и даже в Греции). Чтобы попасть в Иерусалим, нам пришлось ехать через Ливан, Сирию, Иорданию.

Для меня это было неким откровением, душевным и духовным, ибо вступил я на землю Израиля, землю, завещанную Аврааму, Землю Святую. Когда читаешь Библию в кабинете, можно бесконечно рассуждать, истинно ли это или нет, избегая множества вопросов о действительности Того События или о том, как все это происходило. А здесь, на Святой Земле, у меня

и возникнуть не могло никаких сомнений в истинности бывшего на этой земле. Святая Земля предстала как зримая история, а история делается зримой только благодаря неопровержимой - сколь бы грубой она ни была - грубой реальности, природной действительности. Сама земля, почва, на которой я стоял, - святая, а те, кто на ней живут, произвели на меня столь мощное впечатление, что я понял - я должен все решить здесь и сейчас. Здесь я уже не мог уклоняться от ответа на этот вопрос.

ВОПРОС. Какой вопрос?

ОТВЕТ. От ответа на вопрос - да или нет? Я должен был прямо ответить: верю ли я в действительность дара Божьего? Я это знал, но эти вопросы оставались для меня открытыми: разумность всего сущего, внутренняя логика, согласие разума и веры, короче говоря, все вопрошения людские.

Венцом нашего хождения в Святую Землю стал приход ко Гробу Господню. Я вошел в тесный, в те годы почти заброшенный Храм. Он еще не был тогда отреставрирован. Надо согнуться, чтобы, пройдя узкие врата, прийти ко Гробу. Монах, стоящий у двери, следит, чтобы входящие не стукнулись о притолоку. В руках у него свечечка, освещающая вам дорогу. Здесь нет почти никакой таинственности. Было душно. И я коснулся мраморной плиты, которая покрывает камень. Я тронул плиту ладонями, приложился к ней лбом, ощутив прохладу мрамора. И тут я в душе сказал себе: «Правда, что камень этот лежит перед тобой, что ты его трогаешь и что камень этот ничего не говорит ладоням твоим и сердцу твоему, и все чувства твои поглощает он, и тебе надлежит здесь дать ответ: всецело ли ты принадлежишь Христу Воскресшему, Богу Спасителю нашему, и внемлешь ли ты призыву Господа к избранному народу своему во имя искупления грехов мира. Если нет, изыди!» И в этот миг на меня снизошел свет, и наконец что-то свершилось в душе моей, и обо всем происшедшем можно сказать так: существуют доводы за и против веры, им нет числа, но они ничего не способны решить; все решает дело, - мое личное отношение к Тому (я признаю это), Кто меня создал, призвал, спас, Кто меня любит и способен свидетельствовать о том, что Он мне даровал. Вот каков был вопрос и каким было мое решение. Весь этот месяц я прожил в каком-то странном состоянии радости и печали.

Я впервые с гордостью открыл для себя землю предков моих, то есть — Государство Израиль.

ВОПРОС. Вы сказали о гордости. Это историческая или религиозная гордость?

ОТВЕТ. И та, и другая! Понимаете, это и гордость, и проблема. Я вспоминаю о споре, который продолжался всю ночь, с одним стариком русского происхождения. Он руководил сельскохозяйственной школой недалеко от Назарета. Спор шел об обмирщении. Мой собеседник был представителем светского сионизма; я ему говорил: «Вы сейчас пользуетесь запасами традиционного иудаизма, который вы отвергаете. Но тогда какие причины будут у ваших детей сражаться и выжить? Что помешает им покинуть родину, если вы не возьмете хотя бы малость из духовного наследия Израиля, если учесть, что Израиль вновь обретет весь смысл и всю

предначертанность? Вы верите в то, что создаете идеальное общество. На самом же деле вы питаетесь европейским утопизмом». Эти вопросы мне кажутся жизненно важными, и я от всей души желаю, чтобы они нашли ответы.

ВОПРОС. И что он вам ответил?

ОТВЕТ. Ответ получился сложный. Он мне сказал: «Бен Гурион снова начал молиться. А наше поколение начало вновь обретать духовное вопрошение к Богу». Но, главное, он сказал: «Доверяйте нам, мы строим Государство. Прежде всего дайте каждому гражданину ремесло и дом и постройте демократию».

ВОПРОС. Мне кажется весьма странным, что вы столь недоверчиво относитесь к национальному сознанию, к приверженности идеалам демократии, к культуре, и у вас такое ощущение, будто народ сразу будет раздавлен, если он когда-нибудь отойдет от Бога.

ОТВЕТ. Мы говорим об Израиле.

ВОПРОС: Ну да! И что? Почему эта страна, а не та? Вся суть проблемы заключается в том, как определить, какая земля — земля избранных, а какая — нет.

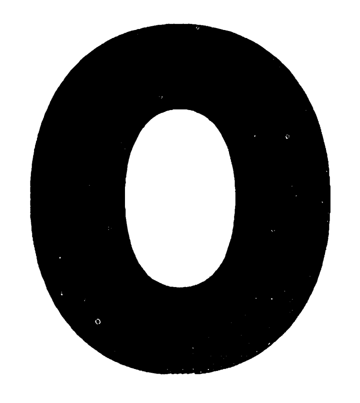
ОТВЕТ. Как вам сказать?.. Под безумным, запредельным вызовом, который бросает вам это Государство Израиль, скрытой частью айсберга являются четыре тысячелетия веры и жертв. Однако эта бесконечная история просто создана для того, чтобы построить социалистическое или мелкобуржуазное государство.

ВОПРОС. А почему бы нет? Почему вы не принимаете во внимание светское толкование всего, что происходит? Часть евреев, особенно из Восточной Европы, достаточно много страдали и пытались отыскать средства, чтобы их страдания прекратились. Существует ли какое-то религиозное или высшее оправдание страданий европейского народа или, может быть, надо наконец оставить израильтян в покое?

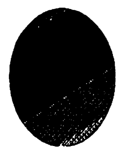
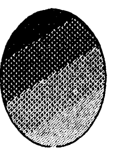
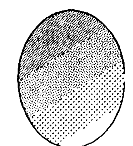
ОТВЕТ. Да, надо оставить израильтян в покое! Но как израильтяне смогут жить, если они забудут, кто они такие?

Перевел Рубен ВАРЖАПЕТЯН

Из книги: «Jean-Marie LUSTIGER. LE CHOIX DE DIEU. Entretiens avec Jean-Louis Missika et Dominique Wolton». Paris. Editions de Fallois. 1987, pp. 174-177.

Иосиф ГОЛЬДФАЙН (Москва)

1. О ТОМ, ЧТО НЕ ПОНЯЛ ДОКТОР ВЕРНЕР

Речь — о Печорине.

Перед дуэлью Григорий Александрович дважды выслушивает предупреждение своего секунданта доктора Вернера: его пистолет не будет заряжен пулей, т.е. смерть будет угрожать только ему, Печорину. На что Печорин требует от доктора даже нам±ком не выдавать своих подозрений.

Вернера удивило такое поведение. Возможно, непонятно оно и многим читателям «Героя нашего времени». Попробуем разобраться. Допустим, наш герой умен и рассудителен. Но что значит — умен? Сравнительно недавно и отчасти еще теперь под умом подразумевают способность к усвоению абстрактных наук, а все остальное, мол, эмоции. «Нужней... тонкостей юридических и философских книг простое познанье человека» (Н.В.Гоголь. «Мертвые души»). Предположим, Печорин умен как раз в этом смысле — хорошо знает людей. А будучи в приятельстве с Грушницким, он довольно узнал его характер и, конечно, мог предвидеть его поведение.

Посмотрим, как вел себя Грушницкий на дуэли.

«Колена его дрожали. Он целил мне прямо в лоб...

Неизъяснимое бешенство закипело в груди моей.

Вдруг он опустил дуло пистолета и, побледнев как полотно, повернулся к своему секунданту.

— Не могу, — сказал он глухим голосом».

Грушницкому тяжко стрелять в безоружного. И Печорин видит это, но чтобы сделать мучения противника еще невыносимее, предлагает стреляться на краю обрыва, тогда тот, кто будет ранен, сорвется вниз и все равно погибнет. Григорий Александрович записывает в дневнике: «Стреляясь при обыкновенных условиях, он мог целить мне в ногу, легко меня ранить и удовлетворить таким образом свою месть,

не отягощая слишком своей совести; но теперь...»

Тут вспоминается высказывание Е.Тарле о Талейране: «...что такое «совесть» — ему тоже приходилось изредка слышать из рассказов окружающих, и он считал, что эти курьезные свойства человеческой натуры могут быть даже очень полезны, но не для того, у кого они есть, а для того, кому приходится иметь дела с их обладателем...»

Поспорим со знаменитым историком, имея в виду не только Талейрана, но и нашего героя. Не может быть, чтобы человек, постоянно добивавшийся политических успехов, знал о совести лишь понаслышке, — ведь совестливость или бессовестность часто определяет само поведение людей; не понимая этого, Талейран просто не смог бы стать выдающимся политиком.

Но в замечании Е.Тарле скрыт вопрос: а может ли вообще бессовестный человек знать, что такое совесть? Вопрос помогает понять логическую схему повести М.Ю.Лермонтова. Поведение героев не противоречит здравому смыслу и логике только при одном условии: Печорин з н а л, что такое совесть, а у Грушницкого действительно б ы л а совесть. Чтобы убить (и выжить), Грушницкий должен был переступить через совесть. Он этого не смог — и погиб. Он мог спасти себе жизнь, в последний момент покаявшись перед Печориным. Но Грушницкий и этого не сделал, — видимо, не позволило

е г о понятие чести. Другое объяснение трудно найти.

При таком объяснении поведения героев в повести М.Лермонтова можно увидеть аналогию с «Преступлением и наказанием». Сам Ф.Достоевский так итожил идею романа: «Неразрешенные вопросы восстают перед убийцею, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце. Божья правда, земной закон берет свое...»

Раскольников перешагнул нравственную черту. Грушницкий преступить ее не смог. О том, что такая черта, такой предел у человека есть, Лермонтов даже не считает нужным писать прямо, но стоит лишь задуматься над поведением героев повести — и эту черту видишь отчетливо. Печорин идет под пулю совершенно спокойно, он з н а е т про совесть, и его спокойная уверенность доказывает силу нравственного закона куда убедительнее, чем рассуждения Порфирия Петровича из «Преступления и наказания». Да и в жизни непойманный убийца редко приходит с повинной. Гораздо чаще нормальный человек просто не совершает преступления.

А Печорин?.. Он достоин уважения хотя бы за свою веру в человека, — он ведь поставил на кон жизнь, предположив в своем противнике совесть. И — выиграл.

В этой предельно лаконичной повести затронута и другая весьма актуальная тема: как относиться к злу, как отвечать на зло? Грушницкий уязвлен Печориным, но, желая проучить обидчика, сам оскорбил его. Мало того, согласившись принять участие в коварном издевательстве над Печориным, Грушницкий сразу потерял контроль над событиями, став марионеткой в чужих руках, им манипулируют и драгунский капитан — малый бес, и Печорин — большой бес.

Судя по обширной литературе, посвященной «Герою нашего времени»,

Печорин часто вызывает восхищение, Грушницкий — насмешку. Впрочем, не легко понять, кто кому нравится и почему. Но не дай Бог вам иметь дело с Печориным!

2. О ПРИНЦИПЕ «ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА».

В последнее время много говорят о принципе «цель оправдывает средства» и о его трагических последствиях.

Но как тогда понять такие строки: «Жизнь герцога Энгиенского была государственная необходимость; и я именно вижу величие души в том, что Наполеон не побоялся принять на себя одного ответственность в этом поступке» — и даже совсем знакомое: «...для общего блага он не мог остановиться перед жизнью одного человека».

Да, это Пьер Безухов, «Война и мир».

Итак, великий писатель доводил до многочисленных читателей мысль о приоритете «государственных интересов», «высшего блага» над моралью и правом (в частности международным правом), которому вопиюще противоречил арест герцога на территории чужого государства. Более того, эти мысли вложены в уста симпатичнейшего персонажа, а ведь известно, что молодежь склонна подражать и образу действий, и образу мыслей любимых литературных героев. Вспомним хотя бы то, что сам Л.Н.Толстой писал о влиянии искусства на людей.

Вроде бы налицо пропаганда принципа «все дозволено ради благой цели», особенно опасная из-за художественных достоинств великого романа. Но, с другой стороны, вспомним знаменитые слова: «Это хуже, чем преступление — это ошибка». К сожалению, многие читатели «Войны и мира» не знают, что речь идет именно о казни герцога*.

Видимо, во время появления в свет романа все культурные люди были хорошо знакомы с историей наполеоновской эпохи. Они знали, что попрание норм международного права повредило и самому Наполеону, продемонстрировавшему всей Европе, что любые договоры с ним могут быть вероломно нарушены. Казнь герцога объективно способствовала созданию антинаполеоновской коалиции и уменьшила его возможности дипломатического маневрирования. Кстати, впоследствии Наполеон назвал главным виновником казни герцога Талейрана, т.е. постарался разделить ответственность. Но со временем все это забылось, многие читатели впервые встречают имя герцога на страницах романа и тут же забывают, а вот эмоциональная приемлемость этой казни в памяти остается.

В адрес русской литературы время от времени раздаются обвинения в ее «вредности». От них нельзя отмахнуться хотя бы потому, что такого мнения придерживался и Варлам Шаламов, которого нельзя обвинить в легкомыслии,

---

*** Эту фразу приписывают то Талейрану, то самому Наполеону. Если же верить мемуарам Фуше, знаменитые слова произнес он сам. Но в любом случае крылатая фраза выражает мнение наполеоновской верхушки.**

невежестве, русофобии и т.д. Конечно, о таком великом явлении, как русская литература, нельзя вести речь в столь простых терминах, как «вредно-полезно», она требует более серьезного отношения именно в силу своего величия и мощи. Если даже самое надежное техническое устройство опасно в неумелых руках, то и литературное произведение может стать разрушительной силой для невежи, для человека попросту неумного. Известны слова: «Культурный человек может читать все», но здесь надо подчеркнуть слово культурный.

3. О ПРИЕМАХ «ГУБИТЕЛЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ».

На страницах повести А.П.Чехова «Дуэль» постоянно обсуждают, осуждают Лаевского, много говорят о его дурных качествах, о его опасности для общества. Этот Лаевский в любой ситуации поступает так, как ему угодно и удобно, без стеснения берет взаймы, отнимает время, уводит чужую жену... При этом порядочные люди стремятся помочь именно ему, а не кому-то еще. По существу, милые интеллигентные люди становятся его соучастниками.

Почему?

Попробуем проанализировать некоторые из приемов Лаевского. Речь идет именно о приемах.

1. Он способен после весьма недолгого знакомства рассказывать о своих семейных тайнах, просить совета в весьма интимных делах, хотя о таких делах нормальные люди говорят только с близкими друзьями. Лаевский косвенным образом сообщает о своих дружеских чувствах, о своем доверии, и ему, естественно, платят той же монетой. Честерфильд в своих «Письмах к сыну» предупреждал об опасности, которую несут люди, после краткого знакомства говорящие о дружбе. Но не менее опасен человек, спешащий доверить вам свои тайны и просящий совета Честерфильд пишет, что иногда просят совета единственно с целью польстить человеку, — прием, особенно опасный для порядочных людей, ведь они не обсуждают чужие тайны и долго остаются в приятном заблуждении об исключительном уважении к ним со стороны Лаевского.

2. При мысли о Лаевском вспоминается эпиграф к «Евгению Онегину»: «Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще той гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием как в своих добрых, так и дурных поступках, — следствие чувства превосходства, быть может, мнимого». Лаевский ведет себя как человек, который чувствует себя морально сильным, ему все равно, что думает обыватель. У некоторых это может вызвать раздражение. Недаром на Лаевского быстро разозлился фон Корен, сам претендующий на исключительность. Но были и те, кто считал, что такая претензия на «превосходство» небеспочвенна. Что же касается женщин, то им (разумеется, не всем) даже импонирует, когда мужчина проявляет свое интеллектуальное и моральное превосходство над окружающими.

3. У Лаевского ярко проявляются все внешние признаки культурного

человека, поэтому ему удается паразитировать на российском уважении к культуре и к носителям культуры. Вспомните, как доктор Самойленко, не читавший Толстого, стушевался перед Лаевским, заговорившим о Толстом.

4. В разговорах Лаевский высказывает либеральные взгляды, но, повздорив с фон Кореном, обзывает его «немецким выходцем из жидов». Сия лексическая комбинация, возможно, и остроумна, но либеральные интеллигенты так не выражались.

До встречи с фон Кореном Лаевский относил себя к интеллигентам, что давало ему основание ожидать от окружающих уважения, терпимого отношения к своим «мелким» недостаткам. И окружающие признавали за ним это право. Но вот появляется фон Корен, «затмевающий» Лаевского, и тот ловко находит другой критерий для деления людей на более и менее достойных — национальный. Сам он, конечно, принадлежит к более достойным.

Иногда к более достойным Лаевский относит и собеседника, если ему это на руку: «Если бы мир принадлежал нам, то мы при своей доброте и благих намерениях...» Эта фраза произносится посреди длинного монолога, и на нее трудно обратить внимание. Вообще человек редко анализирует слова многоречивого собеседника во время приятельской беседы, поэтому подобные фразы, как хорошая реклама, незаметно действуют на подсознание. А Лаевский с их помощью «убивает двух зайцев»: с одной стороны, косвенным образом хвалит сам себя; с другой стороны, льстит собеседнику, которого также заносит в разряд людей «добрых и с благими намерениями».

5. Лаевский склонен к перемене мест. На новом месте его суть неизвестна, и он может снимать сливки со своего умения нравиться людям. Эта тема в русской литературе традиционная: окружающим неизвестно прошлое Печорина, и он многих делает несчастными; жители города NN только после скандала начинают выяснять, что из себя представляет Чичиков; случайность разоблачает Хлестакова.

6. Лаевский находится на государственной службе, — там бездельнику удержаться легче, чем в частном секторе.

7. Он легко идет на развод, предоставляя другим заботиться о брошенной им женщине. Фон Корен упоминает и о детях.

Но почему слабого, лживого, хотя и не злого человека мы называем «губителем цивилизации»? На эту тему многое сказано в повести. Добавим только: Лаевский — паразит. Поставить его на место удалось только фон Корену, который сам отнюдь не гуманист и не демократ. У человека, имеющего дело с Лаевским, может даже появиться неприязнь к культуре и к культурным людям. Возможно, отчасти этим объясняется столь едкая насмешка Ильфа и Петрова над духовным наследником Лаевского — Васисуалием Лоханкиным. Как только лаевских становится много, общество становится примитивнее. Мало того, государство, где лаевские играют значительную роль, обречено: вообразите его директором банка — все разворуют; представьте его судьей — опасные преступники окажутся на свободе, причем не по злой воле Лаевского, а просто потому, что он не умеет и не хочет

утруждать себя серьезным делом.

Мы не задаемся вопросом, сознательно ли хитрил Лаевский. Сам А.П.Чехов в письме к Суворину сообщал, что речь идет о лжи бессознательной. Возможно, здесь дает себя знать распространенный «задор: сыграть роль хоть вершком повыше той, которая ему назначена» (Н.В.Гоголь). Но окружающим от этого не легче. Вспомним, что и Хлестаков, совершенно не думая, стал играть роль «значительной персоны»; причем как только убедился, что его приняли за чистую монету, сразу стал брать взаймы.

4. ОБ ОДНОМ РАССКАЗЕ А.П.ЧЕХОВА

В «Записных книжках» Чехова можно прочесть: «Легкость, с какою евреи меняют веру, многие оправдывают равнодушием. Но это не оправдание».

Из этой записи видно, что перемену религии писатель осуждал, что, впрочем, вполне естественно, — осуждение ренегатства, прямое или косвенное, часто встречается у русских авторов.

И вот — рассказ «Перекати-поле», описывающий встречу писателя с крещеным евреем. Вначале автор относится к нему с явной иронией, однако пытается его понять, начинает спрашивать, но убедительного ответа не получает. Он присматривается к человеку, с которым случайно встретился, и постепенно находит в нем черты привлекательные. Т.е. писатель различает неприятное ему явление и человека, представляющего это явление, — человека несчастного, которому автор сочувствует.

И еще одна характерная для Чехова черта проявляется в «Перекати-поле»: он действительно хочет понять загадочное для него явление. Это удается ему лишь в малой степени, что вполне естественно — явление слишком сложное. И писатель ограничивается тем, что передает свои ощущения.

Чехов не из тех, кому все ясно. «Кто всегда и неизменно ясен, тот, по-моему, просто глуп», — сказал поэт и был прав. В отличие от многих, Чехов и не делает вид, что ему все ясно. Он дает пример внимательного и доброжелательного отношения к человеку. Именно к человеку, но не к явлению.

POSTSCRIPTUM

Почему в наше трагическое время столько внимания книгам, написанным 90-150 лет назад? Ответ банален: классика всегда современна. Но это не ответ. Важно другое. Классика многогранна. И нас заинтересовали темы, сверхактуальные в наши дни.

1. Печорин ставит под удар совесть противника и губит его, искусственно создав ситуацию, в которой более совестливый проиграл. В последние десятилетия подобное происходило в грандиозном масштабе. Длившаяся без

перерыва психологическая война в значительной степени сводилась к воздействию на совесть противника и его союзников. Происходили и более чудовищные вещи, когда политики сознательно ставили под удар гражданское население, а потом использовали погибших женщин и детей в своих целях. В частности, опять-таки для воздействия на совесть противников. Это происходило неоднократно на Ближнем Востоке и на Кавказе. Поэтому эта тема особо актуальна для евреев и для армян. Особо широко применяли воздействие на чужую совесть коммунисты и накопили в этом большой опыт. Наличие во всех странах, особенно в бывших коммунистических, большого числа таких печориных, зачастую достигших высокого общественного положения, — одно из зол, которые оставили после себя коммунисты.

Если в течение долгого времени постоянно и сильно воздействовать на людскую совесть, то совестливые люди неизбежно уйдут из активной жизни, если не из жизни вообще. Так что печориных надо остановить. В любом случае — порядочный человек должен быть готов к тому, что он окажется в положении Грушницкого. А зная об опасности, ее легче избежать. Об очень грозной опасности нас предупреждал М.Ю.Лермонтов.

2. Крайне актуально и наблюдение А.П.Чехова. Люмпен-интеллигент мгновенно переходит с либеральной позиции на социал-шовинистическую, как только он теряет возможность одновременно бездельничать, получать деньги от государства и пользоваться уважением.

3. Грушницкий проявил неразборчивость в средствах для наказания своего обидчика и был наказан. Но это художественная литература. Наполеон проявил неразборчивость в средствах для устранения своего политического противника и принес себе больше вреда, чем пользы. Это уже исторический факт. Может быть, знание истории поможет политикам понять наконец, как опасно нарушение моральных норм. Но важно понять, почему столь достойный молодой человек, как Пьер Безухов, одобрял «вульгарное» политическое убийство.

Пятница, 12 марта 1993 (12 Адара по еврейскому календарю) — День памяти рабби Иосифа РОЗИНА (1858-1936), одного из величайших талмудистов последних столетий.
Эти страницы «Ноя» написаны правнуком «гаона из Рогачева», названным в его честь — Иосифом ГОЛЬДФАЙНОМ. Он родился в 1945 г. в Москве. Его специальность: вычислительная математика. Предлагаемые заметки — первая литературная публикация нашего автора, с чем мы его от всей души поздравляем. — Редакция.

Наталья АБРАМЯН (Ереван)

СВОЕ И ЧУЖОЕ

Восточная притча повествует о шахе, который, проиграв войну, обратился к своему победителю со словами: «Почему ты теперь продолжаешь разрушать мое государство, ведь оно теперь твое?»

* * *

В 60-е гг. XVIII в. Жан Жак Руссо писал о частной собственности: «Первый, кто, отгородив участок земли, напал на мысль сказать «это мое» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы поверить ему, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, от скольких бед избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы своим ближним: «Остерегайтесь этого обманщика: вы погибли, если забудете, что плоды принадлежат всем, а земля никому!»

Спустя полвека после написания этих слов, во времена консульства Наполеона, был принят так называемый Гражданский кодекс. Давая ему оценку, Наполеон писал: «Моя слава не в том, что я выиграл сорок сражений... То, что будет жить вечно, это мой гражданский кодекс». Кодекс узаконивал частную собственность. В нем говорилось: «Право собственника, основное право, на котором покоятся все общественные учреждения, - столь же драгоценно для каждого человека, как и его жизнь».

А вскоре после принятия Кодекса Наполеона в той же Франции родился человек, который вошел в историю фразой: «Собственность — это кража». Это был Пьер Жозеф Прудон.

* * *

Как и многие ереванцы, я каждое утро вижу из своего окна Арарат. Он — наш, независимо от того, что находится сейчас на территории другого государства. Это очень обидно, печально, тяжело, но — непреложно.

* * *

В Берлине отливали новый памятник Иммануилу Канту, чтобы установить его на родине философа — в Кенигсберге (Калининграде). Тем самым немцы проявляют заботу о городе не потому, что признают его немецким или надеются вновь вернуть его, а потому, что Кенигсберг был немецким.

* * *

Спитакское землетрясение было действием слепых стихийных сил. Но погибшие там не были жертвами одной только стихии.

Землетрясение обнажило не только недра земли — оно вскрыло изнанку наших уродливых отношений: те инженеры, которые разрабатывали негодные для сейсмической зоны проекты, те рабочие, что воровали песок и цемент, — неужели они не думали, что жить в тех «карточных домиках» придется им самим? Ну, если не им, то их родственникам, друзьям, знакомым? Или даже — незнакомым?

* * *

Свое и чужое есть, конечно, и в языке, в последнее время это остро чувствуют многие. Но вот беда — определить, что свое, а что — нет, удается далеко не всегда. Так, например, когда наши парламентарии на волне гражданского пафоса борются за замену русского (как им кажется) слова «империя» на исконное армянское (как им кажется) слово «кайсутһйун», они на самом деле заменяют одно слово латинского происхождения на другое — тоже из латыни.

* * *

Мы привыкли рассуждать так: общественное — значит, ничье, а если ничье — значит, можно с ним делать все, что угодно.

А что мешает нам подойти с другого конца: ничье — значит, общее; общее — значит, и мое тоже, а раз мое, то и беречь надо как мое.

* * *

Из моих окон виден кусок рощи у Парка Победы. Это — часть лесного массива, в течение ряда лет посаженного Ниной Михайловной Даниелян и ее сподвижниками.

Пятнадцать лет назад на ближнем к нашей улице участке вспыхнул пожар. Травы и деревья горели прямо под окнами людей, живущих на краю ущелья. И мне казалось, что вот-вот они выбегут с ведрами воды. Чем-то занятая, я время от времени глядела в окно туда, но пламя продолжало бушевать. «Наверное, уже вызвали пожарных», — подумала я. Но и пожарные не появлялись.

Преодолевая неловкость («Небось им уже все уши этим пожаром прожужжали!), я все-таки набрала 01. «Как хорошо, что вы позвонили, — раздался взволнованный женский голос. — А то наши наблюдатели пожар засекли, но как туда проехать, мы не знаем...»

Пожар погасили быстро.

Прошли годы, и почерневшие склоны вновь зазеленели. Правда, новые деревья так и не выросли.

А этой весной, гляда туда, видим новую, прелестную картинку: те же люди, которых пожар оставил равнодушными, уже успели разбить там террасы, вскопать землю, посадить картошку и лук. Земля-то ничья!

* * *

Естественно, что национальное сознание возвеличивает, превозносит своих гениев: художников, врачей, астрономов, историков... Но человек, привыкший отдавать себе отчет, все же спросит себя: а за что я их люблю — за то, что они «свои», или еще за что-то?

* * *

Как мудро, как правильно советует китайская поговорка: «Люби своих детей немного как чужих, а чужих — немного как своих».

Опубликовано с сокращениями в газ. «Голос Армении» 1 августа 1992 г.
Гонорар за эти заметки автор просит перечислить в фонд нашего издания, что мы с благодарностью и делаем. — Редакция.

Игорь БАРСЕГЯН (Ереван)

УЧЕНЫЙ И ВЛАСТЬ

(наблюдения и сравнения)

С признанием огромной роли науки в жизни современных государств возникает этическая проблема использования науки и ученых. Силу науки использует власть, и ее умелое использование усиливает власть, связь которой с наукой, в свою очередь, усиливает влияние ученых в общественной жизни. Таким образом, формируется взаимный интерес ученых и власти. Безусловно, что с изменением структуры и содержания властных отношений меняются и способы использования науки, как бы отрицательно мы ни относились к самому факту такого использования.

За годы существования Советской власти сложилась определенная система организации науки, основными чертами которой, на мой взгляд, являлись централизация и унификация: во-первых, вся научная деятельность была в основном уложена в «прокрустово ложе» Академии наук; во-вторых, и союзная, и республиканские академии строились по одному принципу без учета культурно-исторического контекста и традиций. Впрочем, эти черты были присущи всей системе властных отношений в СССР.

После распада Советского Союза остатки, воплощающие манию имперского гигантизма, уцелели, и теперь мы стоим перед тревожным вопросом, что с ними делать, если сохранить их мы не в состоянии, уничтожить до основания, как это делалось в 1917 г., не хотим, тем более что в сфере интеллектуально-духовной такие радикальные меры бесследно не проходят.

Я не берусь дать однозначный ответ на вопрос, что делать с армянской Академией наук: упразднить или сохранить? Не буду обсуждать и многие — провалившиеся — попытки ее реформировать. Я ставлю иную, более близкую моей специализации культурно-антропологическую задачу — изучение международного и, точнее, регионального опыта научного строительства на основе выявления достаточно принципиальных общих культурно-исторических, культурно-психологических и геополитических оснований. В этом отношении мне представляется достаточно показательным опыт строительства науки в Израиле —

малой стране с большой наукой; это я подчеркиваю специально, ибо не согласен, что малая страна способна иметь лишь малую науку.

С конца 60-х гг. в израильской науке произошли существенные изменения: в структуре научно-исследовательских программ значительное место стали занимать прежде всего прикладные исследования, а в настоящее время экспорт израильской продукции, полученной на основе достижений прикладной науки, достигает почти 5 млрд.долл. в год. Наибольших успехов израильские ученые добились в таких областях, как медицинская, электроника, агротехнология, генетика и селекция сельскохозяйственных животных и растений, контроль за загрязнением окружающей среды, использование солнечной энергии, компьютерная техника, программное обеспечение компьютеров. Сегодня в Израиле наукоемкой индустрии принадлежит более 2 процентов валового национального продукта (в США — 2,3 процента).

Теперь о самом главном — о взаимоотношениях государства и науки, власти и ученых. Первоначальные капиталовложения в наукоемкие производства субсидируются исключительно правительством, — они составляют до половины необходимых средств. Эти затраты государства на развитие прикладных отраслей науки очень выгодны, т.к. *до половины субсидируемых проектов окупают себя уже в течение первых десяти лет.*

По словам профессора Юваля Неемана, министра науки и технологии, «Израиль, со всех сторон окруженный врагами, построил свою оборону на использовании высокоразвитой технологии и теперь экспортирует на Запад наиболее современные средства защиты». Например, доход от продажи продукции только авиационной промышленности на Запад составил более 1 млрд.долл.

Основу правительственной стратегии в науке и образовании составляют два основных принципа: децентрализация, стимулирующая инициативу ученых, и координация, способствующая эффективности научной деятельности. Вспомним в этой связи, что у нас до сего дня основным принципом организации науки является централизация, реализующаяся в академической-иерархии, и одновременное отсутствие координации, выражающееся в дублировании тем и проектов в различных научных структурах и подразделениях.

Для эффективного осуществления координации большинство исследовательских комплексов, пользующихся государственной поддержкой, находится под прямым контролем *главных ученых* соответствующих министерств-заказчиков. Кроме того, министр науки и технологии одновременно исполняет обязанности председателя Государственного комитета науки и технологии и председателя Форума ученых.

При Министерстве науки и технологии создан

Национальный совет по науке и технологии, включающий в свой состав ученых, инженеров и промышленников, главных ученых министерств и других выдающихся представителей общества; совет консультирует министерство по вопросам стратегии научной политики и ее приоритетов. Для реализации этих целей при Министерстве науки и технологии создан Фонд стимуляции и поддержки фундаментальных исследований, который проводит ежегодные конкурсы на лучшие проекты, присуждая победителям гранты сроком на 2-3 года.

Высока степень автономии и, следовательно, децентрализации израильс-

ких университетов, статус которых утвержден правительством на основе рекомендаций независимого Комитета высшего образования. 25 членов Комитета, две трети из которых выдающиеся ученые, утверждаются президентом страны по предложению министра просвещения и культуры. При Комитете создан Совет по планированию и финансированию, шесть членов которого участвуют в определении и распределении государственного бюджета на высшее образование.

Таким образом, прикладные исследования в основном финансируются по рекомендациям главных ученых соответствующими министерствами, причем это финансирование составляет до половины требуемых капиталовложений. Остальное «добывается» из различных фондов, от фирм и т.д.

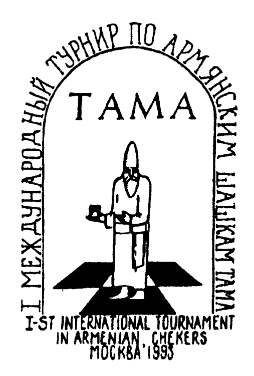
Фундаментальные исследования частично финансируются Фондом стимуляции и поддержки фундаментальных исследований при Министерстве науки и технологии по рекомендации Национального совета по науке и технологии, а отчасти университетами, в которых проводятся эти исследования. Кроме того, в финансировании участвуют частные меценаты. Такова в целом финансовая инфраструктура фундаментальной и прикладной науки в Израиле.

А как же Академия? Она представлена пятьюдесятью самыми выдающимися учеными Израиля, в распоряжении которых находятся различные фонды, организуемые при поддержке государства и меценатов: Фонд стипендий для поддержки молодых исследователей; Фонд Адлера, предназначенный для изучения космоса; Фонд развития электроники; Фонд фундаментальных исследований, располагающий 10 млн.долл. в год на поддержку небольших исследовательских проектов, рассчитанных на 2-3 года. Все эти фонды поддерживают фундаментальные исследования.

Инфраструктура фундаментальных исследований в Израиле по своей мощности и разветвленности сравнима с наукой ведущих держав, намного превосходящих Израиль по размеру и богатству. В подтверждение приведем такой факт: начиная с 1960 г. научные публикации израильских ученых составляют примерно 1% мировой научной продукции, а это является одним из основных показателей развития науки и ее вхождения в мировое научное сообщество.

Как видим, Израильская АН в сравнении, скажем, с Армянской АН не является учреждением, ведущим научные исследования в прямом смысле этого слова, — она скорее некий «клуб» выдающихся ученых, которые, располагая через фонды финансами, могут оказывать влияние на формирование научной политики и ее приоритетов, не имея возможности «командовать» наукой, хотя власть денег — самая сильная форма власти. Собственно исследования ведутся вне рамок АН, в основном в восьми университетах, имеющих право присуждать ученые степени. В дополнение к стандартному набору учебных факультетов во многих университетах созданы исследовательские центры и институты, в которых проводятся фундаментальные исследования, при этом только 15% необходимых средств поступает из доходов самого университета (плата за обучение и др.), примерно 15% дает правительство, а основные суммы, необходимые на исследования, израильские ученые добывают сами, с помощью системы грантов, получаемых как от своей Академии, так и от самых различных международных научных организаций. В то время как у нас вся фундаментальная наука сидела «на шее» государства.

Не станем доказывать важность израильского опыта для Армении — это увело бы в сторону от основной темы, однако этот опыт убеждает (возможно, только меня) в том, что современная система науки и научных исследований в Армении нежизнеспособна и крайне неэффективна. Такая система была хороша для имперской власти в условиях жесткой централизации, когда все было сосредоточено в одном месте, в том числе ученые в одном «загоне» — Академии наук. Государство содержало их там, используя по мере надобности, иногда и на убой. Для новых властей эта система непригодна уже потому, что нет средств для содержания такого большого «загона». Вот почему происходят процессы децентрализации или «высвобождения» ученых из-под власти Академии, к которой мы все привыкли. Но свободный ученый — это безработный ученый, и теперь задача власти создать ту финансовую и организационную инфраструктуру, в которой ученый мог бы быть «использован». А для этого необходима система фондов — не только при правительстве, но и независимых — академических и внеакадемических, и эти деньги должны «зарабатываться» международным научным признанием со стороны как отдельных ученых, так и исследовательских коллективов. Но это уже тема другой статьи.

ИГРА? ИГРА!

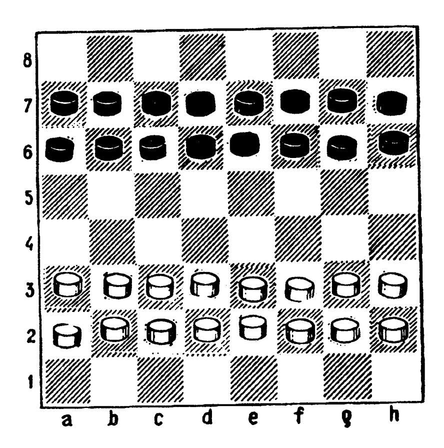
Армянские шашки называются тама. Их описывает тбилисский кандидат в мастера спорта Джамал Кармазян.

Поединки ведут на обычной 64-клеточной доске. У каждого партнера по 16 шашек, расположенных в две шеренги (диаграмма 1)

Заира Веселая в книге «Игра принимает всех» утверждает: «Игра старше любой из наук, старше всех видов искусств, игре столько же лет, сколько человечеству». И мы с ней совершенно не спорим! Дальнейшая цель доказательства такова: «Когда на Земле появился человек разумный, окружающая действительность незамедлительно стала навязывать ему ситуации, которые современные ученые определяют как игровые. А ставкой в этих играх была жизнь».

Но при чем здесь армяне и евреи? Во-первых, они везде и всегда при чем. А во-вторых, они имеют отношение к шашкам. Им (в данном случае шашкам) не повезло — они до сих пор не унифицированы; у многих народов есть свои шашки, но никто не собирается объединяться — ведь каждый народ принес в игру свое. Именно многообразие шашек лишило их возможности стать конкурентами шахмат, хотя Эдгар По утверждал, что «непритязательная игра в шашки требует куда более высокого умения размышлять и подает уму больше сложных и полезных задач, чем мнимая изощренность шахмат» («Убийство на улице Морг»).

Диаграмма 1

Дамочные поля обоих сторон свободны, поэтому от соперников требуется осторожность.

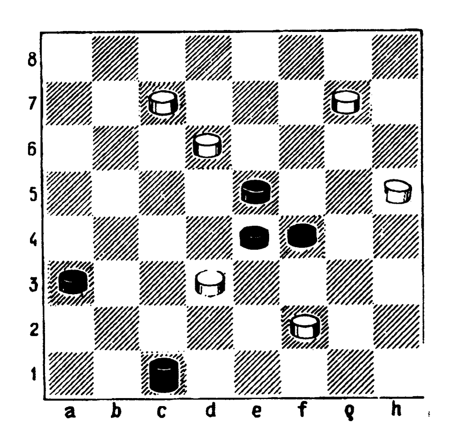
Шашки ходят на одно поле вперед (по вертикали) или в сторону (по горизонтали), но не по диагонали. В этих же направлениях совершается взятие, перескакивая через шашки противника. Ходить или бить назад нельзя. Достигнув последней горизонтали, простая шашка превращается в дамку. В тама дамка дальнобойная и может ходить через

любое количествов полей во всех направлениях — по вертикали, горизонтали и диагонали. Взятие обязательно и проводится в том направлении, где снимается наибольшее число шашек соперника. Если в двух или во всех трех направлениях количество уничтожаемых шашек одинаково, выбор зависит от игрока. Побитые шашки снимаются с доски только после окончания всего хода. При сложном взятии, то есть при взятии нескольких шашек за один ход, каждую побитую шашку противника принято переворачивать сразу по ходу взятия. Это делается для того, чтобы не перескакивать дважды за один ход через одну и ту же шашку.

Так же, как и в обычных шашках, выигрыш достигается уничтожением всех сил противника либо запиранием оставшихся у него шашек.

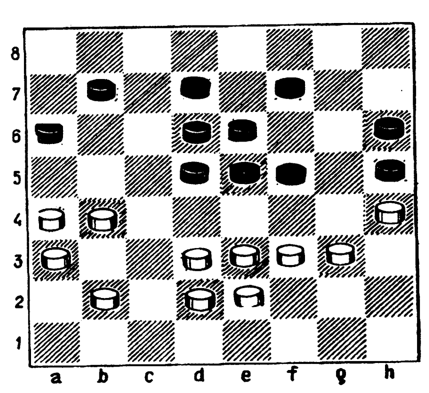
Особенности и прелесть армянской игры в тама иллюстрируют следующие примеры.

Диаграмма 2

1. h5-g5 c1:c8 2. d3-d4 e4:c4 3. f2-f3 f4:f2 4. d6-c6 c8:c5 5. g5-f5 e5:g5 6. g7-g8. Белые атакуют силы соперника одновременно по двум направлениям: по диагонали a2-g8 и по вертикали g1-g8. Черные не могут избежать потери всех шашек. Например, 6...a3-a2 7. g8:g1:d4:a7:a1 c4-b4 8. a1-a2, и последняя черная шашка гибнет.

Диаграмма 3

Своим последним ходом черные напали на шашку h4, рассчитывая на 1. g3-h3 ответить 1...h6-g6! 2. h4:h6:f6:f8:c5 d5:b5:b3:b1:h4 с разгромом, а в случае 1. h4-g4 следует 1...h5-h4 с выигрышем шашки или прорывом в дамки. Но у белых есть выигрышная комбинация:

1. d3-d4! d5:d1 2. a4-a5! a6:c2 3. e3-e4 e5:e1:a5 4. g3- h3 d1:g4 5. h4:f8:a3:a7:c7:e2:b2X. Обаятельно!

У евреев «своих» шашек пока не обнаружено, хотя они приложили руку к

принесенным арабами в Испанию игре «алькерк 5Х5». Она упоминается в разделе «Мельница» знаменитой рукописи (1283) короля Кастилии и Леона Альфонса X Мудрого, посвященной комбинационным играм. Слово «шашки» в ней не упоминается, но «алькерк» весьма напоминает их. В 1913 г. книга короля Альфонса была издана в Лейпциге, академик-востоковед Иосиф Орбели назвал ее памятником исключительного историко-культурного значения.

Однако не только евреи, но и армяне играют в «чужие» шашки, и весьма успешно. Так, Виталий Габриелян установил своеобразный рекорд, завоевав 12 медалей чемпионатов по русским шашкам; он четырехкратный чемпион СССР. У шестикратного чемпиона Зиновия Цирика 9 медалей. Чемпионами и призерами были также гроссмейстеры Юрий Арустамов, Борис Блиндер, Владимир Вигман, Вениамин Городецкий, Марат Коган, Исер Куперман, Семен Натов, Аркадий Плакхин, Михаил Рахунов, Левон Саядян, Борис Симонян, Маркиел Фазылов.

Вениамин ГОРОДЕЦКИЙ,
Гроссмейстер

НЬЮ-ВАСЮКИ НА ШАШЕЧНОЙ ОСНОВЕ

Московский писатель Вардван Варжапетян человек серьезный, но склонный к мечтаниям. Хотя самая дерзкая его мечта — издание первого в мире армяно-еврейского альманаха осуществилась: вышли уже три номера «Ноя».

Теперь ему не дает покоя прожект, который невольно заставляет вспомнить фантазии Остапа Бендера о проведении в Васюках «первого в истории мироздания междупланетного шахматного конгресса». На этот раз речь идет о шашках, а точнее, о древней армянской игре «тама». Турнир предполагается провести в Москве осенью 1993 года, и хотя не «междугалактический», но вполне международный — с участием игроков из Армении, России, Грузии и Израиля. Ибо, как считает главный редактор «Ноя», только в этих странах еще есть люди, умеющие играть в «тама». Призовой фонд — 5 тысяч фунтов стерлингов. Теперь дело за малым — найти спонсоров. «МН»» надеются быть аккредитованными на этом турнире.

Татьяна АНДРИАСОВА

«Московские новости», N1, 3 января 1993
Справки по тел. (095) 386-25-63
А также по адресу:
113534 Москва а/я 11

ДАТЫ АРМЯНСКОЙ ИСТОРИИ

кон. XIII в. до н.э.

Ассирийский царь Тукултининурта I, перевалив через Армянский Тавр, сразился с войсками 43-х племен Наири. После его походов территории, окружающие озера Ван и Урмия, в ассирийских текстах стали называть страной Наири.

ок. 1280 г. до н.э.

Ассирийский царь Салманасар I проник с юга на Армянское нагорье и «за три дня» (в трех сражениях) разбил ополчение союза урартских князей «уруатри» в районе оз.Ван.

1111 г. до н.э.

Тиглатпаласар I, разгромив объединенные войска «60 царей Наири», пленил вождей, но отпустил их, взамен оставив заложниками царских сыновей.

883 г. до н.э.

Первое упоминание Урарту ассирийским царем Ашшур-нацирапалом.

810 г. до н.э.

Воцарение Минуа, сына Ишпуини.

775 г. до н.э.

Аргишти I основал в центре Араратской долины город Аргиштихинили (впоследствии Армавир).

ок.760 г. до н.э.

На престол Урарту взошел Сардури II, сын Аргишти I.

конец IV в. до н.э.

13-я сатрапия Ахеменидского Ирана разделилась на Малую Армению и Софену (это Цупа урартов, Цопк средневековых армян).

ок. 240 г. до н.э.

Царь Аршам основал в Софене город Аршамашат.

189-ок.160 гг. до н.э.

Царствование Арташеса I.

94 г. до н.э.

Тигран II заключил союз с царем Понта Митридатом VI Евпатором, женившись на его дочери.

83 г. до н.э.

Тигран II завоевал Сирию и Финикию.

69 г. до н.э., 6 октября

Римляне под командованием Лукулла разбили на р.Никефорион войско Тиграна II.

67 г. до н.э.

Тигран Младший восстал против отца — Тиграна II, но, потерпев поражение, бежал к парфянам.

55 г. до н.э.

На армянский престол взошел Артавазд II (55-34 гг.), сын Тиграна II.

53 г. до н.э.

Марк Красс погиб в битве римлян с парфянами. Полководец Сурен послал голову Красса царю Парфии, который находился в Арташате на свадьбе своего наследника с дочерью армянского царя Артавазда.

ок. 37 г. до н.э.

Армянские войска вошли в Иерусалим. По приказу армянского царя Тиграна II пленных евреев во главе с царем Иудеи Гирканом переселили в г. Ван.

34 г. до н.э.

Марк Антоний подарил египетской царице Клеопатре плененного армянского царя Артавазда II и его семью. Три года спустя Артавазд был казнен.

20-6 гг. до н.э.

На армянском престоле Тигран III — ставленник римского имп.Августа Октавиана.

8-5 гг. до н.э.

Правление Тиграна IV, сына Тиграна III.

5 г. до н.э.

Римляне, свергнув Тиграна IV, возвели на трон Артавазда III, брата Тиграна III.

54-64 гг. н.э.

Война Рима с Арменией и Парфией.

60

Римляне возвели на трон своего ставленника Тиграна VI.

215

Поход на Армению римского имп.Каракаллы.

252

Смерть царя Трдата II.

298

На армянский престол взошел (с помощью римского имп. Диоклетиана) Трдат III (287—330). Мирный Нисибинский договор между Ираном и Римом, восстановивший целостность Великой Армении.

330-338

Царствование Хосрова III.

337

В Армению вторглись войска персидского царя Шапура II.

338	После смерти Хосрова III армянский престол наследовал его сын Тиран (338-350).
350	Тирану наследует его сын Аршак II (350-367).
353	Армяне стали пользоваться таблицами летоисчисления, составленными Андреасом Бюзандаци на двести лет.
370	На армянский престол взошел царь Пап (ум. в 378 г.).
378	Римский полководец Траян, пригласив в гости царя Папа, отравил его.
378-389	Царствование Аршака III, сына Папа.
535	Эдикт имп. Юстиниана о наследственном праве армян, распространение византийских законов в Зап. Армении.
630	Воздвигнут храм св.Гаянэ в Эчмиадзине.
650	Третий поход войск Адрабского халифата на Армению (первый — в 640 г., второй — весной 643 г.).
652	Армения признала верховную власть халифа.
703	Антиарабское восстание Смбата Багратуни.
890	Начало царствования Смбата I, сына Ашота I. Царь Смбат был казнен арабами в 914 г.
952-977	Царствование Ашота, сына царя Абаса.
957	Воздвигнут Ахматский монастырь.
967	Воздвигнут Санаинский монастырь.
973	Образование Сюникского царства.
977-989	Царствование Смбата II Миродержца, сына Ашота III Милостивого.
989, зима	После царя Смбата в Ани воцарился его брат Гагик I (до 1020).

1021
Последний царь Васпуракана Сенекерим Арцрунн уступил свое царство Византии, а сам переселился в Себастию.

1042
На престол взошел шестнадцатилетний Гагик II (1042-1045).

1054
Разделение христианской церкви на Западную (Римскую католическую) и Восточную (Византийскую православную).

1065
Передача Карсского царства Византии; переселение Гагика Карсского в Каппадокию.

1071-1086
Княжество Филартоса Варажнуни на юге Малой Армении.

1080
Основание Рубенидами Киликийского армянского государства.

1123, август
Грузинский царь Давид Строитель,поддерживаемый армянским населением, освободил Ани - столицу армянского царства.

1184
Врач Мхитар Гераци завершил труд «Утешение при лихорадках».

1199-1200
Грузино-армянские войска под командованием князя Закарэ освободили от сельджуков Араратскую и Ширакскую равнины, Ани, Амберд, Бжни.

1236
Начало нашествия монголов под командованием Чармагана на Армению и Грузию.

1239
Церковный Собор в Киеве осудил еретика армянина Мартина, проповедовавшего объединение армянской, католической и православной церквей.

1268
Художник Торос Рослин завершил «Малатийское евангелие».

1268
Падение Антиохийского княжества, заключение мирного договора между Киликийским армянским царством и Египтом.

1270-1289
В Киликии царствует Левон III.

1289-1305
Гетум II, царь Киликии.

XIV в.
Князь Федор Дмитриевич позволил армянам селиться в Галицкой Руси.

1307, 1316
Борьба царя Ошина за унию с католической церковью на соборах в Сисе и Адане.

1320-1342

Левон V, царь Киликии.

1385-1399

В «Любекской хронике»», составленной летописцем Детмаром, приводятся сведения об армянах.

1398

В Каменец-Подольском построена первая армянская церковь.

1441, май

Собор епископов и вардапетов (монахов-ученых) узаконил решение о перенесении престола католикоса всех армян в Эчмиадзин.

1464

В Османской империи впервые введена повинность для армян — «сбор отроков»: из каждых десяти мальчиков турки забирали одного. Султан Мурад IV в 1637 г. отменил эту повинность, однако есть много доказательств, что «сбор отроков» продолжался до 1750 г.

1486

В первой иллюстрированной научной книге, отпечатанной на родине книгопечатания — в немецком городе Майнце, — опубликована таблица алфавитов: еврейский, армянский, греческий, сирийский, коптский и арабский. Таким образом, армянский алфавит является одним из первых в мире печатных алфавитов.

1553

Турецкие войска вошли в Ширак.

1583

Султан Мурад III повелел всем немусульманам в Османской империи носить головные уборы, отличающие их от мусульман: армянам - цветастые, евреям — оранжевые, грекам — голубые.

1648, 2 апреля

Землетрясение в Ване. «И так велико было число умерших, что их погружали на телеги и вывозили за черту города; не хватало могил, чтобы хоронить каждого в отдельности, (поэтому) выкопав землю, рыли большие ямы и, завернув в холстину по восемь или десять трупов, опускали их в яму и засыпали землей». (Аракел Даврижеци. Книга историй.)

1660

Маттеос Цареци основал типографию в Амстердаме.

1695

Первое издание «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци на армянском языке (Амстердам).

1714

В Ливорно (Италия) построена армянская церковь.

1727, июль

Ополченцы Арцаха нанесли поражение сорокатысячному турецкому войску.

1834

В Падуе открыта армянская школа Мурадян.

1836

В Венеции открыта армянская школа Рафаэлян.

1862, лето

Восстание армян Зейтуна.

1911

Суд над партией Дашнакцутюн; среди защитников на процессе — Александр Керенский и Павел Милюков.

1919, 28 февраля

В Париже начал работу Панармянский Конгресс.

1933

XXII Общее собрание (высший орган партии «Дашнакцутюн», аналогичный съезду) приняло решение о прекращении деятельности партии на территории Армении.

1935, 22 октября

В Парижском предместье Виль-Жуиф (Еврейский городок), в больнице для душевнобольных умер великий армянский композитор Комитас (род. 1869).

1946

Папа Пий XII возвел в сан кардинала патриарха армян-католиков Григора-Петроса Агаджаняна (1895-1971).

1956, 7 ноября

На праздничной демонстрации в г. Ярославле десятиклассник Виталий Лазарянц пронес перед трибуной лозунг «ТРЕБУЕМ ВЫВОДА СОВЕТСКИХ ВОЙСК ИЗ ВЕНГРИИ». За что и был приговорен Ярославским областным судом к трем годам лишения свободы.

1965, 6 марта

В районе оз. Севан выпал красный снег, а в Апаранском районе — желтый; снег окрасила красная и желтая пыль из Африки, занесенная воздушными потоками.

1987, 18 июня

Европейский парламент принял резолюцию, осудившую геноцид армян в Турции в 1915 г.

1987

Первая манифестация в Ереване в поддержку независимости Арцаха (Нагорного Карабаха).

1988, 20 февраля

Сессия Верховного Совета Нагорно-Карабахской автономной области приняла решение (голосами депутатов-армян) о выходе НКАО из состава Азербайджанской ССР.

1988, 19 сентября

Армяне подожгли дома азербайджанцев в Степанакерте. Азербайджанцы подожгли армянскую церковь и школу в Шуше.

1988, 10 декабря

Арест в Ереване лидеров комитета «Карабах» (освобождены 31 мая 1989 г.).

1990, май

Погром армян и евреев в Андижане (Узбекистан).

1990, 8 августа

Партия «Дашнакцутюн» заявила о своем возрождении в Армении.

1990, декабрь — 1991, январь

Армянские погромы в Баку.

1991, январь

1991, ноябрь

В Москве возобновлена деятельность армянской общины (число армян в столице России — ок. 50 тыс. чел.).

1992, 24 апреля

В Москве вышло первое в мире армяно-еврейское периодическое издание — вестник «НОЙ».

1992, 9 мая

Отряды самообороны Нагорно-Карабахской Республики взяли райцентр Шушу, откуда за шесть месяцев азербайджанцы выпустили по Степанакерту 5.000 ракет и снарядов, в результате чего III человек погибли, 332 были ранены.

1992, май

В Иерусалиме состоялось первое собрание общества дружбы «Армения — Израиль».

1992, 19 ноября

Папа Иоанн Павел II созвал в Ватикане синод Армянской католической церкви.

ДАТЫ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

1270 г. до н.э.

Исход из Египта — подробно описанное в Торе событие, которое в еврейском национальном самосознании стало решающим фактором, определившим становление еврейского народа и его веры. «Во всяком поколении обязан человек рассматривать себя так, как будто он сам вышел из Египта» (Псах. 10:5).

640 г. до н.э.

Восшествие на престол Иудеи восьмилетнего Иосии, сына убитого Амона. В 609 г. Иосия погиб в сражении с египтянами у Мегиддо.

168 г. до н.э.

Войска Антиоха IV Эпифана (176-164 гг.) взяли Иерусалим. В крепости размещен греческий гарнизон.

152 г. до н.э.

Селевкидский властитель Александр Балас назначил Ионатана первосвященником и пожаловал ему звание «друг царя». С тех пор 150 лет первосвященниками становились только представители дома Хасмонеев.

142 г. до н.э.

Деметрий II освободил Иудею от уплаты дани. После более чем четырехвекового угнетения Иудея обрела независимость; ее правителем стал Шимон, брат погибшего Иуды и казненного Ионатана.

95 г. до н.э.

Александр Яннай, внук Шимона, полностью овладел морским побережьем от горы Кармел до границы с Египтом (за исключением Ашкелона, оставшегося независимым эллинистическим анклавом).

63 г. до н.э.

Помпей переселил в Италию евреев, плененных в Палестине.

43 г. до н.э.

Римский наместник в Сирии Кассий продал еврейское население Лода в рабство за неуплату налогов.

40 г. до н.э.

Антигон II, племянник Гиркана, с помощью парфянских войск овладел Иерусалимом. Гиркан уведен парфянами в плен, а Ирод, сын Антипатра II, назначенный отцом править в Галилее, бежал

в Рим, где был объявлен Иродом I — царем Иудеи.

37 г. до н.э.

После пятилетней осады Ирод I с помощью римлян захватил Иерусалим.

4 г. до н.э.

Смерть Ирода I. Царство разделено между его сыновьями Архелаем, Иродом Антипой и Иродом Филиппом I. Своих сыновей Александра, Аристобула и Антипатра Ирод обвинил в заговоре и велел казнить.

26-36 гг. н.э.

Наместничество Понтия Пилата в Иудее.

66

Начало антиримского восстания в Иудее. Повстанцы во главе с Шимоном Бар-Гиора атаковали корпус Цестия Галла в ущелье Бет-Харон и разгромили римлян.

73

Иолнатан-Ткач, «пророк-пустынник», бежавший после поражения евреев в Иудейской войне в Кирену, поднял бунт еврейской бедноты, воспользовавшись которым римский правитель Валерий Катулл казнил ок. 3 тысяч богатых евреев и конфисковал их имущество.

81

Синагога в Пантикапее (Керчь).

135, июль-август

Римляне захватили крепость Бетар в Иудейских горах — последний оплот восставших. Гибель Бар-Кохбы.

335

На месте предполагаемого погребения Иисуса Христа воздвигнут Храм Гроба Господня. Византийские власти запрещают евреям паломничество в Иерусалим, за исключением 9 Ава, когда им разрешалось молиться на Масличной и Храмовой горе, превращенной в мусорную свалку.

423

Кровавый навет на евреев г. Инместар близ Антиохии, обвиненных в распятии христианского мальчика, вызвал погром и разрушения синагоги в Антиохии.

472

Иранский властитель Пероз истребил половину евреев Исфахана по обвинению в убийстве двух жрецов.

582

Синагога в Париже.

614

Эдикт имп. Ираклия, запрещающий исповедание иудаизма в Византии.

626

Эдикт короля Франков Дагоберта I, запрещающий исповедание иудаизма в Галлии.

629

Иерусалим вновь захвачен византийцами. За сотрудничество с персами еврейская община почти поголовно вырезана, евреям запрещено жить в Иерусалиме.

638, апрель

Арабский халиф Омар ибн ал-Хаттаб взял Иерусалим. Евреям разрешено жить в Иерусалиме.

711

Мавры захватили Гранаду, разместив в городе гарнизон из мавров и евреев.

882

Первая синагога в Каире.

X в.

Иегуда бен Давид Хайюджи (ок. 945 — ок. 1000) написал труды, в которых установил принцип трехбуквенности еврейских корней, сыгравший огромную роль в развитии гебраистики.

ок. 917

В Майнц (Германия) переселились из Лукки (Италия) несколько членов семьи Калонимос, основавшие в Майнце еврейскую общину.

970

Самое раннее свидетельство о евреях в Праге.

1029

В Иерусалиме осталось всего около 50 евреев.

1037

Закончено строительство новой городской стены Киева, в ней были и Жидовские ворота.

1039

Шломо ибн Габироль (ок. 1021-1052) пишет три элегии на смерть Иекутиэля ибн Хассана, относящиеся к величайшим творениям еврейской поэзии.

1066

Еврейский погром в Гранаде. От рук мусульман погибли почти все евреи, в том числе глава общины Иосеф ха-Нагид, сын великого поэта Шмуэла ха-Нагида.

1071

Завоевание Иерусалима турками-сельджуками.

1099

Осада Иерусалима крестоносцами. Часть евреев была заживо сожжена в синагоге, часть продана в рабство, лишь немногим удалось бежать в Ашкелон и Египет.
Первым правителем Иерусалимского королевства стал Готфрид Бульонский.

1101

Натан бен Иехиэль Римский (1035-1110) завершил свой главный труд — лексикон Талмуда и мидрашей.

Не позднее 1127

Еврейские купцы поселились в Кайфыне, столице империи Сев. Сун. В 1163-м там построили синагогу.

1147

Еврейский погром в Вюрцбурге, где впервые немецких евреев обвинили в ритуальном убийстве.

1159-1173

Путешествие Биньямина из Туделы.

1168

Маймонид завершил комментарий к Мишне.

1171

Погром в Блуа. Крестоносцы, по пути к «гробу Господню», истребили почти все еврейское население этого французского города.

1190

Еврейские погромы в Англии. Евреи, осажденные в крепости г.Йорк, убили свои семьи и себя.

1204

Умер, оплакиваемый во всех частях еврейского мира, Моше бен Маймон (Маймонид) — самый прославленный мыслитель иудаизма послеталмудической эпохи.

1211

В Израиль переселились ок. 300 раввинов из Франции во главе с Шимшоном бен Авраамом.

1236

Кровавый навет на евреев г. Фульды. Но император Фридрих II взял евреев под свою защиту.

1246

Папа Иннокентий IV запретил насильственно крестить еврейских детей.

1251

Король Бела IV гарантировал право евреев на проживание в Венгрии.

1255

По делу об убийстве мальчика Хьюго из Линкольна (Англия) 91 еврей предан суду, 18 из них казнены.

1263

Диспут в Барселоне, в присутствии короля Хуана I Арагонского, между рабби Моше бен Нахманом и доминиканцем, крещеным евреем Пабло Кристиани.

1271

Монголы разрушили г. Лод.

1280-1286

Написана основная часть произведения «Сефер ха-зохар» («Книга сияния»), сокращенно Зохар — главной книги каббалистов.

1290, 18 июля

Король Эдуард I издал указ об изгнании евреев. С тех пор и вплоть

до 1655 г. на Британских о-вах не существовало еврейских общин.

1298

Еврейский погром в Нюрнберге; погибло 628 человек.

1298-1299

Немецких евреев обвиняют в осквернении гостии, что послужило поводом к разгрому 140 еврейских общин.

1306

Изгнание евреев из Франции.

1309

Герцог Иоанн II защитил многих голландских евреев от черни, предоставив им убежище в своем замке Генаппе.

XIV в.

Привилегия Карла VI еврейской общине Праги — изобразить на красном флаге общины Маген-Давид. Русская поэтесса Е. Кузьмина-Караваева (монахиня мать Мария) в годы войны так написала об этом символе еврейского народа:

Два треугольника, звезда —
щит праотца, царя Давида.
Избрание, а не обида,
Великий путь, а не беда.

1333

Разрушены синагоги Багдада.

1334

Польский король Казимир Великий распространил привилегии Болеслава (право евреев на неприкосновенность личности и имущества, свобода передвижения и т.д.) на все области государства.

1349

Изгнание евреев из Венгрии.

1388

Великий князь Витовт даровал привилегии евреям Литвы.

1391, 4 июня

Еврейский погром в Севилье.

1421

Изгнание евреев из Вены.

1428

Эдикт папы римского, запрещающий итальянским городам осуществлять морские перевозки из Европы в Палестину, доставлять евреев в Святую землю.

1430

Изгнание евреев из Саксонии.

1438

В Марокко построен первый еврейский квартал, к югу от Фес-Джиды.

1469-1472

Немцы К.Свайнхайм и А.Паннарц обучили искусству книгопечатания римских евреев Овадию, Менаше и Биньямина, издавших комментарии Нахманида к Торе.

1474

Резня евреев в Сеговии (Испания).

1475

Кровавый навет на евреев в Триденте. Лишь в 1966 г. Ватикан официально отменил культ ребенка Симеона Тридентского, якобы убитого евреями.

1481

В Севилье учрежден первый в Испании трибунал инквизиции. Тогда же осуждены на сожжение первые евреи-марраны.

1486

В первой иллюстрированной научной книге, отпечатанной на родине книгопечатания — в немецком городе Майнце, — опубликована таблица алфавитов: еврейский, армянский, греческий, сирийский, коптский и арабский. Таким образом, еврейский алфавит является одним из первых в мире печатных алфавитов.

1490

Из Венеции в Москву прибыл врач Мистро Леон Жидовин, ставший придворным врачом царя Ивана III. В том же году был казнен из-за смерти своего пациента, государева сына.

1495

Великий князь Александр Ягеллон издал указ (отменен в 1503 г.) об изгнании евреев и караимов из Литвы.

1495

Изгнание евреев из Кракова.

1504

Еврейский погром в Лисабоне, жертвами которого стали не менее 1.400 человек.

1515

Даниэль Бомберг, наиболее выдающийся из первых христианских издателей еврейских книг, ввел нумерацию страниц арабскими цифрами.

1522

Население Иерусалима — 300 еврейских семейств и 150 вдов.

1524

В Цфате поселился Яаков Берав (ок. 1474-1546), возродивший древний обряд рукоположения в раввины. Он посвятил в хахамы (мудрецы) четырех своих учеников, и среди них Иосефа Каро, автора свода еврейских законов «Шулхан Арух».

1532

В Мантуе сожжен Шломо Молхо — каббалист, инициатор мессианского движения.

1542

Мартин Лютер написал памфлет «О евреях и их лжи».

1556

«Папа Павел IV принудил евреев поселиться в Гетто — квартале на берегу Тибра, поблизости от Понте-Ротто; евреи обязаны были носить желтые шапки и возвращаться в Гетто не позднее полуночи. Начиная с 1562 года папские буллы называют гетто все кварталы, отведенные евреям». (Стендаль. Прогулки по Риму.)

1572

В Цфате умер Ицхак бен Шломо Ашкенази Лурия (род. 1534) — создатель одного из основных течений каббалы.

1583

Султан Мурад III повелел всем немусульманам в Османской империи носить головные уборы, отличающие их от мусульман: евреям — оранжевые, армянам — цветастые, грекам — голубые.

1593

Папа Климент VIII повелел изгнать евреев из папских владений (кроме Рима, Анконы, Авиньона).

1604

Разрушение друзами Цфата — важнейшего еврейского центра Палестины.

1614, 22 августа

Еврейский погром во Франкфурте на Майне. Император велел казнить зачинщика погрома Фетмильха и его сообщников.

1619

Запрет евреям проживать в Киеве более одного дня (и то только в «гостином доме»).

1623, 25 ноября

Датский король Кристиан IV пригласил португальских евреев селиться в Дании, обещая им свободу вероисповедания.

1634

Ш.Кохен, служивший переводчиком в голландской армии, стал первым евреем, поселившимся на о.Кюрасао.

1640

В Амстердаме покончил с собой философ Уриэль Акоста (род. 1585), осужденный и проклятый еврейской общиной.

1642-1666

Насильственное обращение евреев в ислам при персидском шахе Аббасе II.

1652

Евреи поселились в Белфасте (Ирландия).

1652

Первые еврейские поселенцы в Кейптауне.

1665, 31 мая

Мистик Натан из Газы провозгласил Саббатая Цви (1626-1676) мессией. В последующие два года саббатианское движение охватило все страны диаспоры.

1670

Изгнание евреев из Австрии.

1675

В Амстердаме вышла первая еврейская газета — «Газета де Амстердам», ее издавал на еврейско-испанском языке печатник Давид де Кастро.

1679

В Йемене евреев изгнали из городов, обязав построить особые кварталы за городской чертой.

1679

В Амстердаме издана книга Исаака Кадозо (1604-1681) «Достоинство евреев».

1760

В Меджибоже умер основатель хасидизма в Вост. Европе Исраэль бен Элиэзер Баал-Шем-Тов (род. ок. 1700).

1761

Имам Аббас разрушил 12 из 14 синагог Саны (Йемен).

1777

Синагога в Монреале.

1780

Яаков Иосеф издал «Толдот Яаков Иосеф», в которое включил слышанные автором беседы и изречения Баал-Шем-Това — это первая публикация учения хасидизма.

1782, 2 января

«Указ о терпимости» австрийского имп. Иосифа II, облегчивший положение евреев.

1791, 27 сентября

Учредительное собрание Франции предоставило евреям гражданское равноправие и отменило их судебную и религиозную автономию.

1796

Войска Французской Республики разрушили стены гетто во всех городах Италии.

1802

Основана еврейская община Санкт-Петербурга.

1804

Английский поэт Сэмюэл Колридж, бывший секретарем британской администрации Мальты, пресек попытку кровавого навета на местных евреев.

1821

Одесса стала первым из городов России, в котором евреи подверглись погрому. Погром был спровоцирован слухом об участии евреев в убийстве в Стамбуле греческого патриарха Григория.

1825

Мордехай Ноах, одно время консул США в Тунисе, обратился к евреям Европы с призывом создать еврейское государство под названием «Арарат» на о. Гранд-Айленд на р. Ниагара.

1826

Повелением Николая I из Петербурга высланы 252 еврея, оставлены же 26 евреев российских и 89 — иностранных подданных.

1837

Евреям Великобритании разрешено получать академические звания в университетах (кроме Оксфорда и Кембриджа, где ограничения отменили в 1871 г).

1840

Генрих Гейне начал ставить знак Маген-Давид вместо подписи под своими статьями в газете «Аугсбургер альгемайне цайтунг».

1843, 13 октября

В Нью-Йорке основана организация «Бней-Брит» (букв. «сыны завета»), поставившая целью объединение евреев в работе, направленной на удовлетворение их важнейших интересов и интересов всего человечества.

1847

Кража серебряной звезды из церкви Рождества в Вифлееме послужила одним из поводов к началу Крымской войны

1853-1856 гг.

1858, 26 июля

Лайонел Ротшильд, заняв место в палате общин, стал первым евреем в британском парламенте.

1862

В Берлине издан первый перевод Торы (Пятикнижия) на русский язык, сделанный Леоном Мандельштамом (1819-1889).

1869

Издана антисемитская брошюра Рихарда Вагнера «Евреи и музыка».

1871

Еврейский погром в Одессе.

1876, октябрь

Постановка в Яссах первой пьесы Аврама Гольдфадена «Бабушка и внучек» стала рождением профессионального театра на идиш.

1879

Немецкий журналист В.Марр впервые ввел в употребление слово *антисемитизм*.

1881

Правительство Испании предложило российским евреям после погромов 1881 г. селиться в Испании.

1882, июнь

Турецкие власти издали закон, запрещающий переезд в Палестину евреев из Вост. Европы.

1882

Международный конгресс антисемитов в Дрездене обратился с манифестом «к правительствам и народам христианских государств, обреченных на гибель по вине еврейства».

1882-1903

Первая алия (ок. 25 тыс. чел.) — волна репатриантов, движимых национальным сознанием и ставивших целью заселение Палестины.

1884

Еврейский погром в Нижнем Новгороде.

1885

Н.Ротшильд стал первым евреем Великобритании, удостоенным титула пэра.

1886

Международный конгресс антисемитов в Бухаресте.

1887

Врач Людвиг Заменгоф (1859-1917) издал книгу «Международный язык» под псевдонимом «Доктор Эсперанто» (Доктор Надеющийся).

1891, 20 марта

Министр внутренних дел вошел к имп. Александру III с докладом о выселении евреев из Москвы и Московской губернии; государь наложил резолюцию: «Исполнить». Из 28.000 московских евреев по этапу выслали ок. 20.000.

1892

Закончено строительство железной дороги Иерусалим-Яффа.

1894

В Париже издана книга Бернара Лазара (1865-1903) «Антисемитизм, его история и причины».

1896, 14 февраля

В Вене вышла книга Т.Герцля «Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса».

1897

В Вильно основан Бунд — Всеобщий еврейский рабочий Союз в Литве, Польше и России.

1898, 13 января

Парижская газета «Орор» опубликовала «Я обвиняю!» — открытое письмо Эмиля Золя президенту Франции Филиксу Фору, в котором писатель обвинил министров и генералов в фальсификации «дела Дрейфуса».

1898, 2 ноября

Встреча германского кайзера Вильгельма II с Теодором Герцлем в предместье Иерусалима.

1903, лето

Молодые евреи Гомеля успешно отбили нападение погромщиков, — так возникла еврейская самооборона.

1903, 23-28 августа

«На VI Всемирном Сионистском конгрессе именно голоса русских сионистов отвергли всякое иное территориальное решение еврейского вопроса и, вопреки настояниям и уговорам множес-

та благожелательных европейских либералов, навсегда закрепили нерасторжимую связь этого движения с Землей Израиля» (проф. А.Воронель).

1904-1914

Вторая алия (ок. 40 тыс.), вызванная усилением национального самосознания евреев России после Кишиневского погрома, неудач революции 1905 г. и под влиянием идей сионизма.

1904, 3 июня

Умер Теодор Герцль. 14 августа 1949 г. его прах был перевезен из Вены в Израиль.

1905

После манифеста 17 октября по России прокатилась волна погромов, охватившая 64 города и 626 местечек. Итог этого безумия — 810 убитых (более 300 в одной Одессе) и 1.700 раненых.

1906, июль

Альфред Дрейфус объявлен невиновным и восстановлен в правах. Закончено наконец «дело Дрейфуса», начатое 15 октября 1894 г.

1906

Еврейские погромы в Белостоке и Седльце.

1907

Крестьянские волнения в Румынии, главными жертвами которых стали евреи.

1909

Молодые евреи из Украины создали первый киббуц в Палестине — «Дгания» («Василек»).

1911, 7 января

На экраны Москвы и Петербурга вышел фильм «Л Хаим» («За жизнь»), открывший еврейскую тему в русском игровом кино.

1911, 31 ноября

Петербургская газета «Речь» опубликовала написанное В.Г. Короленко обращение «К Русскому обществу (по поводу кровавого навета на евреев»). Его подписали А.Блок, Д.Стасов, М.Горький, Л.Андреев, Д.Мережковский, З.Гиппиус, Вяч. Иванов, А.Н.Толстой, В.Набоков, А.Бенуа, В.Вернадский, И.Бодуэн де Куртенэ и мн.другие представители российской интеллигенции.

1912

В Хайфе начато строительство Техниона — первого высшего учебного заведения в стране.

1915, июнь

Массовое выселение евреев царства Польского, Курляндской, Ковенской и др. губерний под предлогом их политической неблагонадежности.

1917, весна

Турецкие власти депортировали евреев Яффы и Тель-Авива в Галилею и Самарию.

1917, 20 марта

Декларация об отмене в России всех антиеврейских законов и

полном равноправии евреев.

1917, 11 декабря

Английские войска под командованием генерала Алленби вступили в Иерусалим — это означало конец турецкому владычеству, длившемуся 401 год, и начало британского мандата (1917-1948).

1918

Федор Шаляпин на концерте в пользу образования еврейского театра в Палестине впервые исполнил в Москве на иврите сионистский гимн «А-тиква», ставший государственным гимном Израиля.

1919

Депутация во главе с Яаковом Мазе обратилась к наркому просвещения А.Луначарскому с протестом по поводу объявления иврита «реакционным» и «контрреволюционным» языком.

1919

Стала выходить газета «Гаарец», положившая начало независимой прессе в Израиле.

1919-1923

Третья алия (более 35 тыс.) продолжила прерванный первой мировой войной поток репатриантов. Новая волна стимулировалась также гражданской войной в России и принятием Декларации Бальфура.

1920, 24 апреля

На конференции в Сан-Ремо принято решение передать управление Палестиной Великобритании, как государству-мандатарию.

1920, июнь

Элияху Голомб и Дов Хоз стали инициаторами создания подпольной организации самообороны Хагана.

1921

Основан союз писателей Израиля.

1921

Первым мэром Тель-Авива стал Меир Дизенгоф (1861-1936).

1922, 22 июня

Совет Лиги Наций утвердил мандат на Палестину, признавший основания для восстановления там еврейского государства.

1924-1928

Началась Четвертая алия (ок. 85 тыс.), так наз. «алия Грабовского» (по имени министра финансов Польши), явилась результатом антиеврейской политики правительства Польши.

1927

Из советских застенков освобожден шестой Любавичский Ребе Иосиф Ицхак Шнеерсон (1880-1950), незадолго до этого приговоренный к смертной казни.

1929-1939

Пятая алия (более 250 тыс.) состояла большей частью из евреев, уехавших из Германии после прихода к власти Гитлера.

1930

Группа врачей основала общество по оказанию неотложной медицинской помощи «Красный щит Давида» (аналогично названию Красный Крест и Красный Полумесяц).

1935

Пропагандистская кампания в Германии за право городов называться «свободными от евреев».

1938, 29 июня

В тюрьме г. Акко повешен Шломо Бен-Иосеф, первый еврей, казненный британскими властями в Палестине — за то, что вместе с еще двумя террористами он обстрелял арабский автобус.

1938, 17 августа

Декрет, установивший 185 мужских и 91 женское имя, разрешенные для евреев Германии. Те, чьих имен нет в списке, должны были до 1 января 1939 г. принять дополнительное имя: мужчины — Израиль, женщины — Сара.

1940-1945

В Израиль прибыли 70 тыс. евреев.

1940, апрель

В предместье польского городка Освенцим начато строительство крупнейшего нацистского концлагеря. Здесь до 27 января 1945 г. приняли мученическую смерть почти 1,5 миллиона узников, из них 1.275.000 евреев.

1941, 29-30 сентября

В Бабьем Яре на окраине Киева фашисты расстреляли 33.771 еврея.

1950

Седьмым Любавическим Ребе стал рабби Менахем Мендл Шнеерсон.

1950, 5 июля

В Израиле принят Закон о возвращении.

1953, 30 марта

Московский журнал «Крокодил» напечатал выдающийся по антисемитизму фельетон писателя Василия Ардаматского «Пиня из Жмеринки».

1962, 31 мая

В Иерусалиме повешен Адольф Эйхман, непосредственно отвечавший в третьем рейхе за «окончательное решение еврейского вопроса». Иерусалимский окружной суд приговорил А.Эйхмана к смертной казни 15 декабря 1961. Труп казненного кремировали, а пепел развеяли над Средиземным морем. Это был первый (и пока единственный) смертный приговор, приведенный в исполнение в Израиле.

1964, 4 января

Паломничество папы Павла VI в Иерусалим.

1965

В Дамаске повешен израильский разведчик Эли Кохен.

1968

Американский раввин Меир Кахане создал в Бруклине Лигу защиты евреев.

1976, 27 июля

Террористы (три араба, немец и немка) захватили самолет компании Эл-Ал (рейс Тель-Авив — Париж) и посадили в угандийском аэропорту Энтебе, требуя освобождения ранее арестованных террористов в обмен на заложников. Заложники были освобождены в результате операции «Молния», проведенной израильскими парашютистами.

1978

Художник Ефим Ладыженский (1911-1982) выехал в Израиль. Перед отъездом из СССР уничтожил около двух тысяч своих работ, т.к. не мог оплатить их вывоз.

1978, 10 декабря

Менахем Бегин и Анвар Садат удостоены Нобелевской премии мира.

1980, 24 февраля

Израильская денежная единица лира заменена на шекель.

1981

Жан Мари Люстиже (до крещения Аарон) стал архиепископом Парижским, т.е. главой католической церкви Франции.

1983, 13 апреля

Создан Антисионистский комитет советской общественности, который возглавил дважды Герой Советского Союза генерал Давид Драгунский.

1983, ноябрь

Шиит-смертник на машине, начиненной взрывчаткой, врезался в казарму израильской армии в Тире. Погибли 67 человек, из них 32 — ливанцы-военнопленные.

1986, 29 октября

На аукционе Сотби за рекордную для автографов цену в 360 тыс. долларов было продано письмо, написанное в 1818 г. третьим президентом США Томасом Джефферсоном, в котором он осудил антисемитизм.

1987, 6 декабря

«Воскресенье Свободы»: за день до встречи президентов Р.Рейгана и М.Горбачева ок. 250 тыс.американцев приняли участие в демонстрации в Вашингтоне, требуя предоставить советским евреям право на выезд из СССР.

1990, май

Погром евреев и армян в Андижане (Узбекистан).

1991, 21 августа

В Москве погибли Илья Кричевский, Дмитрий Камарь и Владимир Усов — первые жертвы коммунистического путча.

1991, 18 октября

После 24-летнего перерыва восстановление дипломатических отношений между СССР и Израилем. Советским послом в Тель-

Авиве стал политический обозреватель газеты «Известия» Александр Бовин. Израильским послом в Москве — Арье Левин.

1991, 30 октября

В Мадриде начала работу мирная конференция по Ближнему Востоку.

1992, 24 апреля

В Москве увидело свет первое в мире армяно-еврейское периодическое издание — вестник «Ной».

1992, май

В Иерусалиме состоялось первое собрание общества дружбы Израиль — Армения.

1992, июль

Впервые в истории Израиля раввином стала женщина — 37-летняя Наоми Кельман; она принадлежит к семье, вот уже двенадцать поколений дающей духовно-религиозных пастырей еврейскому народу.

1992, 29 июля

Яэль Арад, занявшая второе место по борьбе дзюдо (до 61 кг), завоевала в Барселоне первую в истории Израиля олимпийскую медаль. Принимая ее, Яэль Арад заявила, что посвящает свою награду памяти израильских спортсменов, убитых палестинскими террористами на Олимпиаде в Мюнхене.

1992, 13 октября

Налет боевиков фашистской организации «Память» на редакцию газеты «Московский комсомолец». Чернорубашечники предъявили журналистам ультиматум: в трехдневный срок назвать фамилии авторов «антипатриотических материалов» и «извиниться перед русским народом». Преступники остались безнаказанными (по крайней мере до февраля 1993 г.— Ред.)

1992, 25 октября

В Киеве начал работу 1 конгресс евреев Украины.

1992, 27 октября

Визит в Ватикан министра иностранных дел Израиля. Беседа папы Иоанна Павла II с Шимоном Пересом в зале Ватиканской библиотеки.

Уважаемый редактор!

Я прочитал в армяно-еврейском вестнике (N 3) письмо о концерте «Виртуозов Москвы» в Кумайри и вспомнил...

...Однажды мне позвонили из газеты «Вечерняя Москва» и передали просьбу врачей Филатовской больницы - выступить перед детьми, жертвами страшного Спитакского землетрясения. Они были в тяжелейшем состоянии, ни на что не реагировали, казалось, их не страшила смерть и не радовала жизнь. Они находились в каком-то оцепенении. Врачи просили об одном: сделайте что-нибудь, чтоб они улыбнулись!

Я вошел в палату. Сел на стул возле девочки, ей было лет семь. Достал разноцветные платки, показал. Связал концы платков узелками и снова показал - девочка смотрела равнодушно, возможно, даже не видела меня. Но вот я дунул - и платки упали, каждый сам по себе. Я снова связал, дунул и... нет, не улыбка, а тень улыбки коснулась ее лица.

- А теперь попробуй сама.

Я дал ей платки. Девочка высвободила из-под одеяла руки - две культи.

На глаза у меня навернулись слезы. Я вдруг вспомнил песенку, которую слышал в детстве, тихо запел.

А - аласан, Б - баласан,
Г - гохарик, Д - дтум,
Л - че ктес йезан поче,
Т-Ч - аптак кез кэтум.

И девочка улыбнулась.

Так я переходил от ребенка к ребенку, из палаты в палату.

Прошел год. Мне снова позвонили из «Вечерней Москвы», рассказали, что раненых и больных армянских детей, и среди них ту девочку, которой я пел, пригласили на лечение в США. Там ей сделали самые лучшие протезы, которыми она научилась даже вязать.

Вот и вся история.

Арутюн АКОПЯН

* * *

Уважаемые господа!

Приношу вам свои извинения за беспокойство, но, может быть, вы поможете мне или подскажете, куда необходимо обратиться по следующему вопросу.

Я являюсь одним из немногих здравствующих близких родственников известного Менахем-Менделя Тевельевича Бейлиса, известного по «ДЕЛУ БЕЙЛИСА» (1911-1913 гг.) в Киеве. Моя родная бабушка - Веля Тевельевна Каплун-Бейлис.

Родился я в 1951 г. и, конечно, не знаю никаких подробностей об этом деле. Последние вести от Бейлиса доходили, по воспоминаниям моей матери (ей 80 лет), в конце 20-х гг. Мы знаем, что после процесса в 1913 г. Бейлис уехал

в Палестину, оттуда переселился в США, где и умер в 1934 г.

Я хотел бы найти потомков М.-М.Бейлиса. Из нашей большой семьи на Украине никого не осталось в живых.

Может быть, вы мне поможете найти кого-нибудь из потомков Бейлиса в Израиле или в США. Вероятно, кто-либо из историков или писателей занимались изучением этого вопроса. Возможно, кто-нибудь отзовется.

С уважением, Борис Исаакович КАПЛУН
257002, Украина, г.Черкассы,
ул. Шевченко, 246, кв. 7,
тел. 45-59-45

* * *

Уважаемый редактор, в феврале 1992 г. я послал письмо в «Известия», ответа не получил. Но проблема мне кажется настолько важной, что пересылаю письмо и приложение в ваш вестник. Может, хоть вы напечатаете.

Вадим КОЧАРОВ,
Пятигорск

15 декабря 1992 г.

Главному редактору газеты «ИЗВЕСТИЯ»
ГОЛЕМБИОВСКОМУ И.Н.

Уважаемый Игорь Нестерович!

Прочел в вашей газете (N 36, 37, 38) статью «Вторжение». Увы, ничего нового! Для меня, во всяком случае (извините за резкую оценку). Вывод, к которому приходят авторы статьи Валерий Выжутович и Васиф Самедов, многим был ясен уже два года назад: советская армия спасала режим, а на жизни людей - армян, азербайджанцев, русских - режиму было наплевать. Но в репортажах и статьях ваших коллег не было объективной информации. Не давали. Стращали. Глушили. Вырезали. Что поделаешь, на кого пожалуешься?

А вот у меня с 88-го года хранится листовка, которая и сейчас важнее, чем огромные статьи. Что ни говори, а на свет вытащена неизвестная страница истории компартии. Должен заметить, что всемогущий ЦК КПСС ополчился против армян вовсе не потому, что они лучше или хуже других народов, а потому, что считал самым надежным способом дестабилизации обстановки в регионе самое подлое средство: осуждение не насильника, а жертвы. *Вспомним слова Энгельса: «Погубить страну можно, наказывая невиновных и не наказывая преступников». Вот и разгадка многих тайн, над которыми несчастные люди ломали головы.*

Буду рад, если вы опубликуете мое письмо, - конечно, вместе с текстом прилагаемой листовки.

В.КОЧАРОВ

25 февраля 1992 г.

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ С.ГРИГОРЬЯНЦА И А.ШИЛКОВА
11 марта 1988 г.
(журнал «Гласность», N 17 (март 1988), с. 97-98)

Нам стало известно, что по поручению ЦК КПСС отдел общих проблем Института востоковедения проводил ситуационный анализ положения в Нагорном Карабахе и возможности присоединения его к Армении. Выводы, которые подписал член-корреспондент АН СССР Георгий Ким*, такие: комиссия должна как можно дольше затягивать рассмотрение вопроса. Присоединение Карабаха к Армении нежелательно; с помощью уступок в культурной, социальной и бытовой сферах, может быть, пожертвовав частью руководства, и уж, конечно, свалив вину на каких-то менее значительных лиц, надо попытаться успокоить население, но, тем не менее, Нагорный Карабах не должен быть присоединен к Армении. Сейчас надо изображать полнейшую гласность в отличие от того, что было, и раздувать мельчайшие столкновения, называя виновниками армян. Необходимо активно проникать в армянскую среду, в том числе с помощью дружественно относящихся к ним и живущих на территории Армении курдов, одновременно пытаясь расколоть их дружеские отношения.

Судя по всему, эти рекомендации и будут осуществляться властями. По крайней мере сейчас они кажутся наиболее вероятными.

Эта чудовищно близорукая политика провоцирования национальных конфликтов грозит превратить нашу страну в кровавое месиво. Если русских и украинцев не удалось спровоцировать на борьбу с татарами, то с легкостью удалось спровоцировать азербайджанцев.

ПИСЬМА ИЗ АРМЕНИИ МОСКОВСКИМ ДРУЗЬЯМ**
I

11 апреля 1992

Воспользуюсь предоставившейся мне возможностью, чтобы рассказать о последних новостях.

а) Взрыв склада боеприпасов в Абовяне. Реакция правительства весьма

***КИМ Георгий Федорович (1924–1989) – советский историк, чл.-корр. АН СССР (1976). Чл.КПСС с 1946. Труды по истории Кореи, проблемам нац.-освоб. борьбы народов Азии и Африки, развивающихся стран. - БЭС, т.I, с.575.**
**** Личные письма, публикуемые с согласия автора и адресатов.**

трогательна - оказалось, что они удивлены и потрясены не меньше нас. Умиляет оперативность, с какой население города было эвакуировано. Я думаю, однако, что если взорвется АЭС или «Наирит», а это, разумеется, рано или поздно случится, то мы об этом узнаем уже на том свете.

б) Армяне устроили блокаду Карабаха. Несколько дней не давали бензин, потом все же послали, но в распоряжение некоего АОД-овца. Верю, конечно, что мы существуем несколько тысячелетий, но понять не могу. Credo quia absurdum est1.

в) Очередная волна разнузданной протурецкой пропаганды. Вот несколько ярких новинок:

А.Блеян (депутат): «Мы обязаны любить турок».

К.Сардарян (госминистр): «Вместе с нашими соседями мы должны освободиться от русского ига и сообща построить наш общий кавказский дом. (А мне как жить в этом общем кавказском доме?)

В.Сирадегян (министр внутренних дел): «Те, кто против турок, привязывают пуповину еще не родившегося поколения (В.С. в молодости был писателем) к русскому столбу».

г) Арпушик уже успела выучить два стихотворения Д.Хармса.

е) Все, кто может, воруют. Кто не может, тоже ворует. По-видимому, и я ворую, однако не отдаю себе в этом отчета.

ж) Стамбул Хачикян2 распорядился не выдавать из фондов «Гтутюн» помощь матерям-одиночкам. «Ибо зачали в распутстве и суть развратницы и порождения ехиднины».

з) В сборнике Р.Барта (у вас он, по всей вероятности, есть) обнаружил (с.72 и далее) совершенно замечательную статью о структуре мифа (в духе de Saussure). Она практически решает вопрос о том, как начать и на чем основываться Сереже при разработке темы современного мифотворчества. Статья настолько емкая, что я перестал искать что-либо еще. Даже я вдохновился и начал делать кое-какие наброски по родной мифологии.

и) Сережина статья произвела очень сильное впечатление. Букет откликов выглядит примерно так:

«Все это мы знаем, но откуда об этом знает русский?»

«Я же говорил, что все, что мы о себе думаем - бредни и мифы».

«Если со стороны все так хорошо видно, это ужасно!»

«Наконец кто-то написал правду и о нас, и о них без сантиментов и слюней».

У меня к статье лишь одно замечание. Вряд ли верна фраза «...в Армении помощью Карабаху занимается не столько правительство, сколько оппозиция, прежде всего партия Дашнакцутюн». Оппозиции (за исключением, разумеется, дашнаков) начхать на Карабах.

Вот, пожалуй, и все. **М.**

P.S. Сережину статью частично перевели и напечатали в «Еркир» - дашнакской газете.

P.P.S. Только что передали, что убили Артура Мкртчяна. Логика событий

последних дней такова, что возникают вполне естественные подозрения. Это уже последняя капля. Чем я могу помочь Карабаху? Ничем. Мне надоело жить в этой грязной, вонючей стране. Я уезжаю. Я написал письмо своему другу в Америку, и поскольку отсюда вряд ли дойдет, пошлите его, пожалуйста, по адресу...

II

Сентябрь 1992

Милая Оля!

De profundis*

Почему из бездны? Да потому, что в последнее время я все чаще слышу укоризненное: «У тебя же была бездна разных возможностей».

Как говорят нерадивые ученики средних школ и некоторые из ваших политических деятелей, - приехав из Кисловодска, на меня обрушились большие перемены. Вазген стал большим начальником (приблизительно католикос всех фидаинов), министр ин. дел Раффи Ованнисян подал в отставку («по просьбе Левона <Тер-Петросяна>» - как он смешно выразился), и, наконец, назначен новый премьер: вместо Г<агика> Арутюняна - Х<осров> Арутюнян.

Назначение Вазгена склонны комментировать как попытку окончательно его дискредитировать и расколоть оппозицию. Подумав минут двадцать, я решил, что это, возможно, обусловлено причинами иного рода. По-видимому, Левон пытается защитить свой трон от не в меру расшалившегося Вано <Сирадегяна> (этот начитался книжек про диктаторов - Маркес и Астуриас переведены на армянский). Пока что Вано, однако, держится уверенно, так что я не удивлюсь, если Вазгена через 2-3 месяца назначат министром обороны со своей конницей и пехотой. Если Вано слетит, то за ним последует и толстый Амбарцум <Галстян>. Впрочем, не следует забывать, что мы, армяне, народ цивилизованный** и потому скорей всего конфликт уладят полюбовно.

Что касается Раффи Ованнисяна, то последний сдуру сказал, что Турция, США (!) и Великобритания в вопросе Карабаха занимают антиармянскую позицию, поэтому Левон, видимо, из боязни ощутить долларовую недостаточность, *попросил его* («по просьбе Левона»). Ибо доллары пахнут совсем не так, как Левон, - как сказал римский император армянского происхождения Веспасян своему сыну Титу (от арм. tsit - птица).

Новый премьер начал резво, несколько недооценив способности и возможности нынешних бездарных экономистов. Он начал с хлеба (кормушка Вано!), потребовав прекратить выпуск 300-граммовых буханок в качестве килограммовых.

*** De profundis (лат.) - из глубин, из бездны (пер. С.Аверинцева), из-под фундамента.**
**** и первыми приняли христианство в качестве государственной*** религии.**
*****государства, правда, не было, но на это всем плевать.**

Хлебные магнаты, уязвленные в лучших чувствах, немедленно выстроили очереди длиной в километр, и вот (они стоят) уже два месяца. Газовые магнаты подсобили, прочистив газопровод. За отчетный хлебозрелищный период теле- и радиожурналистам удалось взорвать ряд мостов в Грузии и зоне Карибского бассейна, а также устроить несколько штормов на Черном море так, что удастся ли Х.Арутюняну реализовать свои обширные творческие планы, покажет будущее. Перспективы сомнительные.

Как дела у меня? Отвечу кратко: позавчера ел жареную мойву (это такая рыба) и ощутил некоторое волнение. Стали предлагать какие-то должности, загранпоездки, но с чем это связано, не знаю. Делается это так:

Как меня приглашали то ли в Швецию, то ли, наоборот, в Швейцарию.

N.* - Поедешь в Швецию? В Цюрих.

М. - Хоть в Швецию, хоть в Цюрих, но хотелось бы все же подальше.

N. - Подальше невозможно, т.к. Сибирь от нас отделилась. В составе делегации для ознакомления с экологически чистыми энергокомплексами.

М. - Я бы предпочел ознакомиться с неврозами женщин на четвертом месяце беременности - я не эколог.

N. - Но ты же миллион** книг прочел.

М. - Но не по энергетике!

N. - Какая разница?! И ремонт сам делаешь.

М. - Но не мельницы же ремонтирую.

N. (не удосужившись снизойти) - Поедешь в декабре.

М. (неохотно) - Нет, не поеду.

N. - Послушай, ты ведь и Канта, наверное, читал... (Здесь я напряг память, пытаясь вспомнить статьи Канта по экологически чистой энергетике.) Нас оплачивает один западный армянин - профессор по Канту. Рекомендовали «курси медж линенк» - быть в курсе.

М. - Ну, с профессором мне слабо будет.

N. - Ерунда***. Можешь мне минут за десять «Кант патмэс»**** Я попытался втиснуть в десять минут два прочитанных кантовских тома + два куно-фишеровских. На пятой минуте он зевнул и снизошел: «Субъективные формы сознания***** - в прошлом. Есть объективные формы!» - и, вытащив из кармана 20 долл. бумажку, он

***N. - личность, вам немного известная, в связи с чем фамилия и другие душераздирающие подробности опускаются.**

****в определенном смысле - преувеличение.**

*****Они в самом деле думают, что это - ерунда.**

******Кант патмэс (арм.) - «рассказать Канта». Ср. русское «забить козла». Я теперь часто это выражение употребляю.**

*******До «вещи в себе» я не дошел, и к лучшему - не знаю, как это перевести на армянский.**

помахал ею перед моим носом. Форма бумажки была на редкость объективна, запах просто замечательный. Доллары пахли!

Вот и все. Жду Сережу.

М.

P.S. Надеюсь, что Сережа не попадет в Карабах. Если он туда еще раз попадет, то ему расхочется ездить в Армению. Я останусь совсем одиноким.

III

октябрь 1992

Милая Оля!

Фактически это уже третье письмо, но, поскольку первое я уже скомкал и выбросил (оно безнадежно устарело), то это - N 2. Немного, правда, жаль выброшенного письма, т.к. достаточно неплохо был описан Кисловодск a la Proust. Я прошу тебя не говорить ничего плохого о Прусте, Честертоне и Борхесе, ибо все трое в самом деле уязвимы и я сразу закуриваю. Есть еще пара армянских поэтов, но ты их, к счастью, не читала.

Что у нас происходит? Самая большая в мире анархия, к тому же первая в бывшем СССР. Закона нет, но зато есть много свободы. Есть свобода воровать (traditional), убивать, рубить лес, умирать от инфаркта, строить гаражи из приватизированных стройматериалов и даже посягать на частную (!) собственность. Последнее выборочно и только с разрешения Вано или Амбарцума. Независимость все расставила по своим местам и теперь some animals are more equal than others3. Впрочем, «исчезла не порядочность, а тот предел, до которого мы ее раньше знали» (L.Der-Petrosian).

Как тебе должно быть известно, в независимой * есть три ВС. Первый - это *Вано Сирадегян*, который все еще есть; второй - это *верховный совет*, который есть, но которого как бы и нет; наконец, третий - *Вооруженные Силы*, которых нет, но есть начальник Вазген Манукян. Как-то сразу расхотелось продолжать. Черт с ней, с независимой!

Как дела у меня? У меня хорошо. Я сделал много записей и, когда есть свет, слушаю без перерыва. Есть чудесное исполнение мотетов Баха. Жаль, что ты не приедешь, Сережа все равно, кроме фидаинских песен, ничего не признает. Один немец, которому я достал видеозапись первых митингов, от радости ляпнул: «Как мне тебя отблагодарить?» Я тут же затребовал «Страсти по Матфею». Боюсь, однако, что плакали мои кассеты. Скорее всего пришлет что-нибудь съедобное. Они считают, что если армянин просит что-нибудь отличное от джинсов или долларов, то - выпендривается. И они правильно считают. Так что, как говорится, не выпендривай-

*** Здесь и далее слово Армения опускается (прим. авт.).**

тесь, Мартиросян, и послушайте «Калинку» со всеми остальными.

Из разговоров с Арпушик

(слушали «Волшебную флейту»)

А. - Это Папагено?

М. - Да.

А. - Он дурачок?

М. - Нет, не дурачок. Простоват, но интеллигентный.

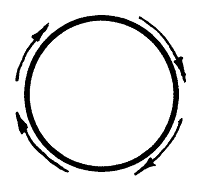
А. - Нет интеллигентный. Дурачок!

Таков их взгляд на интеллигентность. Я его не разделяю. У меня тоска по СССР. Страна впервые победившего социализма? Нет, но страна впервые победившего здравого смысла. Заставляли читать всякую чушь? Теперь это делают добровольно. Брежнев в маразм впадал? По крайней мере, все это знали. А Буш несет такое, что хоть стой, хоть падай, а комментатор в восторге. Сажали невиновных? Теперь они мрут от инфарктов. Не печатали Юнга? Теперь не печатают Гюго. Свободы мало было? Теперь ее вообще нет. И т.д. Такой строй упустили! В букваре было написано «учиться, учиться и учиться». Как вспомню - чуть не плачу. Продавец из нашего магазина свистел «Аиду», а теперь моя мать знает, что такое «бензини канистр» (это по-армянски, ты не поймешь), и знает, что она стоит 5 тысяч4. Вам-то что, у вас, может быть, все выправится, даже, в провинции, в Кисловодске - устойчивое равновесие. А у нас что? Едва грамотными стали, и теперь снова назад? Улица ворвалась повсюду. В университет, в Академию. Кругом мат, насилие, беззаконие. Социальный слой, который сейчас все определяет, ничему другому не учился. К месту или нет вспоминают коммунистов: «Как хорошо было при Демирчяне!» А причем Демирчян? Вазген все время плачется - нет так называемого «государственного мышления». Демирчян ни при чем, русские со своим «государственным мышлением» и его ориентировали также. А сейчас что? Мы были зависимы не в силу политических причин, а в силу своей ограниченности. Не хотели этого понять, да и сейчас не хотим. Никаких самостоятельных исследований. Истории нет, фольклористики нет, политического анализа нет, ничего нет. Пока из России не подкинут идею, ничего не можем. Все. Точка. Расхотелось продолжать, да и не нужно, и так все ясно.

Купил несколько номеров вашей «Независимой». Такая же независимая, как и наша. И как вам может нравиться? Как в «Репетиции оркестра» Феллини: «Каждый, кто сфальшивил, подходил к дирижеру, чтобы тот ударил его по рукам своей палочкой. И другие музыканты протягивали дирижеру руки: «И меня, меня тоже ударь!» Меня от этого уже тошнило. У вас, видимо, все впереди. Я больше не злюсь ни на воров, ни на демократов, ни на кого бы то ни было из всего этого сброда. Они не негодяи. Раньше мне казалось, что они осмысленно творят зло, но это не так. Они просто как дети, возможно, чуть капризнее нормы (как, например, ваш друг Искандеров). Они «не ведают, что творят». Никогда прежде я не пытался вникнуть в смысл этих слов Христа. Теперь-то я понимаю, что он хотел сказать, а, вернее, кто это сказал. Это сказал не Милосердный и не Всепрощающий, но Видящий. И даже

не Видящий, а просто видящий. У него хватило здравого смысла, чтобы даже с Креста смотреть спокойно, без гнева и пристрастия. Только так все и видно. (Так что Алик Искандерян не подонок. Он просто ребенок.) Впрочем, вы оба, погрязшие в теологии, наверняка скажете, что в таком-то году тем-то, а незадолго до него кем-то другим были представлены неоспоримые доказательства того, что Христос имел в виду нечто совсем иное и, более того, что он вообще этого не говорил. Согласен.

Как дела у вас? Не очень хорошо, раз у вас нет баховских мотетов и, не вдохнув свежего воздуха а п а з г а и н и з м а5, вы с головой влезли в армянские дела. С горя, надо полагать. При коммунистах с горя пили. Кстати, об а п а з г а и н и з м е. Разговор в нашем деканате: преподаватели русского языка - «армяне работоспособнее, умнее, талантливее (и т.д.) русских, а русские такие-сякие (моя мама, увы, тоже так считает)»; оппоненты же считают, что независимость - кратчайший путь к беззаконию и окончательной деградации. Я молчу, но еще месяц (!) назад я действовал всем на нервы, выдвинув тезис, согласно которому русское иго предоставило нам, быть может, второй раз в истории, возможность стать нацией, преодолеть стабильное «уже не племя, но еще не нация». Увы, надо признать, что ярмо мы использовали не лучшим образом, так и не сумев разорвать вот такой заколдованный круг

В очередной раз обнаружил Главную Причину наших неудач: мы не умеем радоваться, ухитряемся испачкать любую чистую радость, - иначе говоря, на лоне природы нам недостаточно самой природы, нам нужен шашлык.

Заканчиваю порчу бумаги.

По радио призывают всех армян отправиться то ли в церковь, то ли к Богу и пасть на колени - снова хотят очередь создать.

P.S. В принципе, рад за Сережу, что он не едет. «Предоставьте мертвым погребать своих мертвецов».
P.P.S. В «Марсельской Правде» (Франция) опубликована статья, в которой говорится, что М.М. из АИМаб утверждает, что «армяне верят не столько в Бога, сколько в Армянскую Апостольскую церковь», и еще куча гадостей, так что мне уже позвонили и сказали, что я свинья - cochon.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ ВЫПУСКЕ, ПОЧЕМУ ВАМ, ДА-ДА, ИМЕННО ВАМ, СЛЕДУЕТ ПОЧАЩЕ СЛУШАТЬ МУЗЫКУ.+

IV.

декабрь 1992

Милая Оля!

Вообще-то я хотел в этом письме написать о музыке. Как обычно, получится наоборот. Дело в том, что я получил Сережину статью, а потом был телефонный разговор об эммигрантах-обманщиках, а потом я перечитал старые Сережины статьи (заодно и старые «Странные миры»), а потом тебе не понравился мой «плюрализм мнений»* относительно «НГ», а потом было еще много разного, но когда я понял, что все это об одном и том же, то перестал заботиться о многом, так что письмо, надесь, получится кратким, как у Чехова. И, бесспорно, реакционным. А потому начну с будней, чтобы отвлечься.

Как дела у нас? У нас свирепствуют независимость и демократия. Идея «голодной и независимой Армении» наконец-то восторжествовала. Университет, правда, еще стоит, словно молчаливый укор нашим дедам, однако к весне его, надо надеяться, не будет. Кое-где можно встретить книжные магазины. Пока есть хлеб - немного, но есть. Но ведь и Москва как-то не сразу строилась. От Юрия Долгорукого до Ельцина очень долгий путь по Новому Арбату**, хотя, если сесть на 89-й автобус, то недолго. Но у нас автобусы уже не ходят. У нас ходят пешком. Есть новости и в личной жизни. Мой друг Артем (США) позвонил мне (Республика Армения) в панике (почему в панике, я не очень понял, ведь все идет из рук вон прекрасно) и сказал, что надо срочно высылать в Америку жену и ребенка, дав мне на размышление неделю. Мне хватило сотой доли секунды для того, чтобы согласиться, и я со злорадным удовольствием уже зачислил обеих дам в класс «мерзавцев-обманщиков». Теперь очень нервничаю, так как боюсь, что старшая из мерзавок может завалить интервью, да и вообще что-нибудь сорвется***.

Боже мой, какие книги! Особенно Фромм. И Ле Гофф. Фромм вообще становится моим любимым автором. Книгу о Гитлере я прочел сразу же. И Эли Визеля8 тоже. Другую книгу Фромма я оставил на будущее, т.к. она мне очень интересна. Я всегда так делаю и в результате самые интересные книги не читаю. Книга о Гитлере, как я и ожидал, мне не понравилась. Впрочем6 там есть много любопытного. Эли Визель - тяжелое чтение, но я заставил себя прочесть до конца. Лучше бы я не читал *«Душа онемела от безразличия»*, *«Я не пошевелился. Я боялся... Я не пошевелился»* - лучше бы я этого не читал. Я надеюсь, что ни вам, ни мне не придется быть посланцами если не мертвых, то голодных детей, а моя дочка, например, никогда не скажет *«Я одна из них»*, но полуголодных детей я уже видел. Странно, но когда, после очередного жаркого спора в деканате, получив напоследок «грязного социалиста» и - почему-то - «ка-гэ-бэшника», я вернулся домой и снова раскрыл Эли Визеля на 92-й странице, то сразу же наткнулся вот на

***Так принято говорить в нашем парламенте.**
****Бывший Калининский проспект, будущий Антигорбачевский тупик.**
*****Разумеется, главный мерзавец _ это я, но формально я чист, а это главное в наше бесхитростное время.**

что: *«По колонне пронесся слух:* с е л е к ц и я*! Эсесовцы распоряжались: слабых - налево, тех, кто может быстро идти, - направо»,* а это почти дословно совпадало с тем, что я говорил часом раньше. Впрочем, ты скажешь, что каждый находит то, что хочет найти, а «Ночь» совсем не о том. Ладно, согласен. «Грязный социалист», «грязный армянин» - слово «грязный» постепенно утрачивает политический оттенок, просто нет газа, нет света, и люди не моются.

А теперь - залпом по Сережиной статье, и я закончу письмо не столько из уважения к своему времени, сколько к твоему (Сережа скажет: и не только ко времени).

Сначала несколько замечаний общего характера. Статья предлагает принять на веру несколько положений, из которых я отмечу три, а именно.

1. «Коммунистический порядок был преступным» (мало нам было двух видов ответственности, так тут еще и третья - ответственность порядка или порядочная ответственность - боже мой, вернее, Боже мой, какая тонкая игра слов!).

2. Власть в СССР принадлежала коммунистам.

3. Все параметры задавались коммунистами, а терроризируемое общество было вынуждено этим параметрам следовать.

Традиция, которую можно обозначить как «Платон - Декарт - Поппер - Коллингвуд» и которая Сереже и тебе симпатична не меньше, чем мне, заставляет подвергнуть все эти положения сомнению. После такой процедуры у меня мало что остается. А вы пробовали? Обычно приводимое доказательство «Комм.режим преступен, следовательно (потому что) комм.режим преступен» мне не представляется убедительным.

Задача. Парагвайский диктатор, собирающийся нанести дружественный визит в Сантъяго, сделал удачный (на его взгляд) выбор из трех летчиков, выбрав А и повесив В и С. Кому принадлежит власть в самолете: диктатору или летчику?

Второе замечание касается Сережиного детерминизма. Новый Завет и Голокауст, национализм и фашизм, коммунистический режим и преступность. Разумеется, в каждом человеке сидит преступник, ибо у человека есть рука, а в руке может оказаться пистолет. Верно или неверно это - неважно, но полезно это рассуждение именно тому, у кого в руке пистолет уже есть. Почему я опустился до примитива? Потому что именно примитив этим и воспользуется. И уже пользуются. Я не хотел говорить, но в какой-то антисемитской (!) местной газетенке уже была ссылка, как мне сказали, на западногерманского историка С.Лёзова (наверное, так - S.Leozoff). Вот и давай после этого почитать «Странные миры».

А теперь по косточкам.

1.1. «...слово покаяние успешно применялось для того, чтобы вытеснять мысль о личной ответственности».

а) Правильно. Так с Ельцина личную ответственность как ветром сдуло, ибо покаялся. Да и тот, кто открыл СП, порвав с коммунистическим прошлым, тоже - наш человек, бизнесмен. А кто же тогда несет ответственность? Коммунистический порядок. Так по крайней мере пишет Сережа.

б) Призывы к покаянию нужны были для другого. «Успешно применялось» наводит на мысль о пропаганде. А пропаганда рассчитывает на простейшие силлогизмы и никогда - на сложный анализ с этимологией или теологией, или другими

«логиями». Силлогизм таков: коммунизму надо каяться. Каяться - это когда есть вина. Значит, коммунизм виновен. В чем??!?!!? Капитализм, конечно, виновен в сэлемских сожжениях и в истреблении амер... Цыц, ты, грязный социалист. Ну ладно, я цыц.

1.2. За всей проблематикой суда над КПСС стоит не пещерное представление о коллективной ответственности, а трехэтажно-особняковое-с-Мерседесом-и-Сауной представление о вине комм.порядка, оправдывающее нынешний рыночно-демократический порядок и 3-этажный особняк и Мерседес и пещерное существование остальных и голодных детей -

с е л е к ц и я!, и все остальное. А сам суд над КПСС им не нужен, разве что сумеют чем-нибудь поживиться. Наконец, слово «пещерное» употреблять не стоило, ибо наводит на мысль о недостатке аргументации. Равно как и ниже - слово «расхожее». Это слово со знаком минус и в наше смутное время, когда так важно угодить в элиту - с е л е к ц и я, их можно сравнить с ударом ниже пояса, причем - исподтишка.

2.1. «Преступления против человечества были предусмотрены его (т.е. комм.порядка) содержанием». А вот экономические блокады (Куба, Ирак, Карабах, Югославия), или деление людей на сорта (цветные, иммигранты-обманщики, армяне, индейцы), голод, работорговля, Хиросима - все это то ли не было предусмотрено капиталистическим содержанием, то ли (кажется, с падением России к этому как раз и идет) вообще не преступления. И еще. Не спешите. Пусть сначала янки устроят Нюрнберг по поводу того, что они сделали с индейцами и кому под хвост они отправили сотню тысяч иракцев и как они смотрят на проблему курдов, наконец, пусть они повесят Клинтона за то, что тот не сжег ни одной вьетнамской деревни и вернут храброго вояку Буша, и лишь потом только устраивайте Нюрнберг «по образу и подобию».

2.2. «...была бы предусмотрена презумпция виновности для партийных чиновников не ниже определенной ступени». И для бизнесменов со счетом в банке не ниже определенной цифры.

Задача. Пусть все люди в СССР получают по 200 руб. Каждый из них отдал Амбарцуму по копейке.

а) Сколько рублей получил Амбарцум?

б) Сколько надо Амбарцумов, чтобы 200 рублей были полностью истрачены?

Мой сосед умирает с голоду. В прямом смысле. Понятно, не работает, бездельник, а надо работать. Но он работает. В той же школе, что и Вардуи. Но что делать, если на его иждивении мать и тетка, а сам он возьми да ослепни! Для неумирающих старух и слепых - тоже презумпцию виновности? Ведь мы будем последовательны, не правда ли? *«Больных - налево»*.

Этот режим УЖЕ сравнился по преступности с коммунистическим и всеми остальными. На одну чашу весов - 1937 год, на другую - о д н о г о голодного ребенка, который не голодал бы при коммунистах.

3.1. «Скажут: все эти разговоры запоздали». Нисколько. Сейчас самое время. Послепутчевая эйфория проходит. Нужно срочно что-то новое.

3.2. «Если бы... декоммунизация была бы возможна, то у демократов не возникло бы ощущение безнаказанности».

У-у-у! Это самое худшее место в статье. Почему? Не стану расписывать, т.к. и без того хочется извиниться за длину письма. Замечу лишь, что для понимания того,

откуда у демократов ощущение безнаказанности, надо пообщаться с толстосумами, а не очкариками.

3.3. «Политическая этика сегодняшних демократов... производна от... нравственного уровня, который задали... коммунисты».

Политическая этика сегодняшних демократов производна от интеллектуального уровня, заданного ширпотребными передачами «Свободы» по экономике, социологии и т.д., к тому же плохо переваренных по причине известной фобии. Есть, однако, еще одна причина. В сложной идеологической конструкции под названием «Учебник истории средних веков для 5 класса» проводилась мысль о том, что одной из главных причин порабощения туземцев была их нездоровая страсть к побрякушкам*. Хотя впоследствии особых подтверждений тому я не нашел, соответствующий нравственный урок был усвоен. Сегодняшние демократы даже до 5 класса не дотягивают.

3.4. «Это предположение подтвердилось».

Это предположение не подтвердилось. «Коммунистическое мышление», «большевистские замашки» - величины того же порядка, что и «цивилизованные армяне», «трудолюбивые урарты» и т.д.

3.5. «Демократы способны думать лишь об устранении политических соперников».

У демократов НЕТ политических соперников.

А что касается коммунистов, то они не думали л и ш ь об устранении политических противников. Это тоже - миф.

9 страниц - это уж слишком. Потому отвечу на два возникших у тебя вопроса, и - все!

1. «Почему так примитивно?» Потому что, что бы ни писалось, никогда не следует упускать из виду обывателя как агрессивного, так и забитого. А поскольку вы с массами не общаетесь, я попробовал их заменить и, кажется, неплохо. Человек и личность - вещи о-о-очень разные и человек важнее. Те, кто ставят знак равенства человек-личность и пытаются это равенство наполнить смыслом, в большинстве своем просто рвутся в элиту или страдают человеконенавистничеством, хотя и утверждают прямо противоположное. Не надо на их мельницу лить воду. Алекперов - один из хозяев этой мельницы.

2. «Почему, черт побери, так длинно?» Видишь ли, это - свойство провинции. Провинциалы многословны и простоваты. Даже великие умы (я имею в виду не себя, а Киркегора, скажем, или Ортегу-и-Гассета. Кстати, обрати внимание на Киркегора. Попробуй сравнить его, например, с Хайдеггером и тебе сразу станет понятно, что такое провинция (вплоть до нюансов).

Все!!!

М.

P.S. Ты идешь на вечер, посвященный Юрию Карабчиевскому? Я тебе, представь, завидую. Я недавно перечитывал его книгу. До чего же он прав и до чего же он неправ, добрый и хороший человек.

P.P.S. Как избавиться от... не знаю даже чего.

1. Общайтесь с массами.

2. Слушайте музыку. В основном Бах-Моцарт-Гайдн.

3. Пошлите армян подальше.
4. Прочтите Декарта, хотя бы «Рассуждение о методе».
5. Прочтите Честертона.
6. Пошлите армян еще дальше. Всех, кроме Гранта Матевосяна и Юрия Карабчиевского.

Напоследок две цитаты из Честертона.

«Люди делятся на несколько категорий. Большая - это просто люди. И, в сущности, они лучше всех».

«Когда Диоген искал с фонарем честного человека, ему самому, боюсь, не хватало честности. Ошибка Диогена проста. Он не заметил, что всякий человек - и честен, и нечестен. Диоген искал честность в каждой норе и пещере, но не подумал искать ее в сердце разбойника. Именно там ее нашел Христос; он нашел честного человека на кресте и обещал ему рай».

Найдите и вы хоть что-нибудь в старом разбойничьем режиме.

М.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКЦИИ

1. «Верю, ибо это абсурдно» (лат.).
2. Хачик Стамболцян - председатель благотворительного фонда «Гтутюн» («Милосердие»).
3. «...но некоторые животные более равны, чем другие» (Д.Оруэлл. Скотный двор.).
4. В декабре канистра бензина стоила уже 12-15 тыс.руб.
5. Апазгаинизм - неологизм от армянского слова «ап-азгайин» - антинародный. Участники переписки слышали это слово как обвинение в свой адрес и приняли его в качестве самоназвания.
6. Азгаин Инкнорошман Миаворум (арм.) - партия «Объединение Национального Самоопределения».
7. Статья С.Лёзова «Покаянные дни». - «Независимая газета», 29 октября 1992.
8. Повесть Эли Визеля «Ночь» опубликована в армяно-еврейском вестнике «Ной» (N 2, 1992).

Рисунки к Библии

Кто я? За меня (и за себя, наверное) хорошо сказал Ефим Эткинд: «русский европеец еврейского происхождения». Моя жизнь тотально не удалась. Но у меня была прекрасная семья, и воспоминания позволяют мне жить дальше. И я часто бывал счастлив.

«Для меня существуют только культура и варварство, и я не могу ненавидеть народ, которому я обязан хоть частью своей культуры», - говорил великий Гете.

Мне кажется, эти благородные слова как нельзя лучше определяют цель армяно-еврейского вестника, которому каждый человек, уважающий не только себя, но и своего оппонента (если только тот не оппонирует, как Талаат-паша, и не использует в качестве аргументов составы в Аушвиц), - может пожелать долгого и плодотворного существования.

Для меня большая честь - быть представленным читателям «Ноя». Спасибо!

С самым высоким уважением,
Павел БУНИН

1. Сыновья Ноя, вышедшие из ковчега: Сим, Хам и Иафет. Хам же был отец Ханаана. Сии трое были сыновья Ноевы, и от них населилась вся земля (Бытие. 9).

2. И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль, а когда опускал руки свои, одолевал Амалик; но руки Моисеевы отяжелели, и тогда взяли камень и подложили под него, и он сел на нем, Аарон же и Ор поддерживали руки его, один с одной, а другой с другой стороны. И были руки его подняты до захождения солнца (Исход. 17).

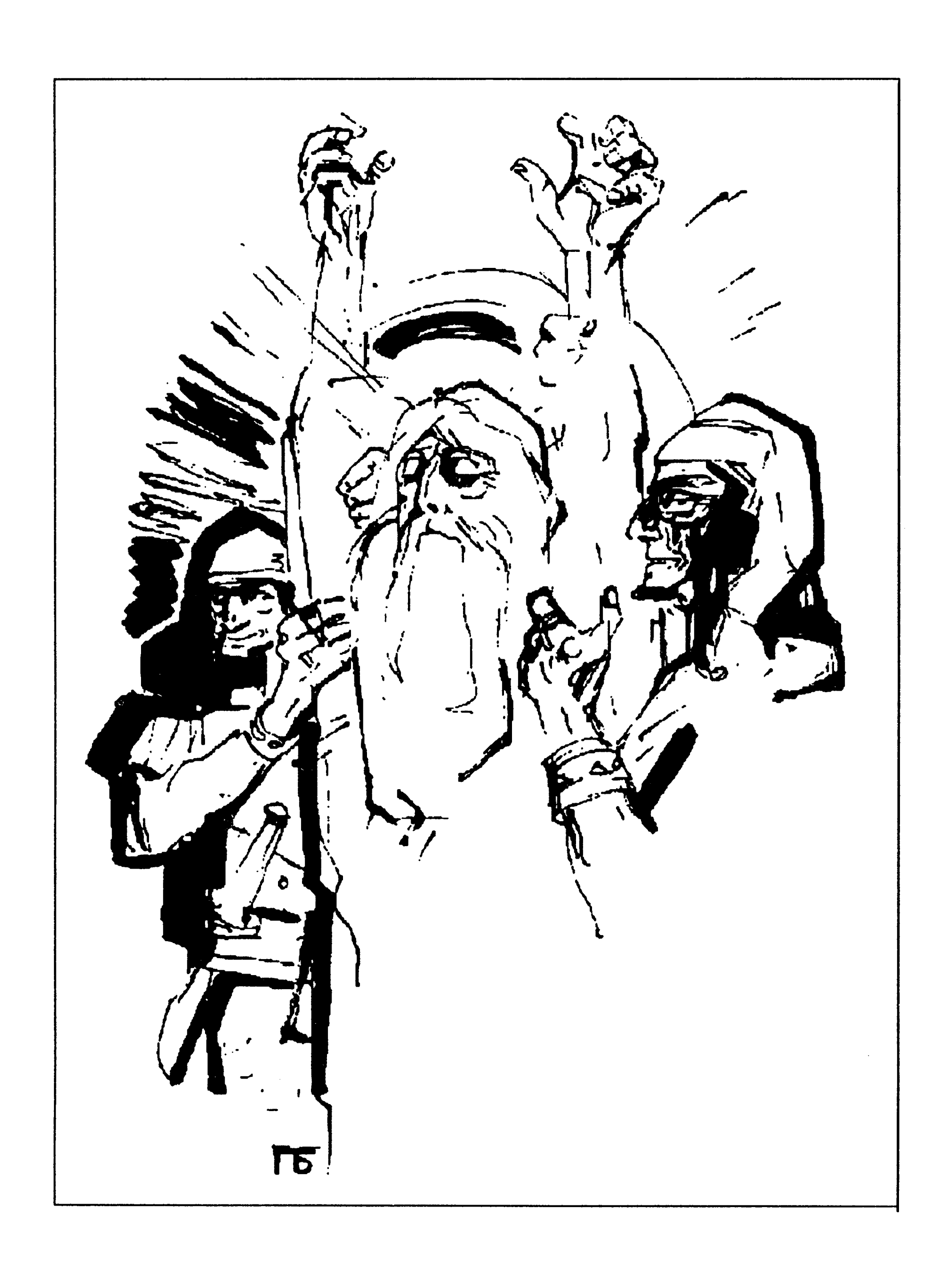
3. При реках Вавилона, там сели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе... (Псалом 136).

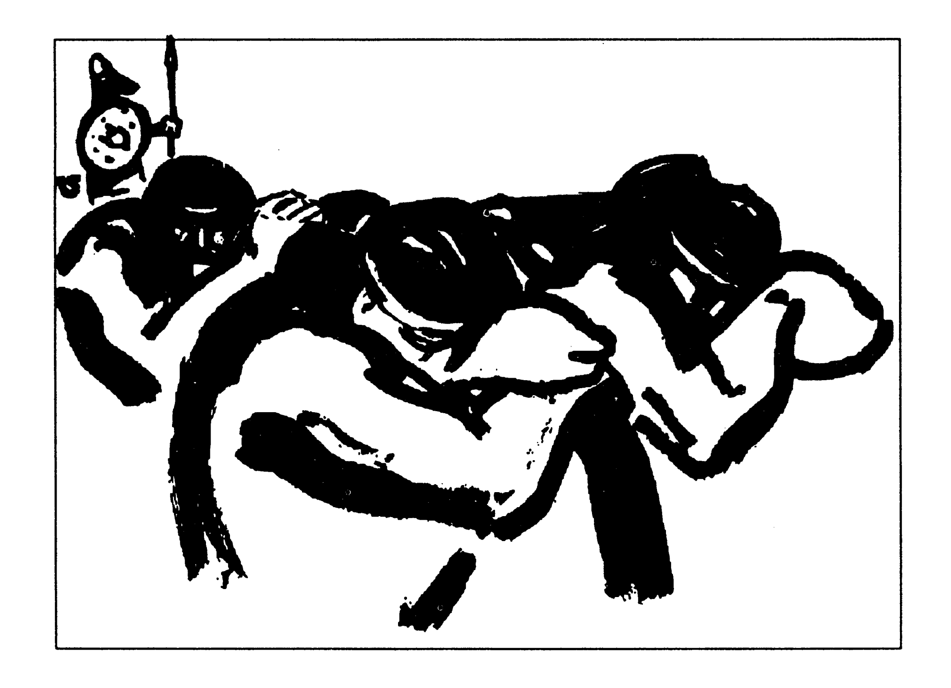
4. Увы, народ грешный, народ обремененный беззаконием, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святого Израилева, - повернулись назад. Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство (Книга пророка Исайи. 1).

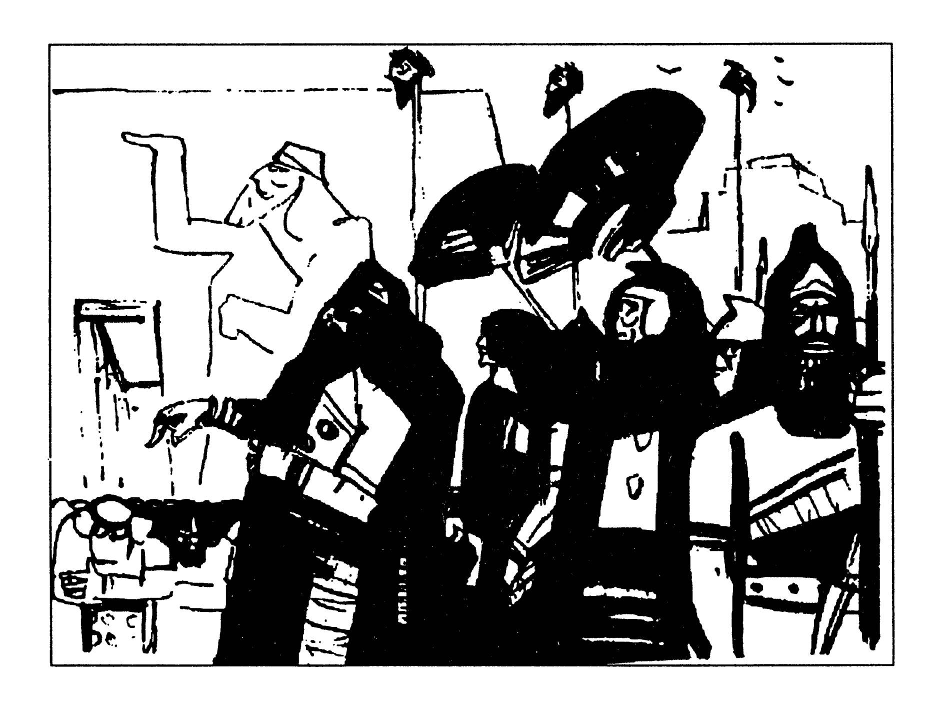
5. Разинули на нас пасть свою все враги наши. Ужас и яма, опустошение и разорение - доля наша (Плач Иеремии, 3).

6. И было в тринадцатый год, в четвертый месяц, в пятый день месяца, когда я находился среди переселенцев при реке Ховаре, отверзлись небеса, и я видел видения Божии (Книга пророка Иезекииля. 1).

ГБ

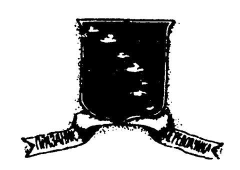

Ованес ТУМАНЯН

ДВА ОТЦА

Была зима года резни - 1896-го. Горстка беженцев из Сасуна достигла Эчмиадзина. Был среди них и старый Саркис, священник из села Н.

- Только бы поцеловать десницу Айрика, - попросил он в покоях патриарха, и его впустили.

- Здравствуй, святой отец. - Айрик протянул священнику правую руку, тот приник и отступил; усталый, сокрушенный, стоял он посреди зала.

- Откуда идешь?

- Из Сасуна, я священник Саркис.

- Отец Саркис?

- Да.

- И...

- Двадцать человек было в моей семье, Айрик, но убили моих сыновей, увели моих невесток, пропали мои внуки, разграблен и сожжен мой дом, остался я...

- А теперь?

- Ничего не хочу я, Айрик. Пришел сказать... ничего больше не надо...

Перед католикосом стоял человек, который утратил все и ничего не желал. Оба молчали.

- Сколько детей ты потерял, отец Саркис? - Католикос поднял голову.

- Всех... двадцать.

- Двадцать детей потерял ты, а я - двадцать тысяч... и еще двадцать. Значит, двадцать тысяч и двадцать. Чья же утрата больше, отец Саркис?

Содрогнулся священник.

***Мкртич ХРИМЯН (1820-1907) - армянский католикос с 1896 по 1907 гг. Пользовался великой любовью армян, за что и получил в народе прозвище «Айрик» - Отец.**

- Чье же горе более тяжко?

- Твое, Айрик.

- Так подойди же ко мне, отец Саркис, возложи десницу свою на голову мою, помолись, благослови меня вынести это горе.

Сказал и склонил голову.

Поспешил к нему священник, возложил правую руку на главу патриарха, зашептал молитву, и наполнились глаза слезами...

Католикоса всех армян благословлял он.

Айрик, отец армянский, склонился перед ним.

Перевела с армянского
Гаянэ АХВЕРДЯН

Мирча ЭЛИАДЕ

ПОД ТЕНЬЮ ЛИЛИИ...

Едва он отнял руку от кнопки звонка, как дверь мгновенно распахнулась. Он безотчетно перехватил бутылку с вином за горлышко, словно для защиты, но опомнился и покраснел.

- Ты меня не помнишь? - спросил он, выдавив из себя улыбку.

Открывший смотрел на него подозрительно, насупясь, с непонятной досадой.

- Я же Постэвару, Ионел Постэвару, твой одшнокашник по лицею Святого Саввы. - И поскольку открывший только пожал плечами, решил уточнить: - Вы разве не Енаке Мэргэрит, адвокат из Бухареста?

- Положим...

- Ну так мы же вместе учились, с первого по четвертый класс. - И повторил: - В лицее Святого Саввы.

Мэргэрит вяло улыбнулся и снова пожал плечами.

- Глубокая древность.

- Очень глубокая. Мы поступили туда 48 лет назад. Однако у нас с тобой была и еще одна встреча, перед войной, тоже в Бухаресте. Я даже могу сказать тебе точно, когда: в марте 39-го. Мы встретились на Бульваре, у книжного. У «Картя Ромыняскэ».

- Мне очень жаль, - нехотя произнес Мэргэрит, - но я этого не помню.

- Извини, что я настаиваю, - возобновил Постэвару свой натиск после паузы. - Ты человек занятой, я прекрасно понимаю...

- Просто жду одного знакомого, - сказал Мэргэрит. - Я думал, это он, когда услышал звонок, и даже удивился, потому что он обычно опаздывает.

Постэвару в смущении вынул платок и отер лоб.

- Еще раз прошу прощенья, но речь идет об очень важных вещах. То есть для меня очень важных. Я только вчера узнал твой новый адрес. А завтра утром мне уже ехать, и я не знаю, когда еще выпадет случай побывать в Париже... Для меня это крайне важно, - повторил он, - а у тебя займет не больше, чем пять-шесть, от силы десять минут. Вот, кстати, вино. - Он неловко протянул бутылку. - В магазине клялись, что это лучшее, чем они располагают. Мне, правда, не понравилась упаковка, я ее содрал и оставил в такси...

- Благодарю, но, право, не стоило. Входи, пожалуйста. У меня тут кавардак, как видишь. Только что переехали...

Он равнодушно отставил вино в сторону, но, скользнув взглядом по этикетке,

снова взял бутылку в руки и с изумлением на нее уставился.

- Чистое безумие, - прошептал он. - Эта бутылка обошлась тебе в целое состояние!

- Ну, так что ж, - возразил Постэвару. - Я сказал себе: надо отметить нашу встречу в Париже. Сорок восемь лет знакомства! И потом для меня это, повторяю, крайне важно. Я хочу тебя кое о чем спросить...

Он сел на кушетку и снова вытащил носовой платок.

- Спрашивай, - согласился подобревший Мэргэрит и придвинул к кушетке стул. - Только имей в виду: особых новостей у меня нет. Я девять лет как отъехал. С тех пор все еще больше изменилось. К худшему...

- Да, да, знаю, - вздохнул Постэвару. - Но я не про то, совсем не про то. Я про нашу последнюю встречу, в марте 39-го. Я увидел тебя, когда ты вел спор, весьма оживленный, с одним человеком, вы стояли у книжного, ну, и я подошел пожать тебе руку. Я и раньше тебя мельком видел, но либо сам куда-нибудь опаздывал, либо меня смущало твое окружение...

Он внезапно осекся и принялся складывать платок и запихивать его обратно в карман.

- Ты будешь смеяться, - сказал он, покончив с этой процедурой, - но я тебя уверяю, что те несколько слов, собственно, фраза, которую произнес твой знакомый, а может быть, и друг... Может, вы дружите и сейчас... если он еще жив. Все-таки прошло тридцать пять лет. Война и все, что за ней воспоследовало...

- Я не совсем понимаю, - перебил его Мэргэрит, - не понимаю, к чему ты клонишь.

Постэвару, вконец оробев, взглянул на него, пытаясь держать улыбку.

- Виноват, прости. Я все утро мотался по городу, устал... И, признаться, это ожидание, что с минуты на минуту кто-то придет... право, я не знаю, как подступиться к делу и побыстрее с ним покончить.

Мэргэрит улыбнулся.

- Ну, это пустяки, придет мой старый приятель. Тоже румын, тоже эмигрант. Если ты не захочешь говорить при нем, я попрошу его подождать в соседней комнате.

- Нет, нет! Пусть остается. Ты увидишь, тут нет никакой тайны... Однако теперь, когда ты меня успокоил, осмелюсь спросить - не найдется ли у тебя бутылочки пива? Холодного. Страшно хочется пить. Во рту пересохло...

Мэргэрит молча поднялся и пошел на кухню. Вернулся с бутылкой пива и стаканом, которые и водрузил с подчеркнутой вежливостью на столик у кушетки.

- Ничего проще, - сказал он, собираясь налить.

Но Постэвару, смущенно улыбаясь, перехватил его руку.

- Я слышал! Ты взял его прямо из холодильника. Оно слишком холодное, не даст пены. Пусть чуть постоит, придет в себя. Как говаривал наш физик, он же химик, Василе Сафирим - ты его помнишь, Сафирима? Помнишь, он говаривал: все может обледенеть вокруг нас, даже пиво...

Мэргэрит отпрянул, как от удара, и его взгляд наконец-то зажегся живым любопытством, будто до него только сейчас дошло, кто к нему пожаловал.

- Ну да, Василе Сафирим, - изменившимся голосом сказал он. - Бедный Сафирим. Я как-то проходил через кладбище Белу. Осенью, денек был, как сейчас помню, чудный. Остановился закурить - я тогда много курил - и только собрался бросить спичку, как вижу - свежая могила, вся в цветах. И табличка: *Учитель Василе Сафирим, 1880-1943.* Бедняга! Это был первый и последний раз, когда я видел его могилу. Очень скоро случилась американская бомбежка - помнишь, конечно, - и ту часть кладбища всю разворотило...

- Да, бедняга Сафирим! - поддакнул Постэвару. - Большой был ученый. Он имел в виду, очевидно, охлаждение земли: *все может обледенеть вокруг нас...* Но чтобы не слишком пугать детей, добавлял в шутку: *все, даже пиво...* Кстати, теперь можно и

налить, вот увидишь, какая будет пена. Ого!

Мэргэрит заворочался на стуле.

- Так вернемся к тому моему знакомому. Опиши мне его. Блондин, брюнет, какого роста, элегантный или так себе?..

- Ну, как же ты не помнишь? - перебил его Постэвару. - Ведь это, повторяю, была наша единственная встреча, в марте 39-го. На Бульваре, у «Картя Ромыняскэ». Вы говорили оба одновременно, с таким жаром, будто вот-вот разругаетесь вдрызг. Твой друг...

- Да как же он выглядел, хоть примерно? Моложе нас, старше?

- Я бы сказал, что он наш ровесник. Блондин, шляпа сдвинута чуть на затылок, шляпа с узкими полями, и жестикулировал так своеобразно...

- А именно?

- Трудно объяснить... Не знал, что делать с руками: то и дело вскидывал их, будто волосы пригладить, но тут же быстро совал в карманы, как бы вспоминая, что на нем шляпа. Видно было, что он на пределе, даже по тону... Все еще не припоминаешь?

- Да нет... Шляпа с узкими полями...

- Главное здесь - то, что он сказал, - продолжал Постэвару. - Повторяю, вы оба были на взводе и готовы к ссоре. Насколько я понял, ты пытался убедить его помириться с каким-то вашим общим приятелем. Из-за чего они повздорили, я не понял, потому что ни ты, ни он об этом не упоминали. Но то, что он сказал, меня глубоко потрясло. Я никогда ничего подобного не слышал. Каких-нибудь несколько слов, а по сути - философская или даже мистическая концепция. И он обронил их походя, без всяких предисловий...

- Да что же он такого сказал? - теряя терпение, взмолился Мэргэрит.

Постэвару взял было бутылку пива, но раздумал и снова опустил ее на поднос.

- Он сказал... Нет, погоди, надо добавить одну подробность. Ты, уже вне себя, спросил, окончательно ли его решение не мириться с тем вашим общим другом. Он посмотрел на тебя пристально, с грустью и вдруг улыбнулся, по-моему, иронически. Улыбнулся и сказал: «Почему же? Мы помиримся под тенью лилии, в раю!» Представляешь: *под тенью лилии!..*

- Ну, хоть убей, не помню! Блондин в шляпе с узкими полями, говоришь?

- И все время жестикулировал, - напомнил Постэвару. - То и дело засовывал руки в карманы пальто, как бы с досады, что не может пригладить волосы... Прошу тебя, одно усилие памяти! Март 39-го, на тротуаре перед «Картя Ромыняскэ». Когда вы расстались, мы с тобой немного прошлись вместе, буквально несколько шагов, потому что ты был слишком взволнован и не расположен к разговорам... Но ты даже не представляешь себе, как на меня подействовали эти слова: что примирение состоится под тенью лилии, в раю! А позже они стали меня преследовать. Да, просто как идея-фикс. Это когда меня прошило из пулемета на переправе через Днестр. Точнее, когда я упал лицом в грязь на дороге и не сразу потерял сознание. С тех пор они меня преследуют. Особенно в минуты большой опасности - а их у меня было достаточно, как и у всех, - особенно в эти минуты я всегда видел твоего приятеля в шляпе с узкими полями и слышал: «Почему же!.. Под тенью лилии, в раю...»

Мэргэрит резко крутанулся на стуле, придвигая его ближе к кушетке.

- Вот досада! - воскликнул он. - Как же я мог забыть!

- Я прошу тебя, умоляю! - гнул свое Постэвару. - Сделай усилие памяти! Ты даже не представляешь, какую мне окажешь услугу. Может, ты вспомнишь попозже, когда я уйду. Я оставлю тебе свой телефон в здешнем отеле и цюрихский. Звони в любой момент. Вопрос насущнейший!

Мэргэрит слушал уже рассеянно, потирая правой рукой то одно, то другое колено.

- Однако же, - с внезапным раздражением проговорил он, - я не совсем понимаю, в чем может заключаться моя помощь...

- Если ты вспомнишь, о ком идет речь, ты вспомнишь и все остальное: помирились они или нет, живы они или нет, и все прочее. Для меня это крайне, крайне важно! - патетически повторил Постэвару.

Тут под окнами раздались шаги, и Мэргэрит сорвался с места, чтобы открыть дверь.

- Слава тебе, Господи, - пробормотал он.

Постэвару в смущении встал и вышел на середину комнаты.

- Вот и долгожданный господин Ефтимие, - представил Мэргэрит. - А это - Ионел Постэвару... мой однокашник по лицею Святого Саввы, - присовокупил он с улыбкой.

Ефтимие пожал бывшему лицеисту руку, пытливо и даже строго заглянув ему в глаза.

- Рад познакомиться, - сказал он, опускаясь в кресло, которое пододвинул ему хозяин. - Вы, я вижу, предпочитаете кушетку, - добавил он, не спуская глаз с Постэвару.

- Меня усадил сюда наш милый хозяин, - стал оправдываться Постэвару. - Вообще-то...

- Значит, лицей Святого Саввы, - перебил его Ефтимие. - Какой лицей! - воскликнул он, поудобнее откидываясь на спинку кресла. - Оттуда все и пошло. Не далее, как неделю назад, рассуждали об этом с доктором Тэушаном. Какого рожна ему понадобилось говорить молокососам, четырнадцати—пятнадцатилетним мальчишкам, про такую штуку, как тень лилии в раю? Ведь с этого все и пошло...

Постэвару почувствовал, что краснеет, и сконфуженно полез за платком. Поднять глаза на хозяина, который пытался саркастически рассмеяться, он не посмел.

- Я не знал, - начал Мэргэрит отчетливо, - я не знал за тобой привычки подслушивать под дверью, прежде чем нажать на кнопку звонка.

- О чем ты? - спокойно откликнулся Ефтимие. - Кто подслушивает под дверью?

- О чем? А как же с тенью лилии в раю?

- Да это мы с доктором Тэушаном на прошлой неделе, пока ждали в метро... И оба согласились, что с его стороны было довольно-таки глупо...

Постэвару взглянул наконец на Мэргэрита и решительно встал с кушетки.

- Позвольте мне, - вмешался он. - Прошу прощенья, что я вас перебиваю, но, должен признаться, я потрясен не меньше, чем Мэргэрит. Потому что - он подтвердит - я приехал к нему (а мы не виделись с марта 39-го), я приехал, повторяю, специально из-за этой фразы: под тенью лилии, в раю...

- Ну да, - сказал Ефтимие, - это мы от него услышали, от учителя, в Саввином лицее.

- Нет, мой милый, - с раздражением возразил Мэргэрит, - ты нас не путай. Мы с Постэвару были как-никак однокашниками в Саввином лицее...

- 48 лет назад, - уточнил Постэвару.

- А история с тенью лилии и прочим имела место гораздо позже, - продолжил Мэргэрит.

- В марте 39-го, - опять уточнил Постэвару.

- Так что Саввин лицей тут ни при чем, по крайней мере лицей нашего отрочества, - закончил Мэргэрит и в изнеможении опустился на стул.

- Я вам скажу, о чем мы говорили с доктором Тэушаном, когда вышли из кафе, - невозмутимо взял слово Ефтимие. - Мы, все наши, встречались прошлое воскресенье в «Эксцельсиоре». Жаль, тебя не было. Так вот, тучи сгущаются. - Он понизил голос. - И это может сказаться на нас, на румынской диаспоре, я имею в виду...

Мэргэрит вскочил.

- Нет, тут любое терпение лопнет, я сейчас волком завою! О чем речь в конце-то концов?

Ефтимие в недоумении уставился на него, потом его лицо прояснилось.

- Прости, - сказал он, - я думал, ты в курсе, я забыл, что прошлое воскресенье

ты с утра не был в церкви.

- Пришлось съездить в провинцию. Очень уж докучают. И все с одним и тем же!

- Да, да, теперь я вспомнил... Короче, мы встретились, как я уже говорил, в «Эксцельсиоре», чтобы решить, чем мы можем помочь Илиеску.

- Это которому Илиеску? И что с ним стряслось? - нетерпеливо спросил Мэргэрит.

- Сейчас, сейчас. Разве ты не знаешь инженера Илиеску?

- Это про которого писали в газетах, как ему удалось добраться до Вены - пять дней в заколоченном ящике?..

- Да с ним и не такие были страсти, но об этом потом...

- Так что же все-таки с ним стряслось? - напомнил Мэргэрит.

- С его слов, вот что. Представьте себе, что его отстранили от дел в Briансоне и пообещали перевести в другой департамент, но в какой именно, не сказали. Пока что он, по его собственному выражению, «на вакациях», в Париже. Что еще хуже, он попал под подозрение. За ним следят, он чувствует. Да что там чувствует - знает. И все из-за этого Валентина!..

- Нет, я больше не могу! - остановил его Мэргэрит, не садясь и опираясь обеими руками о спинку стула. - Еще какого-то Валентина приплел!

- Но я же не дорассказал!

- Да я вижу, что до конца еще далеко, и поэтому позволю себе спросить, что ты предпочитаешь: кофе, оранжад, вино?..

- Пожалуй, сейчас впору будет немного вина.

Мэргэрит с важным видом отправился на кухню.

- Для тебя захвачу бутылочку пива, - бросил он Постэвару, улыбаясь со значением.

Чем дольше длилось молчание, тем суровее новый гость поглядывал на Постэвару.

- Та же фраза! - не выдержал тот. - Нас, румын, десятки или, может быть, сотни тысяч в изгнании, мы рассеяны по всему миру, и надо же: как раз в тот день, когда я проездом в Париже разыскиваю Мэргэрита, чтобы спросить его об одной фразе из 39-го года, вы - только в дверь - как раз с ней на устах. Какое совпадение!..

- Только не говорите о совпадениях при Илиеску, если с ним встретитесь. Для математика и такого спеца по статистике, как он, самые экстраординарные совпадения столь же естественны, как дважды два - четыре.

- С математической точки зрения он, вероятно, прав, но...

Он вскочил, чтобы помочь Мэргэриту установить на столике поднос с напитками.

- Я вижу, ты меня балуешь, - сказал Ефтимие, церемонно поднимая бокал.

- Так о чем я, - вернулся к прерванной мысли Постэвару, - с математической точки зрения он, может быть, и прав. Однако: та же самая фраза...

- Но фраза-то не его, - сказал Ефтимие, таинственно улыбаясь. - Отличное! - похвалил он, пригубив вино. - Нет, право, ты меня балуешь!

Мэргэрит подвинул к себе стул, сел и решительно вынул из кармана пачку «галуаз».

- Позволю себе сигарету, - сказал он виновато. - Вообще-то я бросил. Но одну пачку всегда держу под рукой. На случай, если нервы расшалятся. Прошлое воскресенье, - он повернулся к Ефтимие, - выкурил почти всю!

- Ну, и плохо сделал, - пожурил его Ефтимие. - Лучше бы остался в Париже и познакомился с Илиеску... Узнал бы, что нас ожидает!

- Да что, что нас ожидает? - уже с раздражением вырвалось у Мэргэрита.

- Узнаешь в свое время, если не будешь больше меня перебивать. Итак, начнем сначала. То есть с момента двухлетней давности, когда Илиеску приютил у себя Валентина Иконару. Илиеску, да будет тебе известно, работал в Центре автомобильного контроля, в Briансоне. У него там дом, а поскольку он человек холостой, то он и приютил у себя

этого молодого человека, лет двадцати пяти, взял его как бы секретарем. Я лично самого Валентина не знаю, но, со слов Илиеску и других румын, которые его навещали в Бриансоне, умом он явно не блещет. По-французски двух слов связать не может, читать, слава Богу, научился, но читает исключительно про всякую живность, а больше всего про насекомых. Вообще на слова скуп, вот про букашек и козявок - пожалуйста. К тому же человек ненадежный, имеет привычку пропадать по два-три дня, а когда объявляется, то всегда повторяет одно и то же: дескать, увязался за бабочкой или за жуком, или еще за чем-нибудь этаким и заблудился в горах.

- Надо было отчитать его хорошенько и отослать обратно в Париж, пусть бы узнал, почем фунт лиха на чужбине, - сердито заметил Мэргэрит.

- У Илиеску золотое сердце, - возразил Ефтимие, снова наливая себе. - К тому же, он нам признался, этот простофиля его очень позабавил - после того как чуть ли не в первый же вечер закатил речь о том, как, видите ли, следует переписать сегодня «Энтомологические наблюдения» Фабра... Однако события начали развиваться после одного случая, на вид вполне банального. Месяца два назад сидят они в горах, на солнышке, и Валентин держит на ладони голубую ящерку, любуется. И вдруг Илиеску слышит: «Когда мы все будем в раю, под тенью лилии, я пойму, что говорит мне сейчас эта ящерка»... Илиеску на него поглядел и спрашивает, так, в шутку: «Откуда же ты знаешь, какой вышины лилии в раю?» А Валентин с улыбочкой: «Так говаривал один учитель в Саввином лицее. Вообще-то он по профессии был не учитель, жил под чужим именем, с фальшивыми документами, пока его все-таки не забрали...

Мэргэрит вскочил и, шлепнув себя ладонью по лбу, воскликнул:

- Ну, конечно! Это он, Флондор, Эманоил Флондор, архитектор! Как же я сразу не вспомнил? В шляпе с узкими полями. В ту весну он носил шляпу. Почему-то. После снова стал ходить, как всю жизнь, с непокрытой головой.

Постэвару в волнении встал и перекрестился.

- Слава тебе, Господи, вспомнил! А они помирились?.. Я за тем и приехал, - объяснил он Ефтимие, - чтобы узнать, помирился он со своим приятелем или нет.

- С Санди Валаори, газетчиком, - отвечал Мэргэрит. - Они были добрыми друзьями, а повздорили из пустяка. Да, помирились в конце концов. И даже решили отпраздновать это дело, тет-а-тет, в своем любимом ресторане, сразу как кончится война. Но не пришлось. Санди впутали в процесс Маниу и приговорили к двадцати пяти годам строгого режима. Тогда-то исчез и Флондор - раздобыл каким-то образом фальшивые документы и диплом и заделался учителем истории, сначала где-то в провинциальной гимназии, потом подвернулось место в Бухаресте, в Саввином лицее, там как раз историк попал в автомобильную катастрофу. Но буквально через полгода его взяли - по доносу, не иначе, и дали ему пятнадцать лет.

- А с тех пор о них что-нибудь было слышно? - спросил Постэвару. - Живы они?

Мэргэрит машинально опустился на стул и снова нашарил в кармане сигареты.

- Мне говорили, что Санди Валаори отсидел несколько лет и умер в тюрьме. Во всяком случае, я его больше не встречал. А про Флондора ничего определенного не известно. Ходят разные слухи: кто говорит, что он вроде бы тоже умер, но когда, при каких обстоятельствах, никто не знает...

Ефтимие, который не пытался скрыть раздражения, что его перебили, на этих последних словах оживился.

- ...А есть версия, что он бежал из тюрьмы и переправился через границу, но опять-таки неизвестно, когда и как...

- Это вы узнаете от Илиеску... - объявил Ефтимие. - А он узнал от Валентина, от того самого молодого человека, про которого мы толкуем. Этот Валентин утверждает, что ваш Флондор якобы жив-здоров, что он с ним много раз виделся и даже беседовал...

- Вот это да, - прошептал Мэргэрит.

- ...Однако где и когда виделся, - продолжал Ефтимие, - и о чем беседовал, умалчивает, говорит, ему все равно не поверят.

- Это как же понимать? - спросил Мэргэрит, потирая лоб.

- Понимай как знаешь. Я говорю со слов Илиеску, а ему столько надо было сказать, что он не мог расписывать подробности. Так или иначе, Илиеску - технарь и крепко стоит на земле. На всяких там миражах, призраках его не проведешь. И когда Валентин раз все-таки признался ему, что на загородном шоссе есть место, где после полуночи исчезают грузовики: сразу за поворотом, не знаю, на каком километре, - Илиеску только улыбнулся.- «Весьма любопытно, - говорит, - я тоже хочу посмотреть, как они якобы исчезают за поворотом. А для точности эксперимента возьмем с собой Марка (Марк - это его сослуживец, очень надежный малый) и расположимся метрах в десяти-пятнадцати друг от друга, до и после поворота...» Так они и сделали. Незадолго до полуночи попрятались за деревьями. Только грузовик появится - Илиеску свистит специальным свистом. - Ефтимие взял бокал и, прежде чем поднести к губам, добавил: - Такой короткий и пронзительный свист ночной птицы, они все трое его заранее освоили... - Потягивая вино, он поудобнее утонул в кресле. - Первые два часа все было нормально. Потом выскакивает грузовик - видно, что здорово нагруженный, - и на полном ходу сворачивает, а через десять-пятнадцать секунд Илиеску слышит свист Марка, означающий, что мимо него грузовик не проехал. Илиеску бросается проверять. В самом деле, на шоссе, которое сразу за поворотом идет вверх через лес, никакого грузовика нет. Только далеко-далеко, за деревьями, виднеются фары предыдущего, который прошел пятью минутами раньше.

- Вот это да, - опять прошептал Мэргэрит.

- Мы тоже, конечно, ахнули, - продолжал Ефтимие. - Но Илиеску - человек точных знаний. Валентин ему: «Вот видите, я был прав», - а он спокойненько: «Пока что выводы делать рано. Понаблюдаем еще». Они поменялись местами, Илиеску засел в рощице прямо у поворота, а Валентин свистом оповещал его о приближении грузовиков. В ту ночь, по словам Илиеску, их исчезло три. Валентин ему: «Ну, убедились? Убедились, что я ничего не придумывал?» А Илиеску: «Я еще не видел твоего учителя из Саввиного лицея. Пока не увижу его собственными глазами, не поверю!» Марк, самый младший из них, впал в панику. «Надо, - говорит, - немедленно заявить куда следует!» А Илиеску: «Ни в коем случае! Никому ни слова. Иначе у нас могут быть неприятности...»

- Но какого порядка? - удивился Мэргэрит.

Ефтимие прокашлялся, допил свой бокал и, понизив голос, объяснил:

- Илиеску с самого начала заподозрил, в чем дело. При Валентине он ничего не сказал, но Марку на другой день намекнул, что тут наверняка что-то секретное, военное - новая система камуфляжа с помощью... какой-то штуковины, не знаю, я не силен в технических терминах. В общем, Илиеску велел им держать язык за зубами: ни их коллеги, ни власти, ни тем паче газетчики не должны были пронюхать об их открытии. А что это было открытие, он не сомневался. Они караулили еще три ночи и увидели, что все без обмана: грузовики действительно исчезают, хотя и выборочно. В первую ночь - два, во вторую - пять, а на третью ночь - только один. Правда, на третью ночь они уже стоя засыпали и разошлись по домам много раньше...

- Однако, выходит, информация все-таки просочилась, - перебил его Мэргэрит, - раз ты говоришь, что Илиеску, а с ним и все мы, здешние румыны, взяты под подозрение...

- По несчастной случайности! - воскликнул Ефтимие. - Как-то вечером, недели две назад, в одном баре в Бриансоне зашла речь о летающих тарелках, они сейчас называются «неопознанные летающие объекты». Так вот, Марк возьми и брякни - вероятно, выпил лишнего, - что он тоже видел кое-какие неопознанные объекты на загородном шоссе. Правда, сразу опомнился и в детали пускаться не стал. Но слово

вылетело - его подхватил один местный газетчик и дал информацию, что под Бриансоном видели новый тип летающих тарелок, и несколько дней все на эту тему чесали языки. Теперь представьте себе...

Мэргэрит рывком поднялся и, приложив палец к губам, пошел к двери. Как только раздался звонок, он отпер, выглянул в щель и, повернув голову к гостям, объявил:

- Доктор Тэушан!

- Прости, дорогой мой, - извинился доктор, входя. - Но за мной следят. Очень может быть, что за тобой тоже, - обратился он к Ефтимие. - За всеми нами следят! Я пришел предупредить: если нас будут спрашивать, что мы обсуждали в «Эксцельсиоре», давайте договоримся, чтобы не противоречить друг другу.

- То есть? - спросил Ефтимие. - Это в каком же смысле?

- Будем все говорить одно и то же: что Илиеску с нами особенно не откровенничал, а просто сказал, что по чистому недоразумению появилась статья в одной провинциальной газете и что...

Мэргэрит снова приложил палец к губам и крадучись направился к двери. Доктор Тэушан сел на кушетку. Не дождавшись звонка, Мэргэрит спросил по-французски:

- Кто там?

И поскольку тягостное молчание длилось, повторил вопрос тоном более суровым.

- Мы от мсье Илиеску, - ответили по-французски.

- Но у меня гости... - начал Мэргэрит.

- Мы только посоветоваться, мсье Илиеску попросил!

Приосанясь, Мэргэрит широко распахнул дверь. Увидев первого из входящих - высокого, корректно одетого молодого человека с почти бесцветными волосами и любезным выражением лица, - Тэушан нагнулся к Ефтимие и шепотом сказал:

- Нет, за мной следили не эти...

С некоторой церемонностью Мэргэрит представил:

- Мсье Жан Буасье (молодой человек вежливо склонил голову), мсье Жеральд Ласказ.

И принес еще пару стульев из столовой.

- О чем же посоветоваться? - спросил по-французски Тэушан.

- Давайте говорить по-румынски, - предложил, приветливо улыбаясь, Жеральд Ласказ. - Мне не часто представляется такой случай, а я очень люблю румынский язык.

- Если бы не чуть заметный акцент, я бы поклялся, что вы - румын! - воскликнул Ефтимие.

Ласказ весело переглянулся с Буасье и совершенно непринужденно рассмеялся.

- Я провел в Румынии детство. И жена у меня румынка... Очень сожалею, что я вас обеспокоил, - продолжал он, обращаясь к доктору и к Ефтимие, - но, как вы уже догадались, дела плохи. Поэтому мсье Илиеску подсказал нам попросить у вас совета.

Мы знаем, что вы обсуждали прошлое воскресенье в «Эксцельсиоре», а это еще больше осложняет ситуацию...

- Но отчего же? - хором спросили Ефтимие и Тэушан.

Ласказ, оглянувшись на Буасье, снова рассмеялся и снова весьма добродушно.

- Оттого, что вы были не одни в кафе. Кое-кто еще понимает по-румынски. И мы рискуем опять влипнуть в историю, как с Бриансоном, ну, со статьей в «Ла депеш» про НЛО и прочее...

- Но ведь Илиеску как раз и утверждает, что летающие тарелки и все прочее - ерунда! - заметил Ефтимие.

- Вот то-то и оно, - подхватил Ласказ уже официальным тоном. - Мсье Илиеску говорил вам о другом, о некоторой, по его мнению, военной тайне, а это будет похлеще, чем неопознанные летающие объекты. В результате мы были вынуждены принять меры. Предупредительные. Вы, конечно, знаете, что уже сутки, как движение в соответствующей

зоне запрещено, контроль строгий, и мы не делаем из этого секрета, потому я и говорю так свободно. Но, боюсь, придется прибегнуть и к другим мерам. Сообщаю вам конфиденциально, что мы, возможно, будем вынуждены пригласить вас - о, всего на несколько дней! - на Корсику, в один отель, всех, кто узнал от Илиеску, непосредственно или через третье лицо, про утверждение Валентина Иконару, будто он видел в автомобиле своего бывшего учителя истории и даже разговаривал с ним...

- Да он же дурачок, этот Валентин! - вмешался Ефтимие, подскочив в кресле. - Как можно делать выводы на основании болтовни мальчишки, который и по-французски-то ни бельмеса не знает?

Ласказ с иронической улыбкой обернулся к коллеге. Зазвучала французская речь:

- Валентин бегло говорит по-французски, - сказал Буасье, - и его очень ценят в Музее. Он сделал сенсационные наблюдения над отрядом жестококрылых альпийской зоны. Опубликовал несколько статей... Под псевдонимом, разумеется, - добавил он, многозначительно переглянувшись с Ласказом.

- Во всяком случае... - тоже по-французски начал доктор Тэушан.

- Продолжим по-румынски, - перебил его Ласказ. - Я тогда чувствую себя «больше, как дома», если вы позволите мне так выразиться...

- В любом случае, - поправился Тэушан, - мне кажется по меньшей мере преувеличенным, если не противозаконным, подозревать нас и «приглашать» на Корсику только на том основании, что Валентин утверждает, будто он видел своего бывшего учителя истории, который что-то там такое им говорил...

- «Когда мы встретимся... - подсказал Ласказ, - когда мы встретимся под тенью лилии, в раю...»

Постэвару покраснел и полез за платком. Он снова не смел поднять глаз на Мэргэрита.

- Значит, вам и это известно, - прошептал Ефтимие, - и про лицей Святого Саввы...

- От самого мсье Илиеску, - отвечал Ласказ.

- Оттуда все и пошло, - продолжал Ефтимие, - это все их историк. Какой смысл было говорить лицеистам, мальчишкам, про тень райских лилий?

- Вот и я тоже думаю - зачем? - подхватил Ласказ. - Но пока проблема нас интересует в другом аспекте... - Он украдкой взглянул на часы. - А именно: сама фраза. Мой коллега, который понимает по-румынски, но говорить стесняется, предоставил мне спросить вас, нет ли в этом выражении, «под тенью лилии», нет ли тут для вас, румын, какого-то особого смысла - не метафора ли это?

- Метафора? - переспросил доктор. - То есть нет ли тут подтекста?.. Но какой же тут может быть подтекст?

Ласказ смерил его долгим испытующим взглядом, потом мельком оглядел всех присутствующих.

- Ну, например, возврат из изгнания, - произнес он наконец. - Жан Буасье много беседовал с Валентином (что скрывать, энтомология и его «тайная страсть»), и в ходе этих бесед у него сложилось впечатление, что для Валентина Изгнание означает гораздо больше, чем положение эмигранта, как мы его понимаем. Так, его однажды поразило утверждение Валентина, что «весь мир живет в изгнании, но об этом знают очень немногие...»

- Ничтожное меньшинство, - по-французски уточнил Буасье.

- И вот мой коллега интересуется, не намекает ли встреча под тенью лилии в раю на благодать триумфального возвращения из Изгнания, подобного освобождению израильтян от вавилонского пленения... Конечно, - добавил он после паузы, - в этом случае речь идет не только об изгнанниках из Восточной Европы, но и о подавляющем большинстве европейцев вообще...

- Мне бы такое и в голову не пришло, - сказал доктор.

- Мне тоже, - присоединился к нему Ефтимие.

Ласказ, выждав минуту-другую, продолжал:

- Знаете, что говорил Валентин всякий раз, когда мсье Илиеску пробовал выспросить у него, при каких обстоятельствах он встретил своего бывшего историка? Он говорил, что не смеет сказать, потому что его не примут всерьез.

- Но как может Илиеску, человек науки... - начал было доктор Тэушан.

- Может - не может, - перебил его Ласказ, - но это вам не шутки. Последний раз Илиеску видел Валентина ровно неделю назад. Тот позвонил ему из Музея (замечу в скобках, что он никогда не информировал Илиеску, куда едет, а просто исчезал). И вот, неделю назад он звонит и говорит, что приехал в Париж поработать в Музее. А когда они встречаются, дает все-таки согласие рассказать про свои свидания с учителем, но только какой-нибудь важной персоне, священнослужителю или научному светилу...

- Какая наглость! - вырвалось у Ефтимие.

Ласказ взглянул на него с улыбкой.

- Это, конечно, поставило нас в затруднительное положение, - продолжал он. - Мы проконсультировались, с кем следует, и выбрали крупного религиозного деятеля, который бы вызвал у Валентина доверие. Но на это ушло несколько дней. И когда мы связались с мсье Илиеску и вместе с ним отправились самолетом в Бриансон за Валентином (в Париже он пробыл всего пару дней), того уже не было. Мы, по крайней мере, его не нашли...

- Хотя, - с улыбкой вставил доктор Тэушан, - я думаю, что за ним следили.

- Естественно. Как и за мсье Илиеску - сразу после статьи в «Ла Депеш». Как и за всеми вами. Следили и следят.

- Мы знаем, - прошептал Ефтимие.

- Но долго он не сможет скрываться, - сказал Мэргэрит. - Все-таки иностранец и неопытный. Разыщут непременно.

- Конечно, мы его найдем, - согласился Ласказ. - Но время уходит. Мы уже потеряли слишком много времени. Никто из вас, сколько я понял, не встречал его последние дни...

- Нет, нет! - сказали все в один голос.

Зазвонил телефон, Буасье взглянул на часы и, резко поднявшись, бросил Мэргэриту:

- Пардон, это нам.

Взял трубку и несколько секунд слушал, не произнося ни слова. Потом кивком подозвал Ласказа и передал трубку ему. Слушая, Ласказ менялся в лице - от неприкрытого удивления до откровенной радости.

- Прекрасно! - воскликнул он раз, бросив многозначительный взгляд на Буасье, и снова смолк, время от времени посматривая на часы. Наконец, прошептав «тем лучше», аккуратно положил трубку на рычаг. Помедлил, выжидая, буравя взглядом всех четверых по очереди, потом вернулся на свой стул, ближе к кушетке.

- Итак? - выдохнул доктор Тэушан.

- Последние новости неплохие, но в то же время дело осложняется. Довожу до вашего сведения, что Валентин получил аудиенцию у Его Святейшества Архиепископа Парижского. Каким образом Валентину передали, что аудиенция была назначена на сегодня, на три часа дня и именно у Архиепископа Парижского, мы узнаем потом. Пока что Его Святейшество позвонил ответственному лицу и пересказал всю встречу с Валентином. Я не могу входить в подробности, позволю себе только отметить, что на Его Святейшество произвели сильное впечатление...э... признания нашего милого натуралиста. Впрочем, - с улыбкой добавил Ласказ, - Валентин проведет эту ночь в Архиепископстве, Его Святейшество изъявил желание, чтобы тот сопровождал его завтра, когда он полетит в Рим.

- Итак, старик понял, - пробормотал Буасье.

- Увы, не он один! - в тон ему процедил Ласказ. - Бедняга пилот!.. - И снова по-румынски, ко всем: - Похоже, аудиенция у Архиепископа была подстроена гораздо раньше...

- Но какого рода «признания» сделал ему Валентин? - осмелился спросить доктор.

Ласказ пожал плечами, не заботясь больше о любезном выражении лица.

- Это нам доложат. Пока, по крайней мере, Его Святейшество заверил нас, что выражение «под тенью лилии в раю» не содержит в себе ничего еретического. Он предложил нам перечитать Евангелие и Святых Отцов...

- Ну, а бывший Валентинов учитель, они правда встречались? - напомнил Ефтимие.

- Во всяком случае, Его Святейшество заверил, что причин сомневаться в этом нет.

- Жив, значит! - воскликнул Мэргэрит. - Но где же он сейчас? В какой стране?

- Узнаем в свое время. Пока для нас и для вас, эмигрантов из Румынии, практический интерес - в том, что вам не придется провести последующие пять-шесть суток в отеле на Корсике...

- Что ж, и на том спасибо! - съязвил доктор.

- Не за что, лишние хлопоты нам тоже ни к чему, - парировал Ласказ.

Ефтимие заерзал в кресле, собираясь задать вопрос.

- А грузовики? - опередил его Мэргэрит.

- Вот-вот, я тоже хотел спросить, - подхватил Ефтимие. - Что с грузовиками, которые исчезают, - это правда? - И, видя, что Ласказ переводит взгляд на коллегу, добавил: - Или, как считает Илиеску, речь идет о военной тайне?

- Я же сказал: новости хорошие, но дело в то же время осложняется. Осложняется, поскольку уходит из-под нашего контроля. Отныне этой загадкой - с машинами, которые становятся невидимыми в определенной точке пространства, в определенный момент времени, - этой загадкой займутся теперь другие.

- То есть? - спросил Ефтимие.

- Валентин уверил Его Святейшество, что сии таинственные машины изменили маршрут. Теперь он будет пролегать через нейтральную страну.

- Через нейтральную страну? - вскинулся Буасье.

Взгляд Ласказа остался спокойным, ясным.

- Именно так он выразился. И повторил: нейтральная страна.

Буасье, вскочив, разразился взволнованной французской тирадой:

- Но речь идет о метафоре! Я-то Валентина знаю! Мы можем его упустить, скорее за ним!

Ласказ тоже встал, зараженный его волнением. Зазвонил телефон, и, чуть поколебавшись, Мэргэрит снял трубку.

- Кто, кто? О!.. Да, он здесь. Даю его вам.

Он сделал знак Ефтимие.

- Инженер Илиеску. Просит тебя.

Все поднялись с мест и застыли. Ефтимие слушал с торжественным выражением лица, кивая. Иногда он нервно передергивал плечами, но не осмеливался вставить ни слова. Только напоследок робко пробормотал:

- Но они тоже здесь... Я им передам. Вообще нас тут много. Я скажу всем... Да, да, хорошо!

Он оглядел присутствующих с победоносным, хотя и несколько озадаченным видом. Пошел было к креслу, но раздумал и остался стоять, как и все остальные.

- Это был Илиеску, - начал он. - Четверть часа назад ему позвонил Валентин, сообщил, где мы, и попросил передать нам послание. Но разрази меня Бог, если я понял,

что он хотел сказать этим своим посланием! Я уяснил одно: пока нам не грозит никакая опасность. Тем не менее мы не должны забывать, что близится Исход и что нам надо уже сейчас готовить себя к этому. Илиеску ему: «Как же себя готовить?» А Валентин: «Каждый готовит себя по-своему. Тот, кто никогда, допустим, не любил цветов, пусть научится их любить. И тогда они снова откроют ему свою тайну, которая открыта детям, но очень скоро забывается...», а что дальше, - в смущении добавил Ефтимие, - вылетело из головы, слишком мудрено...

- Что-нибудь про тень райских лилий? - подсказал Постэвару.

- Нет! - отрезал Ефтимие. - Про это я бы не забыл. Но погодите, не перебивайте, а то я перепутаю все Валентиновы рекомендации. Значит, так, сначала эта штука с цветами, потом: «Кто раньше говорил только со своей собакой или кошкой, пусть попробует поговорить с другой живностью, хотя бы с птицами в парках или со змеями в ботаническом саду. Пусть его не обескуражит, если сначала он не поймет, что они ему отвечают. Пусть наберется любви и терпения - и так постепенно прозреет и увидит, сколь великолепна данная ему жизнь» (это приблизительно, дословно сказать не могу). А остальное, - продолжал Ефтимие, немного помолчав, - я вообще не понял. Например - Илиеску повторил мне эту фразу дважды, упирая на ее важность, - например: «Давайте смотреть и на небо без звезд, и на пустые вагоны без огней, давайте улыбаться при встрече всем, а первым - старикам и старушкам...» ну, и дальше в таком же роде, разве все упомнишь?..

- А сам Илиеску? - спросил доктор Тэушан. - Какая реакция была у Илиеску?

Ефтимие устало облокотился о спинку кресла и, покосившись на Ласказа, ответил:

- Мне показалось, что Илиеску под сильным впечатлением. Он сказал: «Валентин был прав, а не я. Он понял...»

- Что именно? - спросил Мэргэрит.

- Не знаю. «Он понял», и все.

- А как насчет грузовиков, который исчезают после полуночи? - вступил Тэушан.

Ефтимие оторвался от спинки кресла, достал платок и отер лоб.

- Намеками. Сказал, что благодаря Валентинову посланию - вот этому самому, телефонному, он понял - и мы тоже поймем, он уверен, - почему одни грузовики исчезают, а другие нет, и что с ними происходит. А значит, поймем и то, что нас ждет, то есть некоторых из нас.

- Я пока что ничего не понимаю! - провозгласил Ласказ, направляясь к двери.

Но вдруг, приостановясь, спросил у Ефтимие:

- Откуда он звонил, Илиеску?

- Из автомата. Он сказал, что там очередь, два-три человека, и что поэтому он так торопится.

- Мы тоже! - Ласказ улыбнулся, подавая Ефтимие руку.

У дверей он обернулся на Буасье, который озабоченно листал записную книжку.

- Надо поторапливаться, дорогой!

- Но это еще не все, - пробормотал Ефтимие. - Он сказал, что уезжает, прямо сейчас...

Ласказ засмеялся.

- Ну и что? Мы едем с ним. И он не удивится, когда нас увидит. Инженер Илиеску давно знает, что за ним следят, за каждым его шагом следят...

Ефтимие покачал головой и, помявшись, проговорил через силу:

- Вообще-то я не хотел повторять, что он сказал мне на прощанье...

Ласказ с любопытством вскинул на него глаза.

- Что же?

- Он сказал, чтобы вы больше не утруждали себя слежкой, что он выполнил свой

долг, передал вам послание...

- Ну, это он так считает, - заметил Ласказ. - Есть и другие проблемы, которые нам надо обсудить вместе.

Ефтимие машинально вытер ладони носовым платком.

- ...И еще он сказал: если инспектор Ласказ захочет во что бы то ни стало меня увидеть, пусть ждет послезавтра между двумя и тремя часами ночи на сто девятом километре шоссе Базель-Шафхаузен. Но поговорить мы не сможем. Я буду в третьем грузовике, вместе с Валентиновым учителем истории...

- Серьезно? - воскликнул Ласказ, чрезвычайно развеселившись. - А больше он ничего не сказал?

Ефтимие ответил не сразу, глядя на инспектора с ласковой грустью.

- Сказал. Он сказал: поблагодари мсье старшего инспектора Ласказа за его любезность, и пусть вспомнит нашу первую беседу. Если бы в тот вечер он не сказал мне на прощанье: «Блаженны миролюбцы!» - что сталось бы с моей душой?

Когда отстучали их быстрые шаги по ступеням и хозяин, вернувшись, бессильно опустился на стул, Ефтимие произнес чуть слышно:

- Не знаю, хорошо ли я сделал, что не все им сказал.

Мэргэрит в удивлении обернулся к нему.

- Я только повторил послание Валентина, - продолжал Ефтимие, - но скрыл, к какому выводу пришел Илиеску относительно исчезающих грузовиков... Илиеску сказал: «Валентин был прав, опять готовится Ноев ковчег».

- В каком смысле? - заволновался Мэргэрит.

- Этими таинственными машинами перевозятся люди, отобранные по всем странам. Грузовики не пропадают совсем, а просто переходят в пространство с другими, нежели у нас, измерениями...

- Выражайся, будь добр, яснее! - призвал его Мэргэрит.

Ефтимие грустно усмехнулся.

- Да я и сам толком не разобрался, могу только повторять за Илиеску: по сути дела, речь идет о камуфляже, и у него такие же функции, как у всякого камуфляжа, а именно - замаскировать, но в то же время дать знать предупрежденным. Илиеску сказал, и это я запомнил слово в слово, что путь к Ноеву ковчегу, то есть к пространству с другими измерениями, может быть мгновенным и невидимым, но, для нашего же блага, иногда прибегают к такому вот транспортному камуфляжу, в виде машин...

- А почему «для нашего же блага»? - спросил доктор.

- Он не успел объяснить. Но из всего им сказанного я понял, что речь может идти о знаках, которые нам делают и которые кто-то из нас различает, а кто-то нет. Он дважды повторил: «Дорогой Ефтимие, нам постоянно делают самые разные знаки. Раскрой же глаза и дай себе труд их расшифровать».

- Вот оно что! - с горечью воскликнул Мэргэрит. - Выходит, скоро конец света. Всемирный потоп. Апокалипсис!..

- Нет, нет! - остановил его Ефтимие. - Илиеску сказал, что знаки нам делают давно, много веков. Только камуфляж меняется в соответствии с эпохой. Сейчас, когда все решает техника...

- Ну, ну, - Мэргэрит даже подошел поближе. - Этого-то тебе Илиеску не говорил, про технику...

Ефтимие покраснел.

- Положим, не говорил, просто не успел. Но я сам дошел. В сущности, Валентин и Илиеску правы: нам делают знаки, а мы проходим мимо, оставляя их без внимания...

И поскольку Мэргэрит смотрел на него все так же недоверчиво, счел нужным

распространиться:

- Взять хотя бы нашу сегодняшнюю встречу: четверо румын, двое французов и два телефонных звонка. И все это: встреча, разговор и звонки, - вокруг одной фразц: «под тенью лилии, в раю». Вам это не кажется любопытным?

Все взгляды сосредоточились на нем.

- Ну, и каков же вывод? - первым нарушил тревожное молчание доктор. - Что, по-твоему, с нами будет?

Ефтимие спокойно расположился в кресле.

- Подождем, - ответил он и улыбнулся. - Вдруг нам еще позвонят. По телефону или в дверь...

- А если даже и позвонят, - начал Мэргэрит, - если и позвонят...

Но тут же, побледнев, бросился к телефону и схватил трубку.

- Алло! Алло!

Подождал секунду, потом еще раз крикнул:

- Алло!

Все подошли и сгрудились вокруг него.

- Молчат, - прошептал Мэргэрит и медленно опустил трубку на рычаг. - Никого...

Чикаго, 1982

Перевод с румынского
Анастасии СТАРОСТИНОЙ

Мирча ЭЛИАДЕ (1907-1986), крупнейший ученый - философ, специалист по религиям, мифам, оккультным и научным воззрениям древнего мира, - большую часть жизни прожил в эмиграции (последние 30 лет вел кафедру истории религий в Чикагском университете). Будучи гражданином мира, он тем не менее всегда чувствовал свои балканские корни. Мытарства соотечественников на родине и в диаспоре (в том числе от зловещего засилья «охранки») претворялись, когда он писал, параллельно с научными трудами, прозу, - в мистические образы, непременно выводились на глобальный уровень.

Так и в предлагаемом рассказе он расширяет идею диаспоры, отождествляя библейское изгнание человека из рая и изгнание человеков с родины, и строит, волей своей фантазии, новый Ноев ковчег, который возвратит достойнейших из нас по домам - или в наш изначальный Дом, который был под тенью лилии, в раю.

А.С.

Содержание

Издание подготовлено редакцией
армяно-еврейского вестница «Ной»

Редактор В.Варжапетян
Главный художник В.Петров
Обложка художника Марка Ибшмана
Верстка А. Полякова

Набор и верстка выполнены
редакционно-издательской фирмой
«Под знаком «П»

Подписано в печать 25.3.93
Формат 84x108 1/32
Бумага офсетная
Заказ N 509
Тираж 999 экз.

НОЙ
נח
תשנ"ג · Т